

РАЙЧЕЛ
МИД

От автора
«АКАДЕМИИ ВАМПИРОВ»

Succubus Blues
БЛЮЗ
СУККУБА

Annotation

Как не продешевить, продавая дьяволу душу? Если вы женщина, просите, чтобы вас сделали суккубом. Выгод не перечсть: это и вечная молодость, и ослепительная красота, и роскошный гардероб — мужчины будут падать к вашим ногам пачками, чтобы за каждое прикосновение к вам платить годами жизни.

По-другому и быть не может — на то и суккуб, чтобы выкачивать из людей энергию. Так что если вдруг к вам придет настоящая любовь, и вы ужаснетесь, сообразив, что это означает скорую гибель вашего избранника, и захотите вновь стать простой смертной — берегитесь, как бы такое решение не разгневало силы тьмы.

Содержание

Райчел Мид

Блюз суккуба

Моим чудесным родителям, Ричарду и Бренде. Вы в детстве привили мне любовь к мифологии и романам, а потому были просто обязаны увидеть это сочинение.

Глава первая

Статистика показывает, что продавать свою душу смертных заставляют пять причин: секс, деньги, власть, месть и любовь. Именно в таком порядке.

Наверное, следует сказать, что хотя в данном случае я содействовала *numero uno* [\[1\]](#), но от всей этой ситуации мне было... ну, противно. Что было для меня довольно странно.

«Возможно, я просто утратила способность ставить себя на место другого, — думала я. — В конце концов, время есть время. Когда я была девушкой, люди еще верили, что лебеди могут оплодотворять женщин».

Стоявший рядом Хью терпеливо ждал, когда я преодолею свои сомнения. Он сунул руки в карманы хорошо отглаженных брюк и прислонился к «лексусу».

— Не понимаю, в чем проблема. Можно подумать, ты делаешь это в первый раз.

Он слегка кривил душой, но мы знали, о чем речь. Не обращая на него внимания, я оглядела окрестности, однако это не улучшило моего настроения. Предместья всегда нагоняли на меня тоску. Одинаковые дома, ухоженные газоны, слишком много внедорожников. А сейчас, вдобавок ко всему, где-то в ночи без умолку лаяла собака.

— Этого я не делаю, — наконец сказала я. — Даже у меня есть моральные принципы.

Долговязый Хью насмешливо фыркнул, выражая свое отношение к этим моим принципам.

— О'кей, может быть, тебе будет легче, если ты станешь думать об этом не как о наказании, а как о благотворительном акте.

— Благотворительности?

— Конечно.

Хью вынул карманный компьютер и тут же приобрел деловой вид, несмотря на свою необычную внешность. Впрочем, меня это не удивило. Он был профессиональным бесом, видел насквозь души смертных, являлся экспертом по части контрактов и юридических фокусов, способным заставить позеленеть от зависти любого адвоката.

Кроме того, он был моим другом. Это лишний раз подтверждало правильность известной поговорки о друзьях и врагах.

— Вот что о нем известно, — сказал он. — Мартин Миллер. Конечно, мужчина. Индоевропеец. Лютеранин, не посещающий церковь. Продает компьютерные игры в гипермаркете. Живет здесь, в цокольном этаже дома, принадлежащего его родителям.

— О боже...

— Я же говорил.

— Благотворительность или нет, но это уже... чересчур. Повтори, сколько ему лет.

— Тридцать четыре.

— Тьфу!

— Вот именно. Если у такого мужчины никого нет, он с горя может пойти на все, — Хью посмотрел на часы. — Так ты сделаешь это или нет?

Судя по всему, я мешала Хью встретиться с дамой вдвое моложе его возраста. Точнее, возраста, на который он выглядел. На самом деле ему было около сотни.

Я положила сумочку на траву и мрачно посмотрела на Хью.

— Будешь у меня в долгу.

— Буду, — подтвердил он.

Хвала небесам, ко мне с такими просьбами обращались редко. Обычно Хью использовал других помощниц, но сегодня оказался в цейтноте, и искать кого-то другого ему было просто некогда.

Я пошла к дому, однако он остановил меня.

— Джорджина...

— Да?

— Есть одна вещь... э-э...

Я резко обернулась. В голосе Хью слышалось что-то подозрительное.

— Какая?

— У него... э-э... есть пожелание.

Я приподняла бровь и стала ждать.

— Понимаешь, этот малый действительно попал в переделку. Раз уж он продает душу дьяволу, если можно так выразиться, то хочет, чтобы его лишила девственности демоница или что-то в этом роде...

Клянусь, в этот момент даже собака перестала лаять.

— Ты шутишь.

Хью не ответил.

— Я не...

— Нет. Ни в коем случае.

— Брось, Джорджина. Это же пустяк. Пожалуйста, сделай это для меня, ладно? — Он притворился грустным и разочарованным. Сопrotивляться ему было невозможно. Как я уже говорила, этот бес знал свое дело. — Я действительно оказался в трудном положении! Если ты мне поможешь... это для меня так много значит...

Я застонала, потому что была не в силах отказать ему.

— Если кто-нибудь об этом узнает...

— Я могила. — Он хлопнул себя по губам.

Я неохотно наклонилась и расстегнула туфли.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Это мои любимые туфли от Бруно Магги^[2]. Не хочу, чтобы их засосало, когда я начну превращаться.

— Да, но... ты же сможешь вернуть им прежнюю форму.

— Они уже не будут теми же.

— Будут. Ты в состоянии сделать с ними что угодно. Не глупи.

— Послушай, — начала я, — ты собираешься обсуждать мои туфли или предпочитаешь, чтобы я лишила девственности твоего мужика?

Хью замолчал и показал на дом.

Я пошла по газону. Трава щекотала мои босые ступни. Как и говорил Хью, задняя дверь была открыта. Я вошла в спящий дом, надеясь, что там нет собаки. Как я дошла до жизни такой? Когда глаза привыкли к темноте, я увидела удобную гостиную представителя среднего класса: диван, телевизор, книжные полки. Слева находилась лестница, справа — выход в коридор.

Я пошла по коридору, чувствуя, что превращаюсь на ходу. Ощущение было столь знакомым и привычным, что мне даже не требовалось смотреть в зеркало. Мой рост увеличился, фигура осталась стройной, но формы стали более выпуклыми, кожа, прежде слегка загорелая, приобрела мертвенно-бледный оттенок. Волнистые волосы, достигавшие

середины спины, сохранили длину, но стали прямыми, грубыми и черными как смоль. Грудь, и так достаточно впечатляющие, теперь могли соперничать с буферами героинь комиксов, на которых наверняка вырос этот тип.

А наряд... Прощайте, мои любимые бермуды и блузка. На мне красовались черные кожаные сапоги до бедер, топ того же цвета и ультракороткая юбка, не позволявшая нагнуться. Образ довершался остроконечными крыльями, рогами и плеткой.

— О боже, — пробормотала я, случайно увидев себя в маленьком настенном зеркале.

Оставалось надеяться, что никто из местных демониц об этом не узнает. Все они были особами довольно консервативными.

Отвернувшись от коварного зеркала, я посмотрела на пункт моего назначения: закрытую дверь с табличкой «Люди работают». Из-за нее доносилось слабое попискивание видеоигры, которое прекратилось сразу же, как только я постучала.

Спустя мгновение дверь открылась, и я оказалась лицом к лицу с малым ростом в чуть больше метра шестидесяти. У него были грязные светлые волосы длиной до плеч, которые заметно редели на макушке, а его жирное волосатое брюхо обтягивала майка с изображением Гомера Симпсона. Увидев меня, малый тут же выронил пакет.

— Мартин Миллер?

— Д-да... — выдавил он.

Я щелкнула плеткой.

— Ты готов поиграть со мной?

Я вышла из дома Миллера ровно через шесть минут. Видимо, мужская сила совсем не зависит от возраста, она либо присутствует, либо нет.

— Вот это скорость, — заметил Хью, увидев, что я иду к машине.

Он снова облокотился о свой «лексус» и закурил.

— Не лыком шиты. У тебя есть еще сигарета?

Он усмехнулся и протянул мне свою, предлагая затянуться.

— Не обижайся, но твои крылья возбуждают меня до невозможности.

Я выдохнула дым и прищурилась. Когда короткий осмотр местности подтвердил, что никого рядом нет, я приняла первоначальную форму.

— Ты передо мной в большом долгу, — напомнила я, надевая туфли.

— Знаю. Правда, другой на моем месте сказал бы, что это ты у меня в долгу. Ты сорвала приличный куш. Куда больше обычного.

Хью был прав, но это не улучшило мне настроения. Бедный Мартин. Может, он и мерзкий тип, но продать душу дьяволу ради шести минут — это уже чересчур.

— Выпить хочешь? — предложил Хью.

— Нет, слишком поздно. Я еду домой. Хочу еще почитать.

— Да, конечно. Когда настанет великий день?

— Завтра, — объявила я.

Бес хихикнул, издеваясь над объектом моего поклонения.

— Слушай, это же не Ницше и не Торо^[3]. Самый обычный «мэйнстрим»^[4].

— Великому писателю не обязательно быть сюрреалистом или трансценденталистом^[5].

Кому это знать, как не мне? В последние годы я не раз имела дело с гениями.

После моего категоричного заявления Хью фыркнул и отвесил мне насмешливый поклон.

— Будь я проклят, если стану обсуждать с дамой ее возраст.

Я быстро чмокнула его в щеку и направила пешком к машине, припаркованной в двух кварталах отсюда. Открывая дверцу, я почувствовала теплое покалывание, указывавшее на присутствие неподалеку другого бессмертного. Вампир, поняла я за миллисекунду до его появления. Черт побери, как же они быстро двигались!

— Джорджина, моя красавица, мой милый суккуб^[6], моя богиня наслаждений... — пропел он, театрально прижимая к сердцу обе руки.

Прекрасно. Только этого мне и не хватало. Наверное, Дьюан являлся самым мерзким из бессмертных, которых я знала. Его светлые волосы были подстрижены так коротко, что едва прикрывали череп, а выбор одежды и дезодорантов вообще оставлял желать лучшего.

— Отвали, Дьюан. Нам не о чем разговаривать.

— Брось, — проворковал он и придержал дверь, когда я попыталась ее открыть. — Не притворяйся недотрогой. Посмотри на себя. Ты просто светишься. Хорошая выдалась охота, а?

При упоминании об этом я нахмурилась. Должно быть, жизненная сила Мартина обволакивала меня. Я упрямо попыталась открыть дверь, но тщетно.

— Судя по твоему виду, жить ему осталось несколько дней, — добавил вампир, внимательно разглядывая меня. — Кто бы он ни был, поездка в ад доставит ему такое же наслаждение, какое доставила ему ты. — Он лениво улыбнулся, слегка обнажив остроконечные клыки. — Чудесно выглядишь. Видно, хороший парень попался. В чем дело? Я думал, ты удовлетворяешь только подонков.

— Сменила тактику. Чтобы не обнадеживать тебя.

Он одобрительно покачал головой.

— Ох, Джорджина, ты в своем репертуаре. Как всегда, остришь. Но я знавал шлюх, которые хорошо умели пользоваться ртом. Как на работе, так и в свободное время.

— Отпусти, — бросила я, дергая дверь.

— Зачем так спешить? Я имею право знать, что вы с Хью здесь делали. Истсайд — моя территория.

— Ты прекрасно знаешь, что мы не обязаны соблюдать правила, которые ты установил.

— И все же простая учтивость требует, чтобы тот, кто оказывается на участке соседа — в буквальном смысле этого слова, — по крайней мере, здоровался. Слушай, почему мы с тобой никогда не общаемся? Ты передо мной в долгу. Тратишь слишком много времени на этих неудачников.

Неудачниками он называл моих друзей — единственных приличных вампиров, которых я знала. Большинство вампиров, включая Дьюана, были наглыми, грубыми и помешанными на своей территории. Впрочем, как и основная масса смертных мужчин.

— Если не отпустишь дверь, узнаешь много нового о том, что значит «простая учтивость».

Да, конечно, я говорила как героиня «экшен»^[7], но ничего лучшего тогда мне в голову не пришло. Мой голос звучал угрожающе, однако я просто блефовала, и Дьюан это знал. Суккубы обладали харизмой и способностью к трансформации, но вампиры были быстрее и сильнее. Они даже могли сломать человеку запястье во время рукопожатия.

— Ты угрожаешь мне? — Он погладил меня по щеке, от чего волосы на моей шее встали дыбом. Меня передернуло. — Это восхитительно. И так возбуждает. Знаешь, мне хотелось бы увидеть тебя оскорбленной. Если будешь вести себя как хорошая девочка... Уй! Ах ты, сучка!

Видя, что обе руки Дьюана заняты, я воспользовалась предоставленной мне возможностью. Быстрое превращение, и на моей правой руке появились ногти длиной в три дюйма. Я чиркнула ими по его правой щеке. Дьюан среагировал почти мгновенно, но все же я успела пустить вампиру кровь, прежде чем он схватил мое запястье и шарахнул им о машину.

— В чем дело? Это для тебя недостаточно оскорбительно? — не обращая внимания на боль, выдавила я.

Еще одна фраза из плохого фильма.

— Мило, Джорджина. Очень мило. Посмотрим, какой ты будешь милой, когда я...

Тут на перекресток выехала машина и устремилась к нам. В свете ее фар я увидела, что на лице Дьюана появилось нерешительное выражение. Водитель наверняка заметил наш тет-а-тет. Дьюан мог без труда убить помешавшего нам смертного — черт побери, именно этим он и зарабатывал себе на жизнь, — но смерть человека, заступившегося за меня, не понравилась бы нашему начальству. Даже такой подонок, как Дьюан, дважды подумал бы, прежде чем столкнуться с бюрократической машиной.

— Мы еще не закончили, — прошипел он, отпуская мое запястье.

— А я думаю, что закончили. — Теперь, когда спасение приближалось, я осмелела. — Если ты еще раз подойдешь ко мне, этот раз станет последним.

— Дрожу от страха, — саркастически ответил Дьюан.

Он снова блеснул глазами и исчез во тьме, когда автомобиль промчался мимо. Слава богу, что появился этот человек.

Не теряя времени, я забралась в машину и включила двигатель. Нужно было как можно скорее добраться до города. Я вцепилась в руль, мои руки дрожали. Этот болван действительно напугал меня. Я тысячу раз отшивала его в присутствии моих бессмертных друзей, но встретиться с ним один на один на темной улице — это совсем другое дело. Тем более что мои угрозы были пустыми.

Я ненавидела насилие во всех его формах. Наверное, потому что побывала во временах, жестокость и зверство которых не имеют аналогов в современном мире. Людям нравится говорить, будто мы живем в век насилия, но они не имеют представления, что творилось в прошлом. Да, конечно, приятно сознавать, что несколько веков назад насильника быстро кастрировали бы и навсегда избавили от возможности совершить повторное преступление без бесконечных судебных спектаклей, после которых ему могло светить досрочное освобождение за «хорошее поведение». Но, к несчастью, сторонники мщения редко останавливаются на достигнутом, так что уж лучше мириться с современной бюрократией.

Порассуждав на эту тему, мне вдруг захотелось мороженого. Въехав в Сиэтл, я остановилась у круглосуточного магазина, на котором красовалось объявление «Отличное мороженое со вкусом тирамису»^[8]. Мороженое и тирамису... Наивность смертных никогда не перестанет изумлять меня.

Когда я расплачивалась, то обратила внимание на прилавок с цветами. Цветы были так себе, но какой-то молодой человек заинтересовался ими. Наконец он выбрал желтые хризантемы, расплатился и ушел. Я печально посмотрела ему вслед, слегка завидуя девушке, которой они были предназначены.

Как правильно заметил Дьюан, я обычно имела дело с неудачниками. Мужчинами, из-за которых меня не мучила совесть. Такие люди никогда никому не покупали цветов и предпочитали обходиться без романтических жестов. Мужчин, которые дарили женщинам

цветы, я избегала. Ради их же блага. Суккубам такое поведение несвойственно, но мне давно надоело заботиться о своей репутации.

Мне стало грустно и одиноко, я взяла букет из красных гвоздик и мороженое и отправилась домой.

Когда я вошла в дверь, зазвонил телефон. Я положила покупки и посмотрела на определитель: «Номер неизвестен».

— Мой хозяин и повелитель, — сказала я, сняв трубку. — Какое замечательное окончание прекрасного вечера.

— Брось шутить, Джорджи. Зачем ты поцапалась с Дьюаном?

— Что? Джером, я...

— Он только что позвонил. Сказал, что ты его обидела.

— Обидела? Его? — Я чуть не лопнула со злости. — Он первый начал! Подошел ко мне и...

— Ты его ударила?

— Я...

— Ударила или нет?

Я вздохнула. Джером был архидемоном сизтлской епархии и моим начальником. Его работа заключалась в том, чтобы следить как мы выполняем свои обязанности и соблюдаем дисциплину. Однако, как всякий лентяй, он предпочитал, чтобы мы его не тревожили. Его досада ощущалась почти физически.

— Да. Но это была скорее пощечина.

— Понимаю. Пощечина. Ты угрожала ему?

— Ну да. Если придирается к словам. Джером, бросьте! Он вампир. Вы сами знаете, что мне с ним не сладить.

Архидемон замешкался, видимо, мысленно представляя себе, что было бы, если бы я вступила в схватку с Дьюаном. Видимо, эту гипотетическую битву я проиграла, потому что он тяжело вздохнул.

— Да. Могу себе представить. Но больше не провоцируй его. У меня и без того хватает работы, а тут еще приходится улаживать ваши детские ссоры.

— Значит, сейчас вы работаете? — Да уж, детские...

— Спокойной ночи, Джорджи. Больше не ругайся с Дьюаном.

В трубке послышались частые гудки. Демоны мастера на короткие беседы.

Я положила трубку, чувствуя себя смертельно обиженной. Дьюан сам набросился на меня, а потом наябедничал. Но хуже всего было то, что Джером поверил ему. По крайней мере, сначала. Наверное, это обидело меня сильнее всего, так как мне всегда нравилось чувствовать себя любимой ученицей архидемона, на поступки которой все смотрят сквозь пальцы.

В поисках утешения я прямо с мороженым пошла в спальню и стала искать ночную рубашку попросторнее. Кошка, дремавшая в изножье кровати, встала, потянулась и посмотрела на меня, приветственно прищурив зеленые глаза. Моя белоснежная Обри с маленькими черными пятнышками на лбу...

— Я не могу лечь, пока не почитаю, — произнесла я, подавив зевок.

Я сидела с мороженым и книгой, предвкушая, что завтра, наконец, познакомлюсь со своим любимым писателем, который будет подписывать свои книги. Сочинения Сета Мортенсена всегда будили во мне чувства, о существовании которых я не подозревала. Его

последнее сочинение «Пакт Глазго» не смогло облегчить муки совести, которые я испытывала из-за Мартина, но все же заполнило пустоту. Меня изумляло, что смертные, живущие на свете совсем недолго, способны создавать такие чудесные вещи.

— Когда я сама была смертной, мне подобное не удавалось, — сказала я Обри, дочитав пятую страницу.

Кошка потерлась об меня и сочувственно замурлыкала. Слава богу, мне хватило сил поставить стакан с мороженым на тумбочку, так как сразу после этого я рухнула на постель и уснула мертвым сном.

Глава вторая

Утром меня разбудил телефонный звонок. Сквозь тонкие шторы просачивался свет, но его было так мало, что отличить рассвет от полудня не представлялось возможным. После четвертого звонка пришлось ответить. При этом я случайно столкнула Обри с кровати. Она шлепнулась на пол, сердито мяукнула и начала умываться.

— Алло...

— Это ты, Кинкейд?

— Нет, — быстро и решительно ответила я. — Я еще не пришла.

— Ты даже не знаешь, о чем я хочу тебя попросить.

— Конечно, знаю. Другой причины звонить в такую рань у тебя нет. Ни за что. Даг, у меня выходной.

Даг, заместитель заведующего книжным магазином, мой коллега в дневное время, был отличным парнем, но совершенно не мог сохранять хладнокровие. В его голосе тут же прозвучало отчаяние.

— Все позвонили и сказались больными. Нам труба. Ты должна приехать.

— Я тоже больна. Поверь, не могу.

Конечно, это было неправдой. Просто еще не избавилась от остатков сияния, которое окутывало меня после совокупления с Мартином. В отличие от Дьюана, смертные его не «видят», но чувствуют, и оно подсознательно действует как на мужчин, так и на женщин. Сегодняшняя изоляция должна была избавить меня от их приставаний, вызванных приступом любовной тоски. Честное слово, я старалась для их же пользы.

— Врушка. Ты никогда не болеешь.

— Даг, я собиралась прийти вечером на презентацию. Если я отработаю утреннюю смену, то пробуду в магазине весь день. Это настоящее извращение.

— Добро пожаловать в мой мир, малышка. У нас нет выхода. Если тебя волнует судьба магазина, если ты действительно заботаешься о наших покупателях и их благе...

— Короче, ковбой.

— Вопрос стоит так, — продолжил он. — Либо ты приедешь по доброй воле, либо я приду и вытащу тебя из постели силой. Честно говоря, я бы предпочел последнее.

Я возвела глаза к небу и в миллионный раз обругала себя за то, что живу в двух кварталах от работы. Слова Дага о страданиях книготорговца сделали свое дело. Именно на это он и рассчитывал. Я почему-то считала, что без меня магазин не выживет.

— Ладно, так и быть, приду. Это лучше, чем терпеть твои дурацкие шутки и подвергаться сексуальным домогательствам. Но с одним условием. — Мой голос стал твердым.

— Да?

— За кассу не сяду.

Он заколебался.

— Даг, я серьезно. Только не за кассу. Я не хочу иметь дело с каждым покупателем.

— Ладно, — наконец сказал он.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Через полчаса я выбралась на улицу и направилась к магазину. Было облачно и

достаточно прохладно.

Кое-кто из пешеходов, моих товарищей по несчастью, надел пальто. Но я решила, что в брюках и кашемировом свитере не замерзну. Мой наряд и макияж были реальными. Для этого не приходилось трансформироваться. Выбор одежды и косметики доставлял мне удовольствие, хотя Хью снова заявил бы, что я веду себя глупо.

Книжный магазин с находящимся там кафе «Изумрудный город»^[9] растянулся почти на целый квартал в районе, который назывался Королева Анна. Здание было двухэтажное, кафе занимало часть второго этажа. Над входом красовался жизнерадостный зеленый навес, под которым собирались покупатели, ждавшие открытия. Я прошла мимо них и вошла через служебный вход, воспользовавшись ключом.

Не успела я сделать и двух шагов, как на меня набросился Даг.

— Пора открываться. Мы... — Он осекся и внимательно посмотрел на меня. — Ого... Сегодня ты отлично выглядишь. Чем занималась?

«Всего-навсего переспала с тридцатичетырехлетним девственником», — подумала я.

— Это тебе кажется. Просто ты счастлив, что я решила твои кадровые проблемы. Где будет мое рабочее место? В хранилище?

— Э-э... нет. — Даг пытался оправиться от потрясения и осматривал меня с ног до головы. Это мне не нравилось. Все давно знали и о его желании встречаться со мной, и о моих постоянных отказах. — Пойдем, покажу.

— Я уже говорила...

— Не бойся, это не касса, — заверил он.

«Это» оказалось стойкой с кофеваркой на втором этаже. Служащие магазина приходили сюда редко, но ничего особенного в этом не было.

Заведующий кафе Брюс быстро выглянул из-за прилавка. Я часто думала, что в другой реальности Брюс и Даг могли бы оказаться близнецами. У обоих были длинные и тонкие косички, оба носили фланелевые рубашки, отдавая дань моде прошлого века. Разница между ними заключалась лишь в цвете кожи. Даг был американцем японского происхождения, черноволосым и смуглым, а Брюс — мистером арийцем, светловолосым и голубоглазым.

— Привет, Даг, привет, Джорджина, — провозгласил Брюс, а затем уставился на меня. — Мать честная, ты сегодня просто неотразима!

— Даг! Я же сказала, что не хочу иметь дела с покупателями.

— Ты попросила не сажать тебя за кассу. А насчет кафе речь не шла.

Я открыла было рот, собираясь возразить, но меня перебил Брюс:

— Брось, Джорджина. Алекс сообщил, что заболел, а Кэнди уволилась. — Увидев выражение моего лица, он быстро добавил: — У нас касса почти такая же. Ты справишься.

— Кроме того, — заявил Даг, очень похоже передразнивая нашу начальницу, — заместители заведующего должны уметь заменить любого сотрудника.

— Да, но кафе...

— ...является частью магазина. Послушай, нам пора открываться. Брюс все тебе покажет. Не волнуйся, все будет в порядке. — И он улизнул прежде, чем я успела отказаться.

— Трус! — крикнула я ему вслед.

— Послушай, это не так трудно, — начал Брюс, неправильно истолковав мое недовольство. — Ты будешь принимать деньги, а я — варить кофе. Давай потренируемся. Хочешь мокко с белым шоколадом?

— Да, — призналась я.

Все коллеги знали об этой моей слабости. Обычно я выпивала по три в день. Мокко, а не коллег.

Брюс подошел и показал, как наполнять и отмечать чашки, и на какие кнопки нажимать. Он был прав. Это оказалось не так трудно.

— Ты просто родилась для этой работы, — позже заверил Брюс, протягивая мне мокко.

Я фыркнула в ответ, заправилась кофеином и подумала, что сумею справиться с этим делом, если меня будут регулярно снабжать мокко. Кроме того, касса кафе — действительно не касса магазина. «Наверное, утром посетителей здесь немного», — решила я.

Но я ошиблась. Через несколько минут после открытия магазина у прилавка образовалась очередь.

— Большую с молоком, — повторила я слова первого покупателя и осторожно набрала информацию на сенсорной панели кассы.

— Уже готово, — ответил Брюс, нажав на рычаг еще до того, как я успела назвать вид кофе.

Я радостно взяла у женщины деньги и перешла к следующему заказу.

— Большое тощее мокко.

— Джорджина, тощее — это значит без жира.

Я нацарапала на чашке «БЖ». Ничего страшного. Справлюсь.

Следующая посетительница, подняв взгляд, на мгновение растерялась. Придя в себя, она тряхнула головой и скороговоркой выдала:

— Одну маленькую выпаренного, одну большую с обезжиренным молоком и ванилью, одну маленькую двойного капучино и одну большую с молоком без кофеина.

Теперь уже растерялась я. Как она все это запомнила? И кто сейчас пьет выпаренный кофе?

Мои дурные предчувствия не сбылись. С каждой минутой эта работа нравилась мне все больше. Я ничего не могла с собой поделаться. Именно так я была устроена. Я с удовольствием осваивала что-то новое — даже такое банальное занятие, как приготовление эспрессо. Люди попадались разные, но мне нравилось общаться с ними. Именно поэтому меня и направили в сферу торговли.

Стоило побороть сонливость, как моя врожденная харизма суккуба вырвалась наружу. Я стала звездой шоу, я шутила и флиртовала с каждым. А поскольку к этому добавлялся блеск, вызванный Мартином, устоять передо мной было невозможно. Меня не только не ругали, когда я что-то путала, но и назначали свидания. Покупатели прощали мне все.

— Все в порядке, милочка, — успокоила меня пожилая женщина, когда обнаружилось, что я по ошибке сделала ей большую чашку мокко с корицей вместо маленькой без кофеина с обезжиренным молоком. — Время от времени необходимо пробовать новые напитки.

Я широко улыбнулась в ответ, надеясь, что у нее нет диабета.

Я вспомнила о главном событии сегодняшнего вечера только тогда, когда к прилавок подошел парень с экземпляром «Пакта Глазго» Сета Мортенсена.

— Придете на презентацию? — спросила я, пробивая ему чай без кофеина.

Парень долго смотрел на меня, и я приготовилась выслушать выговор. Но он спокойно сказал:

— Да, приду.

— Тогда придумайте для него хорошие вопросы. Не озвучивайте то, что могут спросить другие.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, обычно люди спрашивают: «Откуда вы берете идеи?» или «Поженятся ли Кейди и О'Нил?»

Парень думал над этим, пока я отсчитывала сдачу. Он был симпатичный, но не слишком ухоженный. Русые волосы с рыжинкой, щетина с золотистым отливом. Я не могла понять, решил ли он отращивать бороду или просто забыл побриться. Во всяком случае, щетина казалась довольно ровной. А майка с надписью «Пинк Флойд» дополняла его образ хиппи-перестарка.

— Не думаю, что «обычность» делает вопрос менее важным для того, кто его задал, — наконец произнес парень, немного смущаясь, что возразил мне. — Для настоящего поклонника каждый вопрос нов и неповторим.

Он отошел в сторону, уступая место другому покупателю. Я приняла следующий заказ и продолжила беседу, не желая терять возможность поговорить о Сете Мортенсене со здравомыслящим человеком.

— Думайте не о поклонниках, а о бедном писателе. Когда он слышит одни и те же вопросы, ему хочется повеситься.

— Повеситься? По-моему, слишком сильно сказано.

— Ничего подобного. Сет Мортенсен — человек умный. Его должно тошнить от идиотских вопросов.

Парень задумчиво улыбался, не сводя с меня карих глаз. Потом понял, что ведет себя невежливо, застеснялся и отвел взгляд.

— Я так не думаю. Он ездит по стране и встречается с поклонниками, потому что дорожит ими. Он не станет возражать против повторяющихся вопросов.

— Он колесит по стране и встречается с поклонниками не из альтруизма, а потому что это запланировало издательство, — ответила я. — Кстати, встреча с писателем — это напрасная трата времени.

Парень набрался смелости и снова посмотрел на меня.

— Серьезно? Вы не хотите с ним познакомиться?

— Я... Ну да, конечно, хочу. Просто... Ну... Поймите меня правильно. Я готова целовать землю, по которой ходит этот человек. Мысль о том, что сегодня вечером я увижу его, сводит меня с ума. Я умираю от желания познакомиться с ним. Если он захочет забрать меня и сделать своей наложницей, я соглашусь с условием получать взамен сигнальные экземпляры его книг. Но поездки... на них нужна куча времени. Времени, которое можно было бы потратить на написание следующей книги. Разве вы не знаете, как редко они выходят?

— Да. Я заметил.

Но тут вернулся предыдущий покупатель и пожаловался, что ему дали карамельный сироп вместо карамельной подливки. Какая между ними разница? Я несколько раз улыбнулась, попросила прощения, и вскоре он забыл не только о карамельной подливке, но и обо всем остальном. Когда он отошел от кассы, моего поклонника Мортенсена и след простыл.

Около пяти смена кончилась, и ко мне подошел Даг.

— Я слышал много интересного о представлении, которое ты здесь устроила.

— Даг, о твоих «представлениях» я слышу все время, но никогда не смеюсь над тобой.

Он еще немного помурлыжил меня и наконец отпустил готовиться к презентации.

Правда, перед этим я заставила Дага смиренно признать, что он передо мной в большом долгу. Почему-то и он, и Хью считали, что имеют полное право бессовестно пользоваться моей добротой.

Я быстро преодолела два квартала до дома, чтобы немного перекусить и переодеться. Мое возбуждение росло. Примерно через час я познакомлюсь со своим любимым писателем. Может быть, после этого моя жизнь изменится к лучшему? Напевая себе под нос, я перепрыгивала через ступеньки и доставала ключи жестом, роскошность которого могла оценить только сама.

Едва дверь открылась, как чья-то рука схватила меня и грубо потащила в темноту. Потом меня толкнули спиной в дверь, и та с грохотом захлопнулась. Я завопила от изумления и страха. Неожиданно загорелся яркий свет, и в воздухе повис слабый запах серы. Я зажмурилась, но это не помешало мне понять, что происходит.

Только в аду можно встретить взбешенного демона.

Глава третья

Конечно, Джером не выглядел как демон. Во всяком случае, красной кожи и рогов у него не наблюдалось. Может быть, в другой действительности они у него и присутствовали, но сейчас Джером был в человеческом облике. Как Хью, я и все остальные бессмертные, ходившие по земле.

Сейчас он напоминал Джона Кьюсака.

Серьезно. Без шуток. Архидемон всегда заявлял, что даже не знает этого киноактера, но никто из нас ему не верил.

— Уф, — с досадой сказала я. — Отпустите.

Джером ослабил хватку, но его темные глаза все еще сверкали.

— Хорошо выглядишь, — спустя мгновение произнес демон.

Почему-то это его удивило.

Я разгладила помятый свитер.

— Вы выбрали странный способ выказать свое восхищение.

— Действительно хорошо, — задумчиво продолжил он. — Если бы я знал тебя хуже, то сказал бы, что ты...

— ...сверкаешь, — пробормотал голос за его спиной. — Ты сверкаешь, дочь Лилит, как звезда в ночном небе, как бриллиант, мерцающий на черном бархате вечности.

Я вздрогнула от удивления. Джером мрачно покосился на говорившего, недовольный тем, что его прервали. Я тоже злобно посмотрела на ангела, которого никто не приглашал в мою квартиру. Но Картер только улыбнулся нам обоим.

— Я сказал бы, — бросил Джером, — что ты выглядишь так, словно переспала с хорошим смертным.

— Я оказала услугу Хью.

— Значит, это не начало новой, куда более похвальной привычки?

— Нет. Для этого у меня слишком маленькое жалованье.

Джером фыркнул, но это было всего лишь частью нашего ритуала. Он отчитывал меня за то, что я недостаточно серьезно отношусь к своей работе, я отвечала ему несколькими шутливыми репликами, после чего статус-кво восстанавливался. Я уже говорила, что была любимицей учителя.

Но сейчас я понимала, что шутками тут не отделаешься. Чары, сегодня безотказно действовавшие на моих покупателей, на этих двоих влияния не оказывали. Лицо Джерома было таким же мрачным и серьезным, как и лицо Картера. Несмотря на обычную саркастическую полуулыбку ангела.

Джером и Картер встречались регулярно, особенно когда речь шла о выпивке. Это сбивало меня с толку, поскольку считалось, что между ними постоянно идет битва космических масштабов. Может быть, Картер падший ангел? Когда однажды я спросила об этом Джерома, он расхохотался в ответ. Придя в себя после приступа веселья, демон объяснил мне, что это не так. Если бы Картер был падшим, то он больше не считался бы ангелом. Этот ответ меня не удовлетворил, и я решила, что эти двое просто обязаны быть вместе, поскольку в данной части пространства больше нет никого, кто существовал от начала сотворения мира. Все остальные бессмертные меньшего калибра когда-то были людьми, но Джером и Картер, ими никогда не являлись. По сравнению с их возрастом мои

несколько веков казались каплей в море.

Что здесь понадобилось Картеру? Он мне не нравился. У Картера не было наглости Дьюана, но он всегда выглядел высокомерным и самодовольным. Возможно, как все ангелы. Кроме того, у него было самое странное чувство юмора на свете. Я никогда не могла понять, смеется он надо мной или говорит серьезно.

— Мальчики, чем могу служить? — спросила я, бросив сумочку на стойку. — Вечером мне нужно быть в другом месте.

Джером, прищурившись, посмотрел на меня.

— Я хочу поговорить с тобой о Дьюане.

— О чем именно? Я уже все рассказала. Он задница.

— И за это ты убила его?

— Что?

Я застыла на месте, перестав рыться в буфете, и медленно повернулась лицом к дуэту. Это что, шутка? Но лица обоих были мрачными.

— Убила? Как? Как это вышло?

— Рассказывай, Джорджина.

Я заморгала, внезапно поняв всю серьезность происходящего.

— Вы обвиняете меня в убийстве Дьюана? Подождите... Что за чушь? Дьюан не может быть мертв. Это невозможно.

Джером начал расхаживать по комнате. Его голос звучал преувеличенно непринужденно.

— Уверяю тебя, мертвое не бывает. Мы нашли его на рассвете.

— И что? Он умер от пребывания на солнце? — Другого способа убить вампира я не знала.

— Нет. Он умер, потому что кто-то вогнал кол ему в сердце.

— Ого...

— Джорджи, ты готова рассказать мне, кого ты научила этому?

— Никого я не учила! Я даже не понимаю... не понимаю, о чем речь. Дьюан не может умереть.

— Вчера ты призналась мне, что вы поссорились.

— Да...

— И ты угрожала ему.

— Да, но я просто шутила...

— По словам Дьюана, ты сказала, что он больше никогда не сможет подойти к тебе.

— Я разозлилась на Дьюана. Он напугал меня. Это безумие. Кроме того, Дьюан не может умереть.

Если бы я не цеплялась за эту фразу, то сошла бы с ума. Поэтому и повторяла ее им и себе. Бессмертные бессмертны по определению. И точка.

— Ты вообще что-нибудь знаешь о вампирах? — с любопытством спросил архидемон.

— Кроме того, что они не могут умереть?

В серых глазах Картера вспыхнула смешливая искорка, но Джерому было не до смеха.

— Джорджина, я спрашиваю тебя в последний раз. Это ты убила Дьюана? Ответ да или нет.

— Нет, — твердо сказала я.

Джером посмотрел на Картера. Ангел изучал меня. Его прямые светлые волосы падали

вперед, частично скрывая лицо. Теперь я понимала, чем была обязана его появлению. Ангелы всегда умеют отличить правду ото лжи. Наконец он решительно кивнул Джерому.

— Рада, что прошла испытание, — буркнула я.

Но они больше не обращали на меня внимания.

— Ну, — мрачно заметил Джером, — похоже, теперь мы знаем, что это значит.

— Но не наверняка.

— Во всяком случае, я знаю.

Картер смерил его красноречивым взглядом, и на несколько секунд наступила тишина. Я всегда подозревала, что в такие моменты эта парочка общалась между собой мысленно. Бессмертным низшего ранга такое было недоступно.

— Так Дьюан и в самом деле мертв? — спросила я.

— Да, — вспомнив о моем присутствии, ответил Джером.

— Тогда кто его убил? Если мы уже решили, что это не я?

Они посмотрели друг на друга и молча пожали плечами, как делают плохие родители. Картер вынул пачку сигарет и закурил. О боже, до чего я ненавидела, когда они так вели себя!

Наконец Джером произнес:

— Охотник на вампиров.

Я захлопала глазами.

— Серьезно? Как та девушка из телесериала?

— Не совсем.

— Можно узнать, куда ты идешь вечером? — вежливо спросил Картер.

— На презентацию книги Сета Мортенсена. Не отвлекайте меня. Я хочу знать про этого охотника на вампиров.

— Ты собираешься переспать с ним?

— Что? — Долю секунды я думала, что ангел спрашивает меня про охотника на вампиров. — Вы имеете в виду Сета Мортенсена?

Картер выдохнул дым.

— Конечно. Если бы я был суккубом, питающим страсть к смертному писателю, то сделал бы это. Разве не в твоих правилах стремиться соблазнить как можно больше знаменитостей?

— От знаменитостей у нас и так деваться некуда, — вполголоса заметил Джером.

Переспать с Сетом Мортенсеном? Увы. Это была самая абсурдная мысль на свете. И самая страшная.

Если бы я всосала его жизненную силу, трудно сказать, когда вышла бы его следующая книга.

— Нет! Конечно, нет.

— Тогда что ты собираешься сделать, чтобы он тебя заметил?

— Заметил?

— Конечно. Думаю, этот малый измеряет поклонниц тоннами. Неужели ты не хочешь как-то выделиться из общей массы?

Я почесала в затылке. Такое мне и в голову не приходило. Или приходило? В последнее время мне ничто не доставляло удовольствия, Книги Сета Мортенсена были одним из немногих исключений. Должна ли я признаться в этом и сделать попытку вступить в связь с автором романов? Только сегодня днем я издевалась над его чокнутыми поклонницами. А

теперь готова стать одной из них?

— Ну... Наверное, Пейдж представит ему сотрудников. Это и позволит мне выделиться.

— Да, конечно. — Картер бросил окурок в раковину. — Вряд ли до сих пор он имел возможность познакомиться с продавцами книжных магазинов.

Я открыла рот, чтобы возразить, но Джером помешал мне.

— Хватит. — Он снова бросил на Картера многозначительный взгляд. — Нам пора.

— Я... Минутку! — Невероятно... Картеру все-таки удалось отвлечь меня. — Я хочу узнать об этом охотнике на вампиров как можно больше.

— Джорджи, тебе нужно помнить только об одном. Будь осторожна. Очень осторожна. Я не шучу.

Услышав стальные нотки в голосе демона, я судорожно сглотнула.

— Но я ведь не вампир.

— Это неважно. Некоторые охотники следуют за вампирами, надеясь найти других. Ты можешь попасться такому типу под горячую руку. Заляг на дно. Не оставайся в одиночестве. Будут это смертные или бессмертные, не имеет значения. Можешь продолжить оказывать услуги Хью и пополнить счет еще несколькими душами.

Я подняла глаза к небу. Они направились к двери.

— Я говорю серьезно. Берегись. Будь тише воды, ниже травы. Не лезь в это дело.

— И, — подмигнув, добавил Картер, — передай от меня привет Сету Мортенсену.

Потом оба ушли, аккуратно закрыв за собой дверь. Это была пустая формальность, потому что они могли просто телепортироваться. А в худшем случае, разнести мою дверь на куски.

Я повернулась к Обри. Она сидела на спинке дивана и внимательно следила за происходившим, выгнув хвост.

— Ну, и что мне с этим делать? — спросила я.

Значит, Дьюан мертв? Ну да, он был ублюдком, и я действительно злилась, когда угрожала ему вчера вечером, но не хотела, чтобы его убили по-настоящему. И что с этим охотником на вампиров? Почему мне следует соблюдать осторожность, если...

— Дерьмо!

Мой взгляд упал на табло часов в микроволновке. Они деловито сообщили, что мне нужно срочно возвращаться в книжный магазин. Я тут же забыла про Дьюана, побежала в спальню и посмотрела на себя в зеркало. Обри неторопливо последовала за мной.

Что надеть? Конечно, можно было остаться в чем есть. В свитере и брюках я выглядела солидно и скромно, но их цветовая гамма почти сливалась с моими светло-русыми волосами. Такой наряд был бы в пору библиотекарьше. Хотела ли я выглядеть скромно? Может быть. Я сказала Картеру чистую правду: в мои планы не входило привлечь внимание любимого писателя.

И все же...

И все же я помнила, что сказал по этому поводу ангел. Мне не хотелось стать частью толпы, окружавшей Сета Мортенсена. Сиэтл был конечным пунктом его долгой поездки по стране. Конечно, за последний месяц он видел тысячи поклонников, делавших дурацкие замечания, лица которых слились в одно туманное пятно. Я советовала парню у стойки задать какой-нибудь оригинальный вопрос, а сама и не думала хоть как-то выделиться.

Через пять минут я снова стояла перед зеркалом, на этот раз облачившись в темно-фиолетовый шелковый топ с глубоким вырезом и шифоновую юбку в цветочек. Юбка почти

прикрывала бедра и раздувалась, когда я поворачивалась. Такой наряд годился бы для танцев. Я надела коричневые босоножки и повернулась к Обри в поисках одобрения.

— Что скажешь? Не слишком сексуально?

Она начала вылизывать хвост.

— Да, сексуально, — согласилась я, — высший класс. Думаю, не последнюю роль здесь играет прическа.

Я собрала свои длинные волосы в романтический узел, выпустив несколько прядей так, чтобы они обрамляли лицо и подчеркнули цвет глаз. От быстрой трансформации они зеленее обычного. Но потом я передумала и решила, что обычный цвет — ореховый с золотистыми и зелеными пятнышками — будет смотреться лучше.

Когда Обри отказалась признать, что я выгляжу классно, я схватила пальто из змеиной кожи и грозно уставилась на нее.

— Можешь думать, что угодно. Но этот наряд мне к лицу.

Я взяла свой экземпляр «Пакта Глазго» и пошла на работу, не обращая внимания на изморось. За этим последовало еще одно маленькое превращение. В торговом зале от поклонников яблоку было негде упасть. Им не терпелось увидеть автора книги, уже больше пяти недель возглавлявшей список бестселлеров. Я протиснулась сквозь толпу и направилась к лестнице, которая вела на второй этаж.

— Литература для молодежи находится у той стены, — прозвучал неподалеку дружелюбный голос Дата. — Если вам потребуется что-то другое, скажете.

Увидев меня, он отвернулся от покупателя, выронив стопку книг, которую держал в руках.

Когда Даг опустился на колени и стал подбирать их, покупатели вежливо посторонились. Я сразу узнала книги: это были дешевые издания предыдущих романов Сета Мортенсена.

— Святотатство, — промолвила я. — Ты позволил им коснуться земли. Теперь тебе придется сжечь их. Как флаг.

Не обращая внимания на мои слова, Даг собрал книги, а потом отвел меня в сторону.

— Хорошо, что ты сходила домой и переделалась. О боже, неужели в таком наряде можно поклониться?

— Как, по-твоему, чем я собираюсь заниматься сегодня вечером?

— Смотря по обстоятельствам. В конце концов, здесь будет Уоррен.

— Грубо, Даг. Очень грубо.

— На себя посмотри, Кинкейд. — Он смерил меня оценивающим взглядом, а когда мы начали подниматься по лестнице, неохотно признал: — Хотя выглядишь ты неплохо.

— Спасибо. Я хотела, чтобы Сет Мортенсен заметил меня.

— Не сомневайся, если этот парень не гей, он тебя заметит. Впрочем, он заметит тебя в любом случае.

— У меня не слишком развратный вид?

— Нет.

— И не слишком доступный?

— Нет.

— Я хотела выглядеть сексуально, но классно. Что скажешь?

— По-моему, я уже достаточно польстил твоему самолюбию. Ты прекрасно знаешь, как выглядишь.

Мы добрались до конца лестницы. Стулья занимали все помещение кафе и часть отдела литературы по географии и садоводству. Наша начальница Пейдж совершала чудеса акробатики с проводами и микрофоном. Я не знала, что находилось в этом помещении раньше, но для больших сборищ оно не годилось и акустика в нем была неважная.

— Я помогу ей, — сказал Даг, наш добрый рыцарь. Пейдж была на четвертом месяце. — Советую заняться делом, которое не заставит тебя наклоняться больше, чем на двадцать градусов в любом направлении. И не падать в обморок, если кто-то попытается завести тебе локти за спину.

Я ткнула Дага в ребро, и он снова чуть не уронил книги.

Брюс, все еще стоявший за прилавком, сварил мне четвертую за этот день чашку мокко с белым шоколадом. Я взяла ее и пошла к отделу литературы по географии. Оглядевшись, я заметила парня, с которым днем говорила о Сете Мортенсене. Он все еще держал свой экземпляр «Пакта Глазго».

— Эй, — сказала я.

Услышав мой голос, парень, поглощенный изучением путеводителя по Техасу, вздрогнул.

— Извините, — произнесла я. — Я не хотела вас напугать.

— Я... Н-нет, вы меня не н-напугали, — заикаясь, выдавил он и быстро смерил меня взглядом с головы до ног, задержавшись на бедрах и груди, но больше на лице. — Вы переоделись. — Видимо, он понял, что это может быть растолковано как угодно, поэтому торопливо добавил: — Я не хочу сказать, что это плохо. Наоборот, хорошо. Э-э... то есть...

Парень окончательно смутился, отвернулся и попытался поставить путеводитель на место, перевернув его вверх ногами. Я скрыла улыбку. Парень был очень симпатичный и застенчивый. Такие сейчас редко попадаются. Теперь для свиданий требуется, чтобы мужчина наряжался как павлин и вел себя соответственно; к несчастью, кажется, многие женщины клюют на это. О'кей, я и сама иногда следую их примеру. Но застенчивые мужчины тоже вправе на что-то рассчитывать. Поэтому я решила, что безвредный флирт во время ожидания презентации польстит его самолюбию. Вряд ли ему везло с женщинами.

— Позвольте мне, — предложила я, слегка прижалась к нему, взяла из рук книгу, перевернула и аккуратно поставила ее на полку. — Вот так.

Я сделала шаг назад якобы для того, чтобы полюбоваться своей работой. Теперь мы стояли рядом, почти касаясь друг друга плечами.

— Имея дело с книгами, нужно, соблюдать порядок, — объяснила я. — Внешний вид играет в этом бизнесе важную роль.

Парень осмелился еще раз взглянуть на меня. Он по-прежнему нервничал, но быстро восстановил самообладание.

— Я больше ценю содержание.

— Серьезно? — Я слегка сменила позу, чтобы мы прикоснулись друг к другу еще раз. Мягкая фланель его рубашки коснулась моей обнаженной кожи. — Минуту назад я поклялась бы, что форма вам отнюдь не безразлична.

Парень снова опустил глаза, но я заметила, что он слегка улыбнулся.

— Да. Некоторые вещи бывают такими ослепительными, что не могут не привлечь к себе внимание.

— А разве это не вызывает у вас желания познакомиться с содержанием?

— Честно говоря, мое самое большое желание — прислать вам сигнальные

экземпляры.

Сигнальные экземпляры? Что он хочет этим сказать?

— Сет! Сет, где... Ах, вот где вы.

Пейдж свернула в наш проход. За ней шел Даг. Увидев меня, начальница широко улыбнулась. Когда я все сопоставила, у меня душа ушла в пятки и со стуком ударилась об пол. Нет. Нет. Этого, не может быть...

— Ах, Джорджина, я вижу, ты уже познакомилась с Сетом Мортенсенем.

Глава четвертая

— Пристрели меня, Даг. Пристрели немедленно. Избавь от мучений.

— О господи, Кинкейд, что ты ему сказала? — пробормотал Даг.

Мы стояли вместе со многими другими. Все стулья были заняты. Мне повезло. Сотрудники магазина находились в заранее выделенной секции, откуда было хорошо видно Сета Мортенсена, читавшего отрывки из «Пакта Глазго». Но попадаться ему на глаза мне не хотелось. Более того, я предпочла бы больше никогда не встречаться с ним лицом к лицу.

— Ну, — шепотом начала я, боясь привлечь внимание Пейдж, — я критиковала его поклонников и говорила, что он очень долго пишет...

Даг смотрел на меня и ждал продолжения.

— А потом сказала — не зная, с кем говорю, — что согласилась бы стать наложницей Сета Мортенсена за право получать сигнальные экземпляры его книг.

Я не упомянула о своем импровизированном флирте. Подумать только, я хотела польстить самолюбию застенчивого парня! О господи... При желании Сет Мортенсен мог бы каждую ночь спать с очередной из поклонниц, сопровождавших его в поездке.

Впрочем, вряд ли это было в его духе. Сначала он нервничал на публике так же, как и в разговоре со мной. Однако успокоился, начав читать отрывки из книги. Похоже, ему нравилась модуляция собственного голоса.

— Какая же ты поклонница, если не знаешь, как выглядит твой кумир? — спросил Даг.

— На его книгах нет фотографий автора! Кроме того, я думала, он старше. — На вид Сету было около тридцати пяти, немного старше меня в моем нынешнем обличье, но гораздо младше, чем я его воображала.

— Кинкейд, во всем нужно видеть положительную сторону. Ты достигла своей цели: обратила на себя внимание.

Я подавила стон и уткнулась лицом в плечо Дага.

Пейдж повернула голову и испепелила нас взглядом. Как всегда, наша начальница выглядела ослепительно. Красный костюм очень выгодно оттенял ее шоколадную кожу. Первые признаки беременности делали ее фигуру еще более женственной. Я смотрела на нее с ревнивой тоской.

Когда она сообщила о своей незапланированной беременности, то засмеялась и сказала:

— Сама знаешь, как это получается.

Но в том-то и дело, что я не знала, как это получается. Когда я была смертной, то изо всех сил, но тщетно, пыталась забеременеть, чтобы избежать жалости и плохо скрываемых шуток. А став суккубом, окончательно утратила шанс стать матерью, хотя тогда еще об этом не догадывалась. Способность моего тела создавать новую жизнь была принесена в жертву вечной молодости и красоте. За долгие века привыкаешь к мысли о том, что ты можешь, а что нет, но напоминание об этом продолжает ранить.

Я улыбнулась Пейдж, обещая вести себя хорошо, и переключила внимание на Сета. Он как раз закончил чтение и перешел к ответам на вопросы. Как я и предупреждала, первые из них были: «Откуда вы берете свои идеи?» и «Поженятся ли Кейди и О'Нил?»

Перед ответом Сет посмотрел в мою сторону. Я поморщилась, вспомнив свою фразу о том, что эти вопросы только отвлекают его от творчества. Потом он повернулся к своим поклонникам, серьезно ответил на первый вопрос и шутливо — на второй. На остальные Сет

отвечал лаконично, не давая воли красноречию, но полностью удовлетворяя любопытство спрашивавшего. На людях он держался уверенно. Это меня слегка разочаровало.

Его книги были умными и энергичными. Думаю, именно поэтому я ожидала, что он говорит так же, как пишет. Ждала от него остроумия и харизмы, которыми обладала я. Когда мы с ним разговаривали, Сет произнес несколько толковых фраз, но для этого ему понадобилось время.

Конечно, сравнивать нас было нечестно. Он не имел привычки ослеплять людей, приобретенной мной за века. Увы, мне и в голову не приходило, что мои любимые книги способен создавать слегка рассеянный интроверт. Прискорбно, но факт.

— Все идет нормально? — прозвучало у нас за спиной.

Я обернулась и увидела Уоррена, владельца магазина, моего приятеля и время от времени сексуального партнера.

— Идеально, — бодро и деловито ответила ему Пейдж. — Думаю, минут через пятнадцать он начнет подписывать книги.

— Отлично.

Уоррен обвел взглядом остальных служащих, а потом посмотрел на меня. Он ничего не сказал, но я почти физически почувствовала, как он раздевает меня. Мы занимались с ним сексом довольно часто. Обычно я не возражала, потому что порции жизненной энергии, которые он отдавал мне, были надежными, хотя и небольшими. Поскольку высокой моралью этот человек не отличался, совесть меня не мучила. Когда вопросы закончились, толпу желавших подписать книгу стали выстраивать в очередь. Я предложила свою помощь, но Даг ответил, что все под контролем. Поэтому я отошла в сторону, чтобы не встретиться взглядом с Сетом.

— После окончания презентации встретимся в моем кабинете, — сказал остановившийся рядом Уоррен.

В хорошо сшитом темно-сером костюме он выглядел как настоящий книжный магнат. Я презирала этого человека за то, что он спал со своей молодой сотрудницей, изменяя жене, с которой прожил тридцать лет, хотя признавала его физическую привлекательность. Но после случившегося сегодня у меня не было настроения ложиться на его письменный стол после закрытия магазина.

— Не могу, — вполголоса ответила я, продолжая следить за Сетом, подписывавшим книги. — Я занята.

— Неправда. Сегодня в городе нет танцев.

— Нет, — согласилась я. — Зато есть кое-что другое.

— Что именно?

— У меня свидание, — не моргнув глазом, солгала я.

— Не может быть.

— Может.

— Ты ни с кем не встречаешься, так что не морочь мне голову. Свидание у тебя будет со мной, в моем кабинете, причем желательно, чтобы ты при этом стояла на коленях. — Уоррен подошел вплотную и прошептал мне на ухо, заставив почувствовать тепло его дыхания: — О боже, Джорджина, ты сегодня так сексуальна, что мне хочется сделать это не сходя с места. Что ты делаешь? Ты хоть представляешь, как на меня действует твой наряд?

— Что я делаю? Это я должна задать этот вопрос тебе. Ты готов надеть паранджу на всех женщин в мире. Обвиняешь в преступлении его жертву.

Он хмыкнул.

— Ты понимаешь, что достала меня? Под этой юбкой трусики есть?

— Кинкейд, ты не могла бы подойти и помочь нам?

Я обернулась и увидела мрачного Дага. Это дорогого стоило. Он просил меня о помощи, хотя видел, что на меня предъявляет права Уоррен. Кто сказал, что на этом свете не осталось рыцарей? Даг был в числе немногих, кто знал о моих отношениях с Уорреном, и не одобрял их. Повод для бегства у меня появился, хотя и с опозданием. Я на время избавилась от притязаний Уоррена, отправившись продавать книги.

Сет Мортенсен подписывал книги почти два часа, а когда очередь рассосалась, до закрытия оставалось пятнадцать минут. Он выглядел немного усталым, но пребывал в хорошем настроении. Когда Пейдж пригласила сотрудников подойти и пообщаться с ним, у меня внутри все похолодело.

Она деловито представила нас:

— Уоррен Ллойд, владелец магазина. Даг Сато, заместитель заведующего. Брюс Ньютон, заведующий кафе. Энди Краус, продавец. А с Джорджиной Кинкейд, еще одним заместителем заведующего, вы уже знакомы.

Сет вежливо кивнул и обменялся рукопожатием с каждым. Когда он протянул руку мне, я отвела глаза, надеясь, что на этом все и закончится. Но не тут-то было. Я мысленно поморщилась, ожидая напоминания о нашей, предыдущей встрече. Но он сказал только одно:

— Джей Кей.

Я заморгала.

— Что?

— Джей Кей, — повторил он, словно это все объясняло.

Видя, что я продолжаю по-идиотски таращить глаза, он кивком указал на листовку с рекламой сегодняшнего мероприятия. Там было написано:

«Если вы не слышали о Сете Мортенсене, это значит, что последние восемь лет вы жили на другой планете. Он лучшее украшение современной приключенческой литературы. По сравнению с его книгами все остальные произведения этого жанра выглядят как детские комиксы. Автор нескольких бестселлеров, широко известный мистер Мортенсен пишет как отдельные произведения, так и книги, входящие в популярную серию романов о Кейди и О'Ниле. В „Пакте Глазго“ описываются новые приключения этих неустрашимых сыщиков. На сей раз дело происходит за границей. Они продолжают разгадывать археологические тайны и вести остроумные сексуальные диалоги, за которые мы их и полюбили. Парни, если сегодня вечером вы не можете найти своих подружек, ищите их в нашем магазине. Они сидят на презентации „Пакта Глазго“ и мечтают, чтобы вы были такими же лощеными, как О'Нил.

Дж. К.»

— Дж. К. — это вы. Вы составили этот текст.

Он смотрел на меня, ожидая подтверждения, но я, словно проглотила язык. В голове не было ни одной толковой мысли. Недавнее озорство вышло мне боком. Теперь я смертельно

боялась сказать что-нибудь не то.

Наконец, смущенный моим молчанием, он неловко спросил:

— Вы пишете? Это по-настоящему хорошо.

— Нет.

— Угу. — Пауза затягивалась. — Ну что ж... Наверное, одни люди придумывают истории, а другие их проживают.

Это звучало как подсказка, но я закусила губу, продолжая исполнять новую для себя роль фригидной сучки, жалеющей о своих прежних игривых словах.

Пейдж, которая не понимала, что происходит, но почувствовала возникшее между нами напряжение, попыталась разрядить его.

— Джорджина одна из ваших самых горячих поклонниц. Когда она узнала о вашем приезде, то прыгала до потолка.

— Да, — ехидно добавил Даг. — Она настоящая рабыня ваших книг. Спросите ее, сколько раз она прочитала «Пакт Глазго».

Я смерила его убийственным взглядом, но внимание Сета было сосредоточено только на мне. Его любопытство казалось искренним. «Он пытается перевести наш разговор в прежнее русло», — с грустью подумала я. Это было непозволительно.

— И сколько же?

Я проглотила слюну, не желая отвечать, но его взгляд был слишком упорным.

— Ни одного. Я еще не закончила. — Многолетняя тренировка позволила мне произнести эти слова спокойно и уверенно, хотя ни того, ни другого я не чувствовала.

Сет был сбит с толку. Как и все остальные, уставившиеся на меня с праведным негодованием. Только Даг знал, в чем тут дело.

— Ни одного? — нахмурился Уоррен. — Как так? Ведь книга вышла больше месяца назад!

Ублюдок Даг довольно улыбнулся.

— Расскажи им все. Расскажи, по сколько страниц ты читаешь в день.

Я мечтала провалиться сквозь землю, чтобы избежать этого кошмара. Того, что я вела себя с Сетом Мортенсенем как наглая потаскушка, было мало. Теперь Даг срамил меня, заставляя признаться в своей дурацкой привычке.

— Пять, — наконец промямлила я. — Я читаю по пять страниц в день.

— Почему? — спросила Пейдж.

Похоже, она об этом еще не слышала.

Мои щеки вспыхнули. Пейдж и Уоррен уставились на меня как на инопланетянку, в то время как Сет продолжал молчать с задумчивым видом. Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Потому что... потому что это очень хорошо и потому что впервые прочитать книгу можно только один раз, а я хочу, чтобы это продолжалось как можно дольше. Это знакомство. Иначе я проглотила бы книгу за один день, а это было бы... было бы то же самое, что съесть килограмм мороженого за пять минут. Слишком много сладкого слишком быстро. А так можно растянуть удовольствие. Продлить его. Посмаковать. Мне приходится поступать так, потому что хорошие книги выходят очень редко.

Тут я замолчала, поняв, что снова оскорбила Сета как писателя. Он не отвечал на мою тираду, а по выражению его лица что-либо понять было невозможно. Кроме того, что оно задумчивое. Мне снова захотелось, чтобы земля разверзлась и поглотила меня. Но земля

упорно сопротивлялась.

Даг подбодрил меня улыбкой. Эта моя привычка казалась ему очаровательной. Похоже, Пейдж этого мнения не разделяла, судя по выражению лица начальницы, ей тоже хотелось оказаться как можно дальше отсюда. Она вежливо откашлялась и придала беседе новое направление. После этого я потеряла способность слышать. Мне было ясно только одно: Сет Мортенсен считает меня чокнутой. Я не могла дождаться конца этого вечера. Так продолжалось несколько минут.

— ...это сделает Кинкейд.

Услышав свою фамилию, я вернулась к реальности.

— Что? — я повернулась к Дагу.

— Ты не согласна? — спросил он.

— С чем не согласна?

— Завтра показать Сету город. — Даг говорил со мной терпеливо, как с ребенком. — Познакомить его с местными достопримечательностями.

— Мой брат слишком занят, — объяснил Сет.

При чем тут его брат? И зачем ему нужно знакомиться с местными достопримечательностями?

Я не желала признаваться, что все это время жалела себя, и вместо ответа промямлила что-то неразборчивое.

— Ну, если вы не хотите... — начал Сет.

— Конечно, хочет, — ответил за меня Даг. — Брось, Кинкейд. Вылезай из своей норы.

Мы обменялись взглядами, не менее красноречивыми, чем за несколько часов до этого сделали Джером и Картер.

— Да. Ладно.

Мы договорились с Сетом о встрече, и я поняла, что попалась. Мне больше не хотелось с ним флиртовать. Я предпочла бы, чтобы он навечно вычеркнул меня из памяти. Но завтрашняя экскурсия по Сиэтлу этому никак не способствовала. Скорее всего, я наделаю новых глупостей.

Наконец беседа исчерпала себя. Мы были готовы разойтись, но тут я кое-что вспомнила.

— Ох... Э-э... Мистер Мортенсен... Сет...

Он повернулся ко мне.

— Да?

Я отчаянно пыталась придумать слова, которые могли бы помочь нам вырваться из сети недоразумений, недомолвок и непонятных сигналов. К несчастью, на ум приходили только две фразы: «Откуда вы берете свои идеи?» и «Поженятся ли Кейди и О'Нил?» Повторить их могла бы только идиотка, поэтому я просто сунула ему свою книгу.

— Вы можете подписать ее?

Он взял книгу.

— Да, конечно. — Последовала пауза. — Знаете, я верну ее вам завтра.

Провести вечер без любимой книги? Разве я недостаточно страдала?

— А почему не сейчас?

Он беспомощно пожал плечами с видом человека, не властного над событиями.

— Потому что ничего не могу придумать.

— Достаточно вашего имени.

— Я верну ее вам завтра, — повторил он и ушел с моим экземпляром «Пакта Глазго», не дав мне вымолвить ни слова.

Я хотела побежать за ним, но тут Уоррен дернул меня за руку.

— Джорджина, — любезно сказал он, видя, что я смотрю вслед исчезающей книге и ее автору, — нам нужно обсудить это у меня в кабинете.

Нет. Ни в коем случае. После событий этого безумного вечера мое нежелание заниматься с ним сексом только усилилось.

— Я уже сказала, что не могу.

— Да, знаю. Твое придуманное свидание.

— Оно не придуманное. Оно...

Я говорила и смотрела по сторонам в поисках спасения. Не найдя магического портала в отделе кулинарии, я посмотрела в отдел литературы на иностранных языках и внезапно встретила взглядом с каким-то парнем, задумчиво рывшимся в книгах. Заметив мое внимание, он смущенно улыбнулся, и я тут же ухватилась за соломинку.

— ...с ним. У меня свидание с ним.

Я махнула незнакомцу рукой, подзывая его к себе. Естественно, он удивился, но поставил книгу на место и пошел ко мне. Когда парень приблизился, я фамильярно обняла его за талию и посмотрела на него взглядом, который в свое время заставлял опускаться на колени королей.

— Ну что, ты готов?

В его глазах мелькнуло изумление. Кстати, они были красивые. Яркого зелено-голубого цвета. К моему облегчению, парень все понял и мастерски подыграл мне.

— Можешь не сомневаться. — Незнакомец не только обхватил меня за талию, но и положил мне ладонь на бедро. — Я бы приехал раньше, но застрял в пробке.

Умница. Я посмотрела на Уоррена.

— Отложим разговор до следующего раза, ладно?

Уоррен взглянул сначала на парня, а потом на меня.

— Да. Да, конечно. — Ллойд считал меня своей собственностью, но этого оказалось не достаточно для того, чтобы вступить в схватку с более молодым соперником.

Кое-кто из моих сослуживцев с интересом следил за этим. Как и Уоррен, они не видели, чтобы я с кем-нибудь встречалась. Сет Мортенсен собирал свой чемоданчик, начисто забыв о моем существовании. Он даже не ответил, когда я сказала «до свидания». И, наверное, правильно сделал.

Мы с «поклонником» вышли из магазина. Вечер выдался прохладным. Изморось кончилась, но из-за облаков звезд видно не было. Когда я изучила своего спутника, мне действительно захотелось куда-нибудь сходить с ним.

Он был высокий. Действительно высокий. Сантиметров на двадцать пять выше меня. Иными словами, под метр девяносто. У него оказались черные и волнистые волосы, смуглое лицо и глаза цвета морской волны. На нем было черное пальто и вязаный шарф черно-красно-зеленой расцветки.

— Спасибо, — сказала я, когда мы остановились на углу. — Вы выручили меня из... неприятной ситуации.

— Красивое имя.

— Да уж. Как в любовном романе.

— Серьезно?

— Да. В обычной жизни так людей не зовут. Но в любовных романах оно встречается на каждом шагу. «Роман, пятый герцог Веллингтон». «Роман, ужасный, но ослепительный и неотразимый пират южных морей»...

— Кажется, эту книгу я читала. А меня зовут Джорджина.

— Я так и понял. — Он кивком показал на бейджик, который я носила на шнурке на шее. Возможно, это было предлогом полюбоваться ложбинкой между моими грудями. — Это что, обычная форма заместителей заведующего?

— Черт бы побрал этот наряд! — прошипела я, вспомнив о реакции, которую он вызвал.

— Если хотите, можете надеть мое пальто. Куда бы вы хотели пойти?

— Куда бы я?.. Мы никуда не идем. Я же сказала, вы помогли мне выпутаться из неприятной истории, только и всего.

— И все же эта услуга чего-то стоит, — возразил он. — Носового платка? Поцелуя в щечку? Номера телефона?

— Нет!

— Бросьте. Разве я плохо вам подыграл? Разве не в ту же секунду откликнулся на ваш призывный взгляд?

Спорить с этим не приходилось.

— Ладно. Пятьсот пятьдесят пять двенадцать ноль ноль.

— Это служебный номер.

— Откуда вы знаете?

Он кивнул на вывеску, горевшую за моей спиной. Там была приведена вся информация о книжном магазине. В том числе и контактные телефоны.

— Потому что я грамотный.

— Да ну? Если так, то вы на десять голов выше моих обычных кавалеров.

Это вселило в него надежду.

— Тогда, может, мы все же с вами как-нибудь встретимся?

— Ни в коем случае. Спасибо за помощь, но я ни с кем не встречаюсь.

— Тогда не думайте об этом как о свидании. Думайте как о встрече... родственных душ.

Судя по выражению лица Романа, он видел во мне нечто большее, чем родственную душу. Я невольно поежилась, но не от холода. Наоборот, меня бросило в жар.

Он расстегнул пальто.

— Наденьте. Вы замерзли. Я отвезу вас домой. Моя машина стоит за углом.

— Я живу недалеко, отсюда пешком можно дойти. — Пальто еще хранило тепло его тела и хорошо пахло.

Дорогим одеколоном и... мужчиной. О, черт...

— Тогда позвольте проводить вас.

Его настойчивость очаровала меня. Но тем больше у меня появилось причин для отказа. Именно таких мужчин я старалась избегать.

— Перестаньте, — взмолился Роман, не услышав ответа. — Я прошу не так уж много. Не считайте меня приставалой. Я провожу вас домой, и больше вы меня никогда не увидите.

— Послушайте, вы меня совсем не знаете... — Я остановилась. — Ладно.

— Что «ладно»?

— Ладно, вы можете проводить меня до дома.

— Правда? — обрадовался он.

— Правда.

Когда через три минуты мы добрались до моего жилища, он недовольно развел руками.

— Это нечестно. Вы живете практически рядом.

— Я прошу не так уж много. Я провожу вас домой, и больше вы меня никогда не увидите.

Роман покачал головой.

— Все равно не честно. Очень не честно. Но... — Он с надеждой посмотрел на мой дом, — по крайней мере, теперь я знаю, где вы живете.

— Кажется, кто-то уверял, что он не приставала.

Он улыбнулся, сверкнув белоснежными зубами.

— Никогда не поздно начать. — Роман наклонился, поцеловал мне руку и подмигнул. — До новой встречи, прекрасная Джорджина!

Затем Роман повернулся и пошел обратно. Я следила за ним, продолжая ощущать прикосновение его губ к моей коже. Какой необычный и неожиданный поворот событий...

Когда он исчез, я вошла в дом. И, только миновав несколько лестничных маршей, поняла, что на мне его пальто. Как я его верну?

«Он сделал это нарочно, — подумала я. — Нарочно забыл свое пальто».

И тут до меня дошло, что рано или поздно я снова увижу этого хитрого герцога Романа. Причем скорее рано, чем поздно.

Я фыркнула, преодолела еще несколько ступенек, остановилась и с отчаянием пробормотала:

— О нет, только не это!

За дверью моей квартиры слышались знакомые звуки. Вроде искрящегося смерча или жужжания пчел.

Там меня ждала целая группа бессмертных.

Какого черта? Мне что, начинать выдавать пропуска? Почему все вдруг решили, что имеют право проникать в мое жилье, когда меня нет?

Вдруг я вспомнила, что присутствия Джерома и Картера в квартире не почувствовала. Они застали меня врасплох. Это было необычно, но принесенная ими новость отвлекла меня, и обо всем остальном я забыла.

Теперь картина повторилась. Гнев не позволял мне обращать внимание на мелочи, хотя бы и странные. Я была слишком расстроена. Я поправила сумку на плече и вихрем ворвалась в собственный дом.

— Для организатора убийства ты слишком бурно реагируешь.

Слишком бурно реагирую? За последние двадцать четыре часа я вытерпела девственников, жутких вампиров, обвинение в убийстве, унижение на глазах у любимого писателя и мечтала только о том, чтобы вернуться к себе и отдохнуть. А вместо этого столкнулась с тремя непрошеными гостями. То, что эти существа были моими друзьями, дела не меняло.

Естественно, никто из них не понимал, почему я так разозлилась.

— Вы нарушили неприкосновенность моего жилища! И никого я не убивала! Почему все в этом так уверены?

— Потому что ты сама сказала, что хотела убить его, — объяснил Хью. Бес развалился на моем диванчике с таким видом, словно был здесь хозяином. — Я слышал это от Джерома.

Сидевший напротив наш друг Коди подбодрил меня улыбкой. Для вампира он был слишком юн и представлялся мне младшим братишкой, которого у меня никогда не было.

— Не волнуйся. Он уже успокоился. Мы за тебя заступились.

— Никак вернулась наша очаровательная хозяйка? — крикнул из ванной Питер. Спустя мгновение он появился в коридоре. — Для закоренелой преступницы ты слишком хорошо выглядишь.

— Я не... — Увидев его, я утратила дар речи. На мгновение у меня из головы вылетели мысли об убийстве и вторжении в жилище. — Ради бога, Питер, что случилось с твоими волосами?

Он инстинктивно провел рукой по вихрам в полдюйма высотой, покрывавшим череп. Я не могла понять, каким образом парикмахеру удалось преодолеть законы физики. Но больше всего меня поразило, что концы вихров, выкрашенные в белый цвет, нахально возвышались над темными корнями.

— Эту прическу сделал один человек, с которым я работаю.

— Человек, который тебя ненавидит?

Питер обиделся:

— Я еще никогда не встречал такого грубого суккуба.

— Я думаю, вихры в виде иголок... э-э... подчеркивают форму твоих бровей, — дипломатично сказал Коди. — К ним просто нужно привыкнуть.

Я покачала головой. Мне нравились Питер и Коди. Они являлись единственными вампирами, с которыми я дружила, но общаться с ними было нелегко. По сравнению со страдавшим невротами Питером и неисправимым оптимистом Коди я чувствовала себя нормальным человеком, принимающим участие в фарсе.

— Привыкать придется долго, — проворчала я, принеся с кухни высокую табуретку.

— Кто бы говорил! — парировал Питер. — Достаточно вспомнить твои крылья и плетку!

У меня отвисла челюсть. Увидев мой недоверчивый взгляд, Хью быстро отложил каталог фирмы «Секрет Виктории», который перед этим листал.

— Джорджина...

— Ты клялся, что никому не расскажешь! Говорил, что ты могила!

— Я... э-э... как-то само сорвалось.

— У тебя действительно были рога? — спросил Питер.

— Вот что, выметайтесь отсюда немедленно. — Я показала им на дверь. — Мне сегодня и так досталось. На вашу троицу у меня уже нет сил.

— Но ты еще не рассказала нам, как справилась с Дьюаном. — Щенячьи глаза Коди смотрели на меня умоляюще. — Нам ужасно хочется узнать все подробности.

— Справилась? Мягко сказано. Дьюан отбросил копыта. По всем правилам, — вполголоса напомнил Питер.

— Следи за своими выражениями, — предупредил Хью. — Ты можешь стать следующим.

Тут у меня из ушей чуть не повалил пар.

— Говорю в последний раз. Я не убивала Дьюана! Джером мне верит. Поняли?

На лице Коди появилось задумчивое выражение.

— Но ты угрожала ему...

— Да. Насколько я помню, вы все говорили ему то же самое. Произошло простое совпадение. Я не имею к этому никакого отношения... — И тут я кое-что вспомнила. — Почему все говорят, что я заказала или организовала убийство? Почему никто не говорит, что я убила его сама?

— Постой... Ты же сказала, что не делала этого.

Питер посмотрел сначала на Коди, а потом на меня. Лицо старшего вампира стало серьезным. Конечно, если это слово можно применить к существу с такой прической...

— Никто не говорит, что его убила ты, так как это невозможно.

— Особенно в такой обуви, — Хью показал на мои высокие каблуки.

— Спасибо за полное отсутствие веры в мои способности, но разве я не могла... э-э... застать его врасплох? Если предположить чисто гипотетически.

Питер улыбнулся.

— Ничего не вышло бы. Низшие бессмертные не могут убить друг друга. — Увидев на моем лице удивленное выражение, он добавил: — Неужели ты об этом не знаешь? А еще прожила столько лет...

Он не скрывал насмешки. Между мной и Питером существовало давнее соперничество относительно того, кто из смертных, ставших бессмертными, является в нашем кружке старшим. Никто из нас не признавался в своем возрасте, так что решить вопрос было невозможно. Однажды ночью после бутылки текилы мы стали играть в игру типа «А ты помнишь...» И к утру успели добраться только до эпохи первой промышленной революции^[10].

— Потому что меня никогда не пытались убить. Ты хочешь сказать, что все эти войны вампиров — чушь собачья?

— Ну не совсем, — ответил он. — Поверь, мы можем наносить друг другу серьезные раны, но не смертельные. Если бы мы, склонные защищать свою территорию, могли убивать друг друга, то давно бы уже перестали существовать.

Я молчала, пытаюсь переварить услышанное.

— Тогда как... — Вдруг я вспомнила, что мне сказал Джером. — Их убивают охотники на вампиров.

Питер кивнул.

— А кто они такие, эти охотники? — спросила я. — Джером ничего не объяснил.

Этот вопрос заинтересовал и Хью.

— Ты имеешь в виду ту девицу из телесериала? Знойную блондинку?

— Ну, ребята, на это уйдет вся ночь. — Питер сверху вниз посмотрел на нас. — Вам необходимо прослушать целый курс лекций о вампирах. Джорджина, ты не хочешь предложить нам выпить?

Я нетерпеливо показала на кухню.

— Бери все, что на тебя смотрит. Я хочу знать все об охотниках на вампиров.

Питер вышел из комнаты и завопил, споткнувшись об одну из многих пачек книг, разложенных на полу. Я тут же дала себе слово купить новый книжный шкаф. Вампир хмуро осмотрел мой почти пустой холодильник.

— Тебе следует поучиться гостеприимству.

— Питер...

— Я часто слышу рассказы о суккубе, который живет в Миссуле^[11]. Как бишь ее?

— Донна, — подсказал Хью.

— Да, Донна. Я знаю, что она устраивает роскошные вечеринки дома и приглашает всех.

— Слушайте, парни, если вы хотите встречаться на вечеринках с какими-то жалкими десятками бессмертными, которые живут в Монтане, то переезжайте туда. Все, хватит тянуть резину.

Не обращая на меня внимания, Питер осмотрел красные гвоздики, которые я купила вчера вечером. Я поставила их в вазу на кухне рядом с раковиной.

— Кто прислал тебе цветы?

— Никто.

— Ты это сделала сама? — Голос Коди дрогнул от сочувствия.

— Нет, просто купила. Это не то же самое. Я не... Слушайте, почему мы говорим с всякой ерунде, когда на повестке дня стоит вопрос об охотниках на вампиров? Вам угрожает опасность!

Питер наконец сделал выбор, взяв для себя минеральную воду, а для Коди и Хью — пиво.

— Нет.

— Серьезно? — Услышав это, Коди удивился.

Если судить по возрасту, то по сравнению с нами всеми он был младенцем. Питер учил его ремеслу, если можно так выразиться.

— Охотники на вампиров — это особые смертные, обладающие способностью причинять вампирам реальный вред. Конечно, обычные люди не могут к нам прикоснуться. Только не спрашивайте меня, почему. Насколько я знаю, никаких правил здесь нет. Большинство охотников на вампиров проживает жизнь, даже не догадываясь о своих способностях. А тот, кто знает, иногда пытается сделать на этом карьеру. Время от времени ему удается случайно уничтожить какого-нибудь вампира и причинить мелкие неприятности. Но затем является другой вампир или демон и убивает его.

— Неприятности? — недоверчиво переспросил Коди. — По-твоему, смерть Дьюана — это мелкая неприятность? Неужели ты ни чуточки не боишься, что этот тип придет за тобой? За всеми нами?

— Нет, — ответил Питер. — Не боюсь.

Я разделяла сомнения Коди.

— Почему не боишься?

— Потому что этот человек, кем бы он — или она — ни был, простой любитель. —

Питер посмотрел на меня и Хью. — Что сказал Джером о смерти Дьюана?

Решив, что мне тоже нужно выпить, я пошла на кухню, обследовала мини-бар и налила себе стопку водки.

— Он хотел знать, не я ли это сделала.

Питер махнул рукой.

— Нет, о том, как умер Дьюан.

Хью нахмурил лоб, пытаясь все сопоставить и найти случившемуся какое-то логическое объяснение.

— Он сказал, что Дьюана нашли мертвым... с колом в сердце.

— Вот. Теперь вы поняли?

Питер бросил на нас торжествующий взгляд. Мы тупо посмотрели на него.

— Ни в зуб ногой, — призналась я.

Питер вздохнул и снова посмотрел на нас сверху вниз.

— Если ты смертный, обладающий полубожественной способностью убить вампира, не имеет значения, как ты это сделаешь. Можно использовать ружье, нож, подсвечник, в общем, что угодно. Кол в сердце — это сплетни. Если такое делает обычный смертный, он не причинит вампиру вреда, а только разозлит его. Это происходит только тогда, когда кол вбивает именно охотник на вампиров. Так что все это суеверие.

— Что? — Хью окончательно растерялся.

Я закатила глаза.

— Я знаю, о чем он говорит. Во всяком случае, насчет яйца. В городах существует поверье, что во время равноденствия яйцо можно поставить на узкое основание, и оно будет сохранять равновесие. Иногда это получается, иногда нет, но на самом деле результат от времени года не зависит. Просто люди пытаются сделать это исключительно во время равноденствия, поэтому яйца, сохраняющие равновесие, видят только в эти дни. — Я посмотрела на Питера. — Значит, охотник на вампиров может убить его любым оружием, но поскольку именно об этом знают почти все, он считается самым надежным способом... лишить бессмертия.

— По мнению людей, — поправил меня Питер. — Протыкать колом сердце — это жуткая морока. Застрелить вампира намного легче.

— И ты думаешь, что этот охотник на вампиров не профессионал, а любитель, потому что... — Фраза осталась незаконченной.

Было видно, что пример с яйцом Коди не убедил.

— Потому что каждый охотник на вампиров, который стоит понюшки [\[12\]](#) табаку, знает это и не станет пользоваться колом. А мы имеем дело с новичком.

— Во-первых, — посоветовала я Питеру, — не говори «стоит понюшки табаку». Это вульгарное выражение, тебя это не красит. Во-вторых, может быть, этот охотник принадлежит к старой школе или чему-то в этом роде. А даже если он и новичок, как ты выражаешься, какое это имеет значение, если он сумел укокошить Дьюана?

Питер пожал плечами.

— Дьюан был наглым ослом. На близком расстоянии вампиры чувствуют охотников. Поскольку этот охотник был неопытным, он просто не мог убить Дьюана. Ему дьявольски повезло, что он наткнулся на дурака.

Я открыла рот, чтобы возразить. Да, конечно, Дьюан был наглым ослом, но отнюдь не

дураком. Бессмертные жили достаточно долго, чтобы знать, как следует вести себя во время уличной драки. Мы быстро выросли, если можно так выразиться.

Но тут мне в голову пришла другая мысль.

— Эти охотники могут причинять вред другим бессмертным? Или только вампирам?

— Насколько я знаю, только вампирам.

Объяснения Питера и Джерома не совсем совпадали. Поскольку я не могла сказать, что именно меня встревожило, то молчала, пока остальные оживленно беседовали. Когда они неохотно пришли к выводу, что я никого не наняла, эта тема себя исчерпала. Коди и Хью удовлетворила теория Питера о том, что охотник-любитель не представляет собой серьезной угрозы.

— Будьте осторожны, — предупредила я Питера и Коди, когда они собрались уходить. — Новичок он или нет, но Дьюан мертв.

— Да, мамочка, — равнодушно ответил Питер, надевая пальто.

Я строго посмотрела на Коди, и он слегка поежился. На малыша было легче повлиять, чем на его наставника.

— Я буду осторожным, Джорджина.

— Если случится что-нибудь необычное, позвони мне.

Коди кивнул, удостоившись косога взгляда учителя.

— Пошли, — бросил старший вампир. — Пора обедать.

Я невольно улыбнулась. Упоминание об обеде вампиров может напугать любого. Но я знала правду. И Питер, и Коди ненавидели охотиться на людей. При случае они это делали, но убивали кого-то редко. Еду они покупали главным образом в лучших мясных магазинах. Как и я, эти вампиры относились к своей работе спустя рукава.

— Хью, — резко сказала я, когда бес собрался последовать за ними. — На два слова, пожалуйста.

Перед уходом вампиры с сочувствием посмотрели на Хью. Бес скорчил гримасу, закрыл дверь и повернулся ко мне лицом.

— Хью, я дала тебе ключ только на крайний случай...

— По-твоему, убийство вампира не крайний случай?

— Я не шучу! Сначала здесь появились Джером и Картер, а потом ты решил открыть мою квартиру, Бог знает кому.

— Сомневаюсь, что Бог знает о существовании Питера и Коди.

— Кроме того, ты рассказал им о моем наряде демоницы...

— Ай, брось, — возразил он. — Такие вещи трудно хранить в секрете. Кроме того, они наши друзья. Это пустяк.

— Нет, не пустяк. Ты обещал никому не рассказывать, — проворчала я. — И это называется друг! В тот вечер я тебе помогла, а ты...

— О боже, Джорджина, извини. Я не знал, что ты примешь это так близко к сердцу.

Я провела рукой по волосам.

— Дело не в этом. Просто... У меня не выходит из головы то, что Джером сказал о смерти Дьюана.

Бес ждал, позволяя мне собраться с мыслями. Я смотрела на высокого Хью и напряженно думала. Иногда он бывал таким же безмозглым, как и вампиры. Можно ли говорить с ним серьезно?

— Хью... как ты узнаешь, что демон лжет?

Он помолчал, а потом негромко рассмеялся, вспомнив старую шутку.

— У него двигаются губы. — Хью изучал меня с высоты своего роста. — А что? Думаешь, Джером нам солгал?

— Да. — Последовала еще одна пауза.

— Договаривай.

— Джером велел мне быть осторожнее. Сказал, что меня по ошибке могут принять за вампира.

— Мне он сказал то же самое.

— Но Питер считает, что охотники на вампиров не могут убить нас.

— Тебе когда-нибудь загоняли кол в сердце? Может, ты и не умрешь, но это тебе наверняка не понравится.

— Верно. Однако Джером заявил, что охотники на вампиров находят других вампиров, чтобы следить за своей жертвой. Это чушь собачья. Коди и Питер — исключения. Ты знаешь, что вампиры не ладят с себе подобными. Если охотник будет следовать за одним вампиром, то вряд ли выйдет на остальных.

— Да, но он сказал, что охотник был новичком.

— Он подобного не говорил. Это Питер пришел к такому выводу, основываясь на том, что для убийства воспользовались колом.

Хью хмыкнул.

— О'кей. И что же, по-твоему, происходит?

— Не знаю, но понимаю только одно: эти рассказы противоречат друг другу. Картер тоже очень встревожен. Ведет себя так, словно у них с Джеромом есть общий секрет. Он-то тут при чем? Теоретически он должен быть на стороне нашего противника.

— Картер ангел. Следовательно, должен любить даже проклятых. Особенно если они собутыльники.

— Не знаю. Нам чего-то не договаривают... Похоже, Джером не шутил, когда советовал мне беречься. И тебе тоже.

Хью долго молчал, а потом сказал:

— Джорджина, ты очень красивая девушка.

Я испугалась. Для серьезного разговора это было чересчур.

— Ты что, пил не только пиво?

— Но я забыл, — продолжил Хью, не обращая внимания на мои слова, — что ты еще и умная. Я слишком часто общаюсь с дурочками. Домашними хозяйками из предместий, мечтающими о более гладкой коже или огромном бюсте, которых не интересует ничего, кроме собственной внешности. Легко оказаться в плену стереотипа и забыть, что у тебя есть не только красивое лицо, но и мозги. Ты на многое смотришь не так, как мы. Ты видишь гораздо дальше. Может быть, причина в твоём возрасте. Только не обижайся, ладно?

— Ты действительно слишком много выпил. Я недостаточно умна, чтобы понять, о чем умолчал Джером... Разве что к нам пожаловали охотники на суккубов или бесов.

— Ты когда-нибудь слышала о таких?

— Нет.

— И я тоже. Но зато я слышал об охотниках на вампиров. И не только по слухам. — Хью потянулся за сигаретами, но вспомнил, что я не люблю, когда курят в квартире, и передумал. — Если хочешь знать мое мнение, то я не думаю, что в ближайшее время кто-то собирается загонять нам кол в сердце.

- Думаешь, Джером нас обманывает?
- Ничего другого от него ждать не приходится.
- Слушай... Я попробую найти Эрика.
- Он еще жив?
- Насколько я знаю, да.
- Хорошая мысль. Он знает о нас больше, чем мы сами.
- Если что-нибудь выясню, сообщу тебе.
- Не надо. Предпочитаю оставаться в неведении.
- Ладно. Куда отправляешься?

— Хочу заняться сверхурочной работой с одной из новых секретарш, если ты понимаешь, что я имею в виду. — Он хитро улыбнулся. — Двадцать лет и грудь, опровергающая закон всемирного тяготения. Уж я-то знаю. Я сам приложил к этому руку.

Я невольно рассмеялась, хотя было не до шуток. Хью, как и все остальные бессмертные, днем работал, а ночью творил зло и сеял хаос. Правда, в его случае граница между двумя профессиями была довольно зыбкой: он работал пластическим хирургом.

- Я ей не конкурентка.
- Неправда. Твой бюст даже с помощью науки вдвое не увеличишь.
- Спасибо. Желаю приятно провести время.
- Постараюсь. Береги себя, милая.
- Ты тоже.

Он быстро поцеловал меня в лоб и ушел. Когда я, наконец, осталась в одиночестве, то немного постояла, глядя на дверь, пытаюсь понять, что все это значит. В конце концов, я решила, что предупреждение Джерома не имеет под собой никакой почвы. Как сказал Хью, никто не слышал об охотниках на суккубов или бесов.

Тем не менее, перед сном я хорошенько заперла дверь. Может, я и бессмертная, но не безрассудная. Во всяком случае, когда дело касается моей жизни.

Глава шестая

На следующий день я проснулась с твердым намерением повидать Эрика и узнать правду об охотниках на вампиров. И только когда чистила зубы, вспомнила про вчерашнее фиаско.

Сет Мортенсен.

Я чертыхнулась и наскоро закончила водные процедуры, за что удостоилась презрительного взгляда Обри. Мы не договаривались, сколько времени займет экскурсия по городу. На это может уйти все утро, а пока я встречу с Эриком, охотник успеет нанести новый удар.

Я пришла в «Изумрудный город», надев самый непривлекательный из своих нарядов — джинсы и свитер с воротником-хомутом. Волосы я беспощадно стянула на затылке. Пока я ждала Сета в кафе, ко мне подошла улыбающаяся Пейдж.

— Ты должна будешь показать ему «Звуковые книги Фостера и Пьюджета», — сказала она.

Пытаясь окончательно проснуться, я пила сваренный Брюсом мокко и старалась понять ее логику. «Звуковые книги Фостера и Пьюджета» были нашими конкурентами, хотя и не основными.

— Это же отстой.

— Вот именно. Покажи ему их во всей красе, и он убедится, что писать книги лучше всего у нас. Здесь.

Я продолжала смотреть на нее с недоумением. Возможно, история с Дьюаном сильно подорвала мои умственные способности. Не каждый день бессмертного лишают жизни.

— С какой стати ему писать свои книги здесь?

— Потому что ему нравится ходить с «ноутбуком» и сочинять в кафе.

— Да, но он живет в Чикаго.

Пейдж покачала головой.

— Уже нет. Где ты была вчера вечером? Он переезжает сюда. Хочет быть поближе к родным.

Кажется, Сет действительно что-то говорил про брата, но я так переживала из-за своего позора, что все остальное пролетело мимо моих ушей.

— Когда?

— Насколько я знаю, сейчас. Именно поэтому мы стали последним пунктом его турне. Пока он поживет у брата, а потом обзаведется собственными апартаментами. — Пейдж наклонилась ко мне, хищно блестя глазами. — Джорджина, если знаменитый писатель будет часто появляться в нашем магазине, это пойдет на пользу нашему имиджу.

Честно говоря, в данный момент мне было все равно, где станет творить Сет. Меня пугало, что он не уедет в другой конец страны, где скоро забудет обо мне, после чего мы оба сможем жить спокойно. Теперь мне предстоит сталкиваться с ним каждый день. А если желание Пейдж осуществится, то сталкиваться в буквальном смысле этого слова.

— Как же он будет писать в месте, где его все знают? У него не будет отбоя от поклонников.

— Это наша забота. Мы обеспечим ему уединение... Осторожно. Он уже здесь.

Я сделала еще глоток мокко, удивляясь предприимчивости Пейдж. Подобное никогда не

пришло бы мне в голову. Деньги в дело вкладывал Уоррен, но коммерческим успехом магазин был обязан исключительно маркетинговому складу ума моей непосредственной начальницы.

— Доброе утро, — сказал Сет, подойдя к нашему столику.

На нем были джинсы, майка с надписью «Деф леппард» и коричневый вельветовый пиджак. Волосы явно не встречались сегодня с расческой.

Пейдж в упор посмотрела на меня, и я вздохнула:

— Пойдемте.

Сет молча вышел за мной на улицу. Мы оба ощущали неловкость. Он не смотрел на меня, а я — на него. Когда мы вышли на бульвар королевы Анны, я поняла, что так и не составила план экскурсии.

— С чего начнем? Сиэтл, в отличие от Галлии, не разделен на три части.

Я шутила больше для себя, но Сет неожиданно рассмеялся.

— «Seattle peninsula est»^[13], — процитировал он, обманув мои ожидания.

— Неверно. Кроме того, Цезарь такого не говорил. Это написано в путеводителе Бедекера^[14].

— Знаю. Но я плохо разбираюсь в латыни. — Мортенсен подарил мне задумчивую улыбку, которая, судя по всему, была его товарным знаком. — А вы?

— Прилично. — Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал, что я бегло говорю на всех латинских диалектах разных эпох Римской империи? Должно быть, он расценил мой туманный ответ как отсутствие интереса к теме, потому что отвернулся и снова умолк. — Вы хотели увидеть что-нибудь конкретное?

— Вообще-то нет.

Нет. Ладно. Отлично. Чем скорее мы начнем, тем скорее закончим, а потом я смогу встретиться с Эриком.

— Следуйте за мной.

Когда машина тронулась, я надеялась, что мы сможем начать глубокомысленную беседу, несмотря на вчерашнее неудачное начало. Но с каждой минутой становилось все яснее, что умные разговоры Сета не прельщают. Я вспомнила, как вчера он боялся не только публики, но даже сотрудников магазина. У малого оказались серьезные проблемы с общением, хотя он тщательно скрывал это во время нашего невинного флирта. Но потом я ушла и пустила в ход «отталкивающие» флюиды, которые должны были напугать его до смерти и заставить забыть о вчерашних достижениях. Браво, Джорджина.

Если бы я сумела найти подходящую тему, он смог бы восстановить прежнюю уверенность в себе и нашу связь, конечно, платоническую. Я попыталась придумать какой-нибудь серьезный вопрос, но вчерашняя неудача повторилась. Поэтому пришлось начать пустую светскую беседу.

— Значит, ваш брат живет в Сиэтле?

— Да.

— В каком районе?

— Лейк-форест-парк^[15].

— Отличное место. Хотите посмотреть его?

— Не очень.

— Тогда, может быть, что-нибудь другое?

— Да нет.

О'кей. Опять тупик. Расстроенная тем, что мастер письменной речи может не владеть устной, я бросила свои попытки завязать диалог. Овчинка не стоила выделки. Поэтому я жизнерадостно болтала в одиночку, проводя экскурсию по здешним достопримечательностям: площади Пионеров^[16], рынку «Пайк-плейс»^[17] и познакомила с троллем Фримонта^[18]. Выполнила инструкции Пейдж, показав ему самых задрипанных из наших конкурентов, но то, что находилось неподалеку от «Космической иглы»^[19], удостоила лишь короткого кивка. Конечно, он видел все это из окна «Изумрудного города» и если бы действительно хотел совершить экскурсию, мог бы обратиться к гиду.

Ленч мы провели в районе университета. Мортенсен без протестов и возражений пошел в мой любимый вьетнамский ресторан. Я получила возможность немного отдохнуть от болтовни. Мы ели клецки, смотрели в окно и любовались толпами студентов и машинами.

— Тут неплохо.

Это были первые слова, которые Сет произнес за все время по собственной воле. От звука его голоса я вздрогнула.

— Да. Место не слишком модное, но готовят здесь вкусно.

— Нет, я имел в виду этот район.

Я проследила за его жестом. На улице не было ничего интересного, кроме беспечных студентов с рюкзаками на плечах. Но потом я увидела еще несколько ресторанчиков, кафе и букинистических магазинов. Это была эклектическая смесь, местами запущенная, но способная многое предложить нервным интеллектуальным типам. В том числе знаменитым писателям-интровертам.

Я посмотрела на Сета, а он с ожиданием — на меня. Это был наш первый зрительный контакт за весь день.

— Здесь можно снять жилье?

— Конечно. Если вы согласны жить в одном доме с восемнадцатилетними. — Я сделала паузу. Может быть, именно к этому он и стремится? — Но если вам нужно что-нибудь более солидное, это будет стоить недешево. Думаю, для автора популярной серии романов о Кейди и О'Ниле деньги не проблема. Если хотите, мы можем объехать этот район и осмотреть его.

— Возможно. Честно говоря, мне хотелось бы сначала зайти вон туда. — Он показал на противоположную сторону улицы, где находился небольшой букинистический магазин. — Конечно, если вы не возражаете.

— Не возражаю.

Я любила букинистические магазины, но, когда входила в них, неизменно ощущала чувство вины, словно занималась ерундой. В конце концов, я работала там, где имелось сколько угодно новых книг, и могла получить любое переиздание. Я не должна была испытывать удовольствие от запаха пожелтевшей бумаги, плесени и пыли. Такие источники знаний, иногда довольно древние, всегда напоминали мне прежние времена, прежние места и вызывали тоску. Здесь я чувствовала себя старой и молодой одновременно. Книги старели, а я нет.

Когда мы вошли, полосатая кошка потянулась и посмотрела на нас со своего места на прилавке. Я погладила ее по спине и поздоровалась со стариком, стоявшим рядом и разбиравшим книги. Он на мгновение поднял глаза, улыбнулся нам и снова вернулся к работе. Сет обвел взглядом громоздившиеся перед нами полки, блаженно улыбнулся и исчез в проходе.

Я пошла в отдел книг по кулинарии. В мое время никаких микроволновок и таймеров не

было и в помине, поэтому я решила, что настало время расширить свой кругозор.

Мне попала греческая поваренная книга со множеством цветных иллюстраций. Через полчаса я с сожалением отложила ее и стала искать Сета. Он находился в отделе детской литературы и, стоя на коленях среди куч старых книг, был полностью поглощен своим делом.

Я присела на корточки рядом.

— Что вы ищете?

Он слегка вздрогнул, испуганный моей близостью, и поднял глаза. Я увидела, что на самом деле они у него янтарно-карие, а ресницы такие длинные, что позавидовала бы любая девушка.

— Сказки Эндрю Ланга^[20] — Он держал книгу в бумажной обложке, называвшуюся «Голубая книга сказок». Верхней в лежавшей перед ним стопке оказалась «Оранжевая книга сказок». Нетрудно было догадаться, что все остальные также носили названия цветов радуги. Такое богатство заставило Сета забыть о сдержанности.

— Издания шестидесятых годов двадцатого века. Конечно, не такие ценные, как, скажем, девятнадцатого, которые были у моего отца. Отрывки из них он читал нам. Правда, у отца были только две книги, а здесь целый набор. Я хочу купить их и читать племянницам.

Я листала «Красную книгу сказок» и вспоминала знакомые истории. Даже те, которые считала народными. Перевернув книгу, я не нашла цены.

— Сколько они стоят?

Сет ткнул пальцем в табличку, стоявшую на полке, с которой он снял книги.

— По-вашему, это разумная цена?

— Дороговато, но для полного комплекта нормально.

— Ни в коем случае. — Я подняла с пола несколько книг. — Мы уговорим его снизить цену.

— Каким образом?

Я невольно улыбнулась.

— С помощью слов.

Казалось, Сет в этом сомневался, но продавец оказался легкой добычей. Большинство мужчин не может долго сопротивляться привлекательной молодой женщине, а тем более суккубу, еще сохранившему остатки сияния, которое придает поглощенная им жизненная сила. Кроме того, я с рождения умела торговаться. У деда, стоявшего за прилавком, не было ни единого шанса. Кончилось тем, что он скостил цену на двадцать пять процентов, греческую поваренную книгу отдал в придачу и при этом почувствовал себя счастливым.

Когда мы вернулись к машине, нагруженные книгами, Сет с восхищением посмотрел на меня.

— Как вы это сделали? Я не видел ничего подобного.

— Хорошая практика. — Туманный ответ в стиле его собственных.

— Спасибо. Я хотел бы отплатить вам услугой за услугу.

— Не беспокойтесь... Впрочем, это возможно. Вы не откажетесь съездить со мной по делу в один книжный магазин? Но предупреждаю: там страшновато.

— Страшновато? В книжном магазине?

Через пять минут мы ехали к моему старому знакомому Эрику Ланкастеру. Эрик поселился в окрестностях Сиэтла намного раньше меня и был хорошо известен практически всем местным бессмертным. Он отлично разбирался в мифологии и сверхъестественном, а

потому считался выдающимся экспертом во всем, что касалось паранормальных явлений. Если он и замечал, что кто-то из его лучших покупателей не стареет, то мудро воздерживался от высказываний на этот счет.

Единственным его недостатком являлось то, что он жил в «Хрустальном пинцете» — ярком примере неправильно понятых принципов движения «Новая эра»^[21]. Я не сомневалась, что у его создателей имелись добрые намерения, но теперь магазин превратился в хранилище мистической макулатуры, не представлявшей собой познавательной ценности. По моим наблюдениям, Эрик был там единственным человеком, разбиравшимся в эзотерике и интересовавшимся ею. Лучшие из его коллег были просто равнодушными, а худшие — фанатиками и мошенниками.

Свернув на автостоянку, я удивилась числу машин. Вчера во время презентации у «Изумрудного города» их было не меньше, но откуда они взялись здесь, да еще в разгар рабочего дня?

Войдя в помещение, мы ощутили густой запах табака. Обилие людей и благовоний удивило Сета не меньше, чем меня.

— Я на минутку, — сказала я. — Можете оглядеться. Правда, смотреть тут особенно не на что.

Он тут же исчез, а я подошла к молодому человеку, который стоял у двери и командовал толпой.

— Вы на встречу?

— Э-э... нет, — ответила я. — Я ищу Эрика.

— Какого Эрика?

— Ланкастера. Пожилого афроамериканца. Он работал здесь.

Молодой человек покачал головой.

— Никакого Эрика здесь не было. Во всяком случае, при мне. — Он говорил так, словно создал этот магазин.

— Как давно вы здесь работаете?

— Два месяца.

Я подняла глаза к небу. Настоящий ветеран.

— А кто-нибудь из начальства есть?

— Есть Елена, но, кажется... Нет, вот она. — Он показал в дальний конец магазина, где, как по мановению волшебной палочки, появилась та, которая была мне нужна.

Ах да, Елена. Мы с ней уже сталкивались. Светловолосая женщина, с болтавшимися на шее кристаллами и другими символами аркана^[22], она стояла у двери с табличкой «Конференц-зал». Худые плечи Елены прикрывала шаль с бахромой. Я, как всегда, попыталась определить ее возраст. На вид ей можно было дать лет тридцать пять, но чутье подсказывало мне, что эта дама намного старше. Скорее всего, она перенесла множество пластических операций. Во всяком случае, это полностью соответствовало ее манерам.

— Все? Все? — Голос у нее был хрипловатый, как будто простуженный, но на самом деле она могла перекричать любой шум. — Пора начинать.

У дверей конференц-зала собралось человек тридцать. Я смешалась с толпой и прошла с ними. Некоторые были одеты почти как Елена: в черные или чересчур яркие наряды, с обилием пентаграмм^[23], кристаллов на шее и прочих финтифлюшек. Другие выглядели как обычные люди, так же, как и я, и сгорали от вполне понятного любопытства.

Налепив на лицо фальшивую улыбку, Елена провела нас в зал.

— Добро пожаловать, добро пожаловать. Почувствуйте энергию, — бормотала она. При моем приближении улыбка Елены стала еще более фальшивой. — Я вас знаю.

— Да.

Улыбка стала напоминать оскал.

— Вы работаете в том большом книжном магазине. — Кто-то остановился и стал прислушиваться к нашему разговору.

Причина, заставившая ее повысить голос, была ясна как дважды два. Когда мы виделись в прошлый раз, я назвала ее лицемеркой, торгующей дешевой макулатурой.

По сравнению с книжными магазинами, входящими в федеральные сети, «Изумрудный город» вряд ли можно было назвать большим. Но я только пожала плечами.

— Что поделаешь, по-другому в Америке не выжить. Но мы продаем те же книги и карты Таро, что и вы. Причем постоянные покупатели получают в «Изумрудном городе» скидку. — Последнюю фразу я произнесла намного громче.

Лишняя реклама не помешает.

Улыбка исчезла с лица Елены так же, как и пропала наигранная хрипловатость.

— Чем могу служить?

— Я ищу Эрика.

— Эрик здесь больше не работает.

— Куда он уехал?

— Я не имею права обсуждать это.

— Почему? Вы боитесь, что это повредит вашему бизнесу? Поверьте мне, такая опасность вам не угрожает.

Елена прижала пальцы ко лбу и стала изучать меня. От напряжения ее глаза скосились.

— В вашей ауре слишком много темного. — Голос Елены стал громче и привлек внимание ее приспешников. — Вам следует очиститься. Осветлить ауру можно с помощью дымчатого кварца. У нас продаются его отличные образцы.

От ее слов я лишь насмешливо фыркнула. Я верила в ауру и знала, что она существует. Однако моя аура ничем не напоминала ауру смертных. Такие люди, как Елена, не могли ее видеть. Даже если бы настоящий адепт^[24], способный ощущать такие вещи, увидел бы ауры всех людей, входящих в группу, я оказалась бы там единственным человеком без нее. Моя аура была невидима для всех, кроме созданий типа Джерома и Картера. Правда, некоторые избранные смертные могли чувствовать ее силу и соблюдать вполне понятную осторожность. Эрик являлся именно таким. Вот почему он всегда относился ко мне с уважением. Елена же в число таких людей не входила.

— Ай-яй-яй, — пропела я. — Не могу поверить, что вы сумели увидеть это без вашей камеры. — «Хрустальный пинцет» гордился камерой, которая могла фотографировать ауру человека за девять долларов девяносто пять центов. — Я вам что-то должна?

Елена фыркнула.

— Мне не нужна камера, чтобы видеть ауру человека! Кроме того, духи, которые собрались на эту встречу, много сказали мне о вас.

Моя улыбка стала шире.

— И что же они сказали? — За мою долгую жизнь я редко имела дело с духами и другими эфирными созданиями, но знала бы, если они действительно здесь присутствовали.

— Они говорят, что вас многое тревожит. Что нерешительность и монотонность жизни вызывают у вас злобу. Что пока вы выбираете путь тьмы и неверия, вы никогда не достигнете

мира и света. — Ее голубые глаза широко открылись, имитируя потусторонний экстаз. — Они хотят, чтобы вы присоединились к нам. Сядьте в наш круг, почувствуйте их целительную энергию. Духи помогут вам начать новую жизнь.

— Так же, как они помогли вам перестать сниматься в порнографических фильмах?

Она замерла и побледнела. На минуту я почувствовала угрызение совести. В сообществе бессмертных знали не только таких адептов, как Эрик. Репутация Елены была нам тоже известна. Видимо, кто-то из старых поклонников узнал Елену, и это бросило тень на всех нас.

— Не знаю, о чем вы говорите, — наконец сказала она, пытаясь сохранить лицо перед своими клеветами^[25].

— Я ошиблась. Вы напомнили мне одну особу, которую звали Моана Лика. Вы трете кристаллы так же, как она терла... ну, вы меня понимаете.

— Вы ошиблись, — срывающимся голосом ответила Елена. — Эрик здесь больше не работает. Уйдите, пожалуйста.

Я была готова отпустить еще одну издевательскую реплику, но внезапно увидела за ее спиной Сета. Он подошел к краю толпы, наблюдавшей за зрелищем. Внезапно я поняла, что желание унижить Елену было глупым и недостойным, и умолкла. Смущение не помешало мне уйти с высоко поднятой головой. Сет вышел следом.

— Знаю, что вы скажете, — саркастически промолвила я. — Одни люди придумывают истории, а другие их проживают.

— Я думаю, вы просто не можете не устроить сенсацию всюду, где появляетесь. Это выше ваших сил.

Решив, что Сет издевается надо мной, я повернулась и вдруг увидела его бесхитростное лицо. Не насмешливое и не осуждающее. Его серьезность была такой неожиданной, что я обратила на него более пристальное внимание, чем собиралась, и слегка споткнулась. Конечно, врожденное изящество сыграло свою роль, и я тут же восстановила равновесие. Однако Сет инстинктивно протянул руку и поддержал меня.

И тут я неожиданно ощутила... что-то непонятное. То же, что испытала тогда, в отделе книг по географии. Возможно, удовольствие, которое пронизывало меня, когда я читала его книги. Хотя оно было коротким, мимолетным и, скорее всего, кажущимся. Похоже, Сета удивила моя реакция, и он неохотно отпустил мою руку. Спустя мгновение за моей спиной раздался голос, и наваждение исчезло.

— Прошу прощения... — Я обернулась и увидела стройную рыжую девушку-подростка с заклепками в ушах. — Вы искали Эрика, верно?

— Да...

— Я могу сказать вам, где он. Эрик уволился около пяти месяцев назад и открыл свой магазин в районе Лейк-сити... забыла название. Там есть неоновая вывеска. Рядом с бакалеей и большим мексиканским рестораном...

Я кивнула.

— Я знаю это место. Найду. Спасибо. — Потом я с любопытством посмотрела на девушку. — Вы здесь работаете?

— Да. Эрик всегда был добр ко мне, поэтому я очень обрадовалась, когда у него появился свой бизнес. Я бы ушла к нему, но он справляется один. Так что мне пришлось остаться с этой чокнутой. — Она ткнула большим пальцем в сторону Елены.

Девушка казалась умной, серьезной и сильно отличалась от большинства здешних

сотрудников. Когда мы вошли, она помогала покупателям.

— Зачем же вы работаете в «Хрустальном пинцете», если вам здесь не нравится?

— Не знаю. Просто я люблю книги и мне нужны деньги.

Я покопалась в сумочке и достала визитную карточку, что делала крайне редко.

— Держите. Если хотите перейти на новую работу, приходите. Мы с вами потолкуем.

Она взяла карточку и с удивлением прочитала ее.

— Спасибо... Я подумаю.

— Вам спасибо. За информацию об Эрике.

Я слегка поколебалась, полезла в сумку и достала еще одну карточку.

— Если здесь есть люди, похожие на вас, передайте им, пусть приходят тоже.

— А это этично? — позже спросил Сет.

— Не знаю. Но в «Изумрудном городе» не хватает сотрудников.

Я подумала, что магазин Эрика уже закрыт, и свернула в сторону Лейк-форест-парка, чтобы отвезти Сета к брату. Честно признаюсь, я ощущала облегчение. Находиться рядом с мужчиной твоей мечты очень утомительно. Не говоря о напряжении, которое возникает между противоположно заряженными полюсами. Наверное, я чувствовала бы себя в большей безопасности, если бы наши отношения ограничились простым чтением его книг.

Я высадила Сета у симпатичного дома в предместье. Весь передний двор оказался наполнен детскими игрушками, но самих детей, к моему величайшему разочарованию, видно не было. Сет взял свои книги, одарил меня еще одной неуверенной улыбкой, поблагодарил и исчез в доме. Я почти доехала до своего района, когда вспомнила, что так и не забрала у него свой экземпляр «Пакта Глазго».

Я вошла в дом расстроенная и тут же услышала голос:

— Мисс Кинкейд?

Я подошла к консьержу, и он вручил мне корзину красных и темно-розовых цветов.

— Ее доставили сегодня.

Я с удовольствием приняла корзину и вдохнула смешанный аромат роз, ирисов и тигровых лилий. Карточки не было. Чего и следовало ожидать.

— Кто их принес?

Он указал на кого-то за моей спиной.

— Вот этот человек.

Глава седьмая

Я повернулась и увидела Романа, сидевшего в углу маленького вестибюля. Ему очень шел темно-зеленый свитер с воротником-хомутом и волосы, расчесанные на прямой пробор. Заметив мой взгляд, он улыбнулся.

— Иисусе, вы действительно приставала, — сказала я, подходя к нему.

— Не преувеличивайте. Я всего лишь пришел за своим пальто.

— Ах! — Я вспыхнула, почувствовав себя последней дурой. — И давно вы ждете?

— Не очень. Вообще-то сначала я зашел в книжный магазин, решив, что это будет менее напористо.

— Сегодня у меня неприсутственный день. — Я посмотрела на лепестки. — Спасибо за цветы. Но для того, чтобы получить свое пальто, этого не требовалось.

Роман пожал плечами. От его взгляда зелено-голубых глаз у меня внутри похолодело.

— Верно, но я подумал, что это поможет уговорить вас куда-нибудь сходить вечером.

Значит, все же пальто было только предлогом.

— Вы опять за свое?

— Послушайте, если вы хотели избежать этого, незачем было кокетничать со мной вчера вечером. А теперь слишком поздно. Придется прибегать к решительным мерам и действовать быстро. Либо дать человеку обезболивающее, либо ампутировать конечность.

— Ого... Кто сказал, что в мире не осталось романтиков? — Сарказм сарказмом, но иметь дело с болтуном Романом было намного легче, чем с застенчивым Сетом.

— И что это значит? Что принципиальное согласие получено? До сих пор вы отчаянно сопротивлялись.

— Не знаю. Вы пришли в мой дом. Это значит, что я недостаточно сопротивлялась. — Я вздохнула и попыталась понять, что им руководит. — Роман, конечно, вы очень симпатичный...

Он застонал.

— Нет! Не говорите так. Если женщина начинает фразу со слов «вы очень симпатичный», за ними обязательно последует «но».

Я покачала головой.

— Просто в данный момент я не готова к серьезным отношениям с мужчиной, вот и все.

— К серьезным? Не торопись, сестренка. Я тоже пока не собираюсь делать вам предложение. Просто хочу время от времени встречаться с вами. Сходить в кино, пообедать или опрокинуть стаканчик. Если повезет, то целовать вас на прощание. А если нет, просто пожимать руку.

Я прислонилась затылком к стене, и какое-то время мы стояли, глядя друг на друга. Конечно, я знала, что свидания мужчин и женщин далеко не всегда заканчиваются сексом, но у меня так не получалось. Инстинкт приказывал мне брать свое. Суккубу нужно чем-то питаться, однако соблазн был велик и без того. Мне нравились его внешность, манера одеваться и запах. А больше всего — его дурацкие попытки ухаживать. К несчастью, я не смогла бы побороть свою натуру. Даже при всем желании. Он сам бросался навстречу опасности. Даже поцелуй, о котором Роман говорил в шутку, отнял бы у него кусок жизни.

— Я ничего о вас не знаю, — наконец, сказала я, поняв, что молчание затянулось.

Он лениво улыбнулся.

— Что конкретно вы хотите знать?

— Ну... Например, чем вы любите заниматься. У вас есть работа? Чтобы все время находиться рядом со мной, вы должны быть либо безработным, либо представителем свободной профессии.

— Все время? Вы опять преувеличиваете. Да, работа у меня есть. Я преподаю иностранный язык в нескольких городских колледжах. А в остальное время учусь сам.

— О'кей. Как ваша фамилия?

— Смит.

— Не может быть.

— Может.

— Для герцога Романа она не подходит. — Я отчаянно пыталась придумать подходящий вопрос. — Вы давно живете в Сиэтле?

— Порядочно.

— У вас есть хобби?

— Даже несколько. — Он сделал паузу и, не дождавшись продолжения, склонил голову набок. — Что еще? Показать вам конспекты лекций? Представить полную автобиографию и родословную?

Я помахала рукой.

— Такая информация меня не интересует. Мне нужно знать только то, что важно настоящему.

— Например?

— Например, какую музыку вы любите.

Похоже, этот вопрос застал Романа врасплох, но он пришел в себя так же быстро, как и накануне вечером. Мне это понравилось.

— Битлов. Последнюю часть «Эбби роуд».

— Только последнюю часть?

— Да. Там несколько песен, но они соединены в одну...

Я быстро прервала его.

— Да-да. Я знаю этот альбом.

— И что?

— Ничего. Отличный ответ. — Я дернула себя за волосы. Он почти добился своего. — Я... Нет. Простите, не могу. Это слишком сложно. Даже одна встреча. Она превратится во вторую, потом в третью, потом...

— Вы действительно слишком торопитесь. Могу дать честное скаутское, что не буду беспокоить вас после первого свидания.

— И вы это сделаете? — скептически спросила я.

— Конечно. Если вы захотите. Но вряд ли это придет вам в голову после нашего первого вечера.

От звука его голоса у меня начало сосать под ложечкой. Такого со мной не происходило уже очень давно. Не успела я побороть это чувство, как зазвонил мой мобильник.

— Прошу прощения. — Я начала рыться в сумочке. На дисплее значился номер Коди. — Да?

— Привет, Джорджина. Сегодня вечером произошло кое-что странное...

О боже. Это могло значить что угодно. От новой смерти до того, что Питер побрил голову.

— Подожди минутку.

Я стояла и смотрела на Романа, держа в руках корзину с цветами. Его лицо приняло озабоченное выражение.

— Все в порядке?

— Да. То есть нет. Не знаю. Послушайте, Роман, мне нужно подняться наверх и перезвонить. Спасибо за цветы, но в данный момент я не могу позволить себе увлечься. Прошу прощения. Дело не в вас, а во мне. Честное слово.

Я повернулась, но Роман очутился рядом.

— Подождите. — Он порылся в карманах, достал ручку, листок бумаги, что-то нацарапал на нем и протянул мне. Я опустила глаза и увидела номер телефона.

— На случай если вы передумаете.

— Не передумаю.

Он улыбнулся и вышел. Я секунду смотрела ему вслед, а потом быстро поднялась наверх. Новость Коди могла оказаться важной. Я поставила корзину на стойку и поднесла мобильник к уху.

— Ты еще здесь?

— Да. Кто этот Роман и почему ты используешь такой устаревший способ, как «дело не в вас, а во мне»?

— Неважно. Что произошло? Еще одна смерть?

— Нет... нет. Просто кое-что случилось, но Питер считает, что это ерунда. А Хью говорит, что у тебя были нехорошие предчувствия. Мол, ты уверяла, что дело на этом не кончится.

— Рассказывай.

— Думаю, вчера вечером за нами следили.

По словам Коди, после того, как они с Питером вышли от меня, они слышали за собой шаги. Он оглядывался, но никого не увидел. Питер только отмахнулся и сказал, что, если бы кто-то за ними шел, они бы это почувствовали.

— Может быть, вы не можете чувствовать охотников на вампиров.

— И все же я что-то ощущал, хотя, возможно, Питер прав, и мне это только показалось. Или это был простой смертный, который хотел напасть на нас и ограбить.

— Спасибо за рассказ. Ты поступил правильно.

— И что мне теперь делать?

При мысли о том, что какой-то тип крался за Питером и Коди, меня охватила тревога. Конечно, они были бездельниками, но я их любила. Они заменяли мне семью. Я не могла позволить, чтобы с ними что-то случилось.

— Выполнять указания Джерома. Соблюдать осторожность. Не оставаться одному. Немедленно сообщать мне, если что-то случится.

— А что будешь делать ты?

Я подумала об Эрике.

— Выяснить, что это значит.

Глава восьмая

Когда на следующий день я вышла на работу в утреннюю смену, Пейдж встретила меня улыбкой.

— Ты отлично поработала с Сетом Мортенсенем, — сказала она, оторвавшись от документов, аккуратно разложенных на письменном столе.

Стол, который мы делили с Дагом, напоминал мир после Апокалипсиса.

— Ты о чем?

— Тебе удалось убедить его работать здесь.

Я захлопала глазами. Во время посещения района университета и «Хрустального пинцета» я не сказала об этом ни слова.

— Серьезно?

— Только что я видела его в кафе. Он сообщил, что вчера великолепно провел время.

Я вышла из кабинета Пейдж, совершенно сбитая с толку. Может быть, какие-то вчерашние события не отложились в моей памяти? Экскурсия получилась не ахти, но я думала, что он благодарен мне за приобретение книг со скидкой. Неужели случилось что-то еще?

Внезапно я вспомнила, как прикоснулась к руке Сета и ощутила странное чувство, мне показалось, что я давно его знаю. Нет, чушь. Это только мои фантазии.

Продолжая недоумевать, я поднялась в кафе выпить чашку мокко. Конечно, Сет находился там. Он сидел за столиком в углу с раскрытым перед собой ноутбуком. На нем был тот же наряд, что и вчера, если не считать майки с Бикером из «Маппет-шоу». Его пальцы быстро бегали по клавишам, а глаза не отрывались от экрана.

— Привет, — сказала я.

— Привет.

Больше он не добавил ни слова. Даже глаз не поднял.

— Вы работаете?

— Да.

Я ждала продолжения разговора, но его так и не последовало. Пришлось проявить инициативу.

— Э-э... Пейдж сказала мне, что вы пришли.

Ответа снова не последовало. Я даже не была уверена, что он меня слышал. Внезапно Сет посмотрел на меня совершенно осмысленным взглядом.

— Вы когда-нибудь были в Техасе?

Это застало меня врасплох.

— Конечно. Какая часть штата вас интересует?

— Остин. Мне нужно знать, какая там погода.

— Когда? В какое время года?

— Ну... весной. Или в начале лета.

Я покопалась в памяти.

— Жарко. Дожди, грозы. Большая влажность. Это край «коридора торнадо»^[26]. Разве не помните?

— Угу... — Сет на мгновение задумался, но потом снова встрепенулся. — Кейди это понравится. Спасибо.

Я не сразу поняла, что он говорит об одном из своих персонажей. О ненависти Нины Кейди к грозам было широко известно. Внезапно у меня душа ушла в пятки. Просто чудо, что Сет не услышал стука.

— Вы... вы пишете о Кейди и О'Ниле? Прямо сейчас?

— Да. — Он говорил небрежно, словно продолжая разговор о погоде. — Следующую книгу. Точнее, вторую. Четверть у меня уже написана.

Я смотрела на ноутбук со священным страхом, так, словно он являлся древним золотым идолом, способным творить чудеса: посылать дождь, кормить толпы людей. Это лишило меня дара речи. Новый шедевр создавался прямо у меня на глазах. Вынести такое было невозможно. Я проглотила слюну, заставила себя отвести взгляд и успокоиться. В конце концов, какой смысл восхищаться новой книгой, если еще не прочитана старая?

— Новый роман о Кейди и О'Ниле. Надо же. Это действительно...

— Гм-м... Знаете, сейчас я занят. Мне нужно подумать. Извините.

От этих слов у меня внутри похолодело.

— Что? — Неужели меня прогоняют?

— Не могли бы мы поговорить позже?

Меня действительно прогоняли. Прогоняли, даже не удостоив взгляда. У меня вспыхнули щеки.

— А как моя книга? — неучтиво выпалила я.

— Что?

— «Пакт Глазго». Вы ее подписали?

— Ах, вот вы о чем...

— Что это значит?

— Я пришлю вам сообщение по электронной почте.

— Пришлете? Значит, моей книги у вас нет?

Сет покачал головой и продолжил работу.

— Ох... О'кей. — Насчет электронной почты я не поняла, но умолять оказать мне внимание не собиралась. — Ладно. Раз так, увидимся позже. Если что-нибудь понадобится, скажете. — Мой голос звучал холодно и официально, но я сомневалась, что Сет вообще меня слышал.

Я вихрем скатилась по лестнице. Да как он смеет? И это благодарность за вчерашнюю экскурсию? Пусть он хоть трижды знаменитый, у него нет права так обращаться со мной. Я чувствовала себя униженной.

«Из-за чего униженной? Из-за того, что тебя проигнорировали? — рассудительно сказал мне внутренний голос. — Он не устраивал сцену. Просто сказал, что занят. В конце концов, ты сама жаловалась будто он слишком медленно пишет».

Я не прислушалась к внутреннему голосу и взялась за работу, по-прежнему чувствуя себя выбитой из колеи. Однако работа не позволила мне долго лелеять свое раненое самолюбие. Из-за недоукомплектованности штатов приходилось вертеться как белке в колесе. Я смогла зайти в свой кабинет только в конце смены, чтобы забрать сумку.

И только тут мне на глаза попало электронное послание Сета. Вот что я прочитала:

Джорджина, вы когда-нибудь обращали внимание на агентов по торговле недвижимостью? Как они одеваются, какие водят машины? Говорят, правда более странна, чем вымысел. Вчера вечером я сказал брату, что хотел бы жить в

районе университета, и он ответил, что его подруга — агент по торговле недвижимостью. Она прибыла ровно через две минуты. Немалое достижение, если учесть, что ее офис находится в Западном Сиэтле. Она приехала на «ягуаре», белизну которого можно сравнить только с белизной ее зубов, достойных мисс Америки. Не переставая тараторить о том, как хорошо, что я приехал в Сиэтл, она включила компьютер и стала искать подходящее жилье, стуча по клавиатуре пальцами с ногтями, которые заставили бы побледнеть маленьких детей. (Обратили внимание? Я вспомнил, что вам нравится слово «побледнеть».)

Стоило этой даме найти что-то подходящее, как она приходила в экстаз: «Да, да. О да! Это оно! Точно! Да! Да!»

Признаюсь, когда все закончилось, я чувствовал себя измученным так, словно обошел пешком весь город. Несмотря на все ее театральные приемы мы сумели найти квартиру в новом доме недалеко от студенческого городка. Как вы и предполагали, цена немалая, но, кажется, это именно то, что мне нужно. Мы с Мисти — да, именно так ее зовут — собираемся вечером съездить и посмотреть дом. Меня слегка пугает, что будет, если я соглашусь на предложение. Не сомневаюсь, мысль о комиссионных вызовет у нее несколько оргазмов подряд. (Кстати, я всегда думал, что именно «позиция миссионера» не позволяет женщинам получать полное удовлетворение).

Я хотел сообщить вам последние сведения, так как именно вы показали мне район университета. Прошу прощения за то, что не смог поговорить с вами раньше, мне хотелось бы узнать ваше мнение относительно тамошних ресторанов. Я все еще плохо знаю Сиэтл, а мой брат и невестка слишком поглощены своей загородной жизнью, чтобы рекомендовать мне рестораны, где нет блюд для детей.

Ладно, пора возвращаться к творчеству, а то не будет, чем платить за новое жилье. Как вы имели возможность убедиться, Кейди и О'Нил — господа нетерпеливые. Кстати, я не забыл про ваш экземпляр «Пакта Глазго». Вчера вечером я собирался придумать, как пооригинальней отблагодарить вас за день, который мы провели вместе, но этот вихрь в образе агента меня отвлек. Прошу прощения. Скоро вы получите свою книгу.

До свидания, Сет.

Я перечитала письмо дважды. Не приходилось сомневаться, что я никогда не услышала бы от Сета столь же длинной устной речи. И столь же забавной. Это был настоящий маленький роман о Кейди и О'Ниле, написанный только для меня. Компенсация за утреннюю холодность. Если бы он сказал мне то же самое лично, я бы не выдержала.

— Невероятно, — пробормотала я, глядя на экран.

Первая половина моей души растаяла, но вторая продолжала дуться. Занятость — не помеха тактичности. Пришлось напомнить себе, что раздвоение личности — это психическая болезнь. Кроме того, мне нужно было найти Эрика и узнать у него про охотников на вампиров. Я быстро набрала ответ:

Спасибо за письмо. Думаю, еще один день без книги я как-нибудь проживу. Желаю удачи с агентом по торговле недвижимостью. Прежде чем принять предложение, не забудьте надеть презерватив. Вкусно поесть там можно у «Хана и сыновей», в кафе «Сливовый помидор» и в китайском ресторане «Лотос».

Джорджина.

Я ушла из магазина, быстро забыв о Сете. Слава богу, в это время дня машин на улицах было еще немного. Двигаясь в сторону Лейк-сити, я легко обнаружила перекресток, о котором говорила девушка из «Хрустального пинцета». Найти сам магазин оказалось труднее. Лавочек в этом районе оказалось множество. Я читала вывески, пытаюсь напасть на след «Аркана лимитед». Должно быть, это здесь.

Я припарковалась у входа, надеясь, что магазин работает. Расписания на двери не было, но, как только я толкнула ее, она открылась без сопротивления. Внутри стоял аромат сандала, а из стоявшей на прилавке маленькой магнитолы доносились звуки арфы. В помещении никого не наблюдалось. Я начала обходить его, восхищаясь всем подряд. Вдоль стен стояли настоящие книги по мифологии и религии, а не дешевка, которой торговал «Хрустальный пинцет», в тщательно оформленных витринах лежали украшения, в которых я узнала ручные изделия нескольких местных художников. В углах комнаты разместились предметы ритуальной утвари — свечи, курительницы и статуи, придававшие помещению слегка запущенный, но уютный вид.

— Мисс Кинкейд? Благодарю за честь.

Я отвернулась от статуэтки Белой Тары^[27]. В комнату вошел Эрик, и мне пришлось взять себя в руки, чтобы скрыть удивление. Когда он успел так состариться? Когда я видела его в последний раз, Эрик тоже выглядел старовато — морщинистая темная кожа, седые волосы, — но он не сутулился, а его глаза не казались такими тусклыми. Я пыталась вспомнить, когда это было. Пять лет назад? Десять? Со смертными легко запутаться.

— Я тоже рада. Теперь вас трудно найти. Чтобы узнать это, пришлось поставить на уши весь «Хрустальный пинцет».

— Ах, вот как... Надеюсь, это было не слишком неприятно.

— Ничего, справилась. Хорошо, что вы ушли оттуда. — Я обвела взглядом тесный и полутемный магазин. — Мне здесь нравится.

— Место неказистое и не бойкое, но зато мое. Я копил деньги, чтобы было где провести остаток жизни.

Я скорчила гримасу.

— Обойдемся без сантиментов. Вы еще не такой старый.

Его улыбка стала более широкой, а взгляд — лукавее.

— Как и вы, мисс Кинкейд. Вы остались такой же красавицей, какой были, когда мы познакомились. — Он отвесил мне короткий поклон, нагнувшись ниже, чем можно ожидать от человека с больной спиной. — Чем могу служить?

— Мне нужна информация.

— Конечно. — Он показал на столик у прилавка, где в данный момент лежали книги и стоял красивый резной подсвечник. — Садитесь, выпейте со мной чаю, и мы поговорим. Если только вы не торопитесь.

— Нет, время у меня есть.

Пока Эрик заваривал чай, я очистила стол, аккуратно сложив книги на пол. Когда он вернулся, мы перекинулись парой светских фраз и сделали по глотку. Но меня одолевало нетерпение. Мои пальцы бродили по краям чашки, а ноги произвольно отбивали непонятный ритм.

Наконец, я затронула тему, которая меня волновала.

— Мне нужно знать об охотниках на вампиров.

Будь на моем месте кто-нибудь другой, вопрос прозвучал бы странно. Но Эрик только кивнул.

— Что именно вас интересует?

— Все. Их привычки. Как их можно распознать. В общем, все, что знаете.

Осторожно держа чашку, он откинулся на спинку стула.

— Я думаю, что охотниками на вампиров рождаются, а не становятся. Если можно так выразиться, способность убивать вампиров — это дар. — Затем Эрик поведал кое-какие подробности, о которых я уже знала от Питера.

Вспомнив о Коди, который чувствовал, но не видел своего преследователя, я спросила:

— Может быть, у них есть какие-то особые способности? Например, умение оставаться невидимыми?

— Насколько я знаю, нет. Конечно, некоторые бессмертные это могут, но охотники на вампиров — вряд ли. В конце концов, они всего лишь смертные, несмотря на свой странный талант.

Я кивнула. У меня была такая способность, но я редко ею пользовалась. Возможно, преследователь Коди являлся невидимым бессмертным, решившим пошутить? Нет. В таком случае Коди обнаружил бы его с помощью чувства, которым были наделены все мы. Но, с другой стороны, охотника на вампиров он тоже должен был обнаружить. Это свидетельствовало в пользу гипотезы Питера, что преследователь существовал только в воображении Коди.

— Могут охотники на вампиров причинить вред кому-нибудь другому? Демонам... или другим бессмертным существам?

— Бессмертному вообще очень трудно причинить вред, — задумчиво ответил Эрик. — Некоторые представители сил добра — например, могущественные священники — могут изгонять демонов, но не в силах вредить им постоянно. Правда, я слышал о смертных, которым удавалось взять духа в плен, но не более того... Я не говорю, что это невозможно. Просто я о таком не знаю. Согласно моим ограниченным сведениям, охотники на вампиров могут причинять вред только вампирам. И никому другому.

— Я ценю ваши ограниченные сведения больше, чем подтвержденные факты.

Эрик посмотрел на меня с любопытством.

— Но это не тот ответ, которого вы ждали.

— Не знаю. В последнее время мне довелось услышать много нового. Вот я и подумала, что в этом нужно разобраться.

Вполне возможно, что Джером сказал правду: смерть Дьюана оказалась делом рук фанатичного охотника на вампиров, а предупреждение, данное Хью и мне, было всего лишь данью учтивости, продиктованное желанием избавить нас от чувства неловкости. И все же я не могла выбросить из головы мысль, что Джером обладает какой-то неведомой нам информацией и что Коди преследователь не почудился.

Наверное, вид у меня был недовольный, потому что Эрик с явной неохотой предложил:

— Знаете, я могу заглянуть в дополнительные источники. То, что я не слышал об охотниках, способных причинить вред другим бессмертным, еще не значит, что их не существует.

Я кивнула.

— Спасибо. Буду очень признательна.

— Возможность помочь такому человеку, как вы, для меня награда. Если хотите, я поищу, всю имеющуюся информацию об охотниках на вампиров. — Он сделал паузу и продолжил, тщательно подбирая слова: — Если бы такой человек существовал, об этом знали бы местные оккультные сообщества. Ему пришлось бы покупать припасы, задавать вопросы. Такие создания не могут остаться незамеченными.

Тут я замешкалась. Джером велел нам соблюдать осторожность. Я была уверена, что он не одобрил бы мою инициативу, а мою беседу с Эриком можно было расценить именно так. Но если бы я наняла осведомителей, все выглядело бы по-другому. Сбор информации — не то, что мои собственные поиски опасного человека.

— Спасибо и за это тоже. Мне пригодится все, что вы сумеете найти. — Я допила чай и поставила на стол пустую чашку. — Думаю, мне пора.

Эрик встал.

— Спасибо, что выпили со мной чаю. Такую женщину, как вы, мужчина может увидеть лишь во сне.

От завуалированного намека на старое поверье о том, что суккубы посещают только спящих мужчин, я рассмеялась.

— Эрик, вашим снам ничто не угрожает.

Он ответил мне улыбкой.

— Приходите через несколько дней, и я расскажу, что мне удалось узнать. Я угощу вас чаем.

Обведя взглядом пустой магазин и вспомнив, что во время моего визита нас не потревожил ни один посетитель, мне захотелось помочь его бизнесу.

— Прежде чем уйти, я хочу купить у вас немного этого чая.

Эрик посмотрел на меня с благодарностью: похоже, он понял мои намерения.

— Я всегда считал вас поклонницей черного чая. Или как минимум кофеина.

— Иногда не мешает встряхнуться. Кроме того, ваш травяной чай без кофеина действительно очень хорош.

— Я передам эту похвалу моей подруге. Она готовит смеси, а я их продаю.

— Она ваша гёльфренд, да?

— Нет, мисс Кинкейд, просто подруга.

Он подошел к полке за кассой, где лежало несколько сортов чая. Расплачиваясь, я обратила внимание на некоторые украшения, лежавшие под стеклом. Одно из них привело меня в восторг. Это было тройное ожерелье цвета персика. Речной жемчуг перемежался медными бусинками и кусочками сине-зеленого стекла. В его центре находился медный анх^[28].

— Это тоже произведение одного из местных художников?

— Работа моего старого друга из Такомы. — Эрик вынул ожерелье из футляра и положил на прилавок. Я провела пальцами по красивым гладким жемчужинам немного неправильной формы. — На мой вкус, здесь многовато египетского влияния, но он хотел передать дух Афродиты и моря и создать то, что могли бы носить древние жрицы.

— Ничего столь красивого у них не было, — пробормотала я, потом перевернула ожерелье и увидела ярлык, на котором была написана внушительная сумма. Не успев подумать, я продолжила: — Многие древнегреческие города испытывали влияние Египта. На монетах Кипра изображали не только Афродиту, но и анхи.

Прикосновение к медному анху заставило меня вспомнить другое ожерелье, давно исчезнувшее в пыли веков. Оно выглядело проще: всего одна нитка бус, чередовавшихся с крошечными анхами. В утро нашей свадьбы его принес мне муж, прокравшись в мой дом сразу после рассвета, такой смелый поступок был для него нетипичен.

Я отругала его за неосторожность.

«Что ты делаешь? Ты увидишь меня после полудня... а потом будешь видеть каждый день!»

«Я должен был отдать тебе это еще до свадьбы. — Он поднял в воздух нитку бус. — Они принадлежали моей матери. Я хочу, чтобы сегодня ты надела их».

Он наклонился и надел бусы мне на шею. Когда его пальцы коснулись моей кожи, я почувствовала тепло, от которого стало покалывать тело. Тогда мне было пятнадцать лет, и я не понимала природы этого ощущения, но очень хотела понять. Ныне я, умудренная опытом, знала, что так проявляются первые признаки сладострастия. Но там было что-то еще. То, чего я не поняла до сих пор. Подобие вольтовой дуги^[29]. Ощущение чего-то большего, чем мы сами. Неизбежности близости.

«Ну вот, — сказал муж, застегнув бусы и вернув мои волосы на прежнее место. — Теперь ты само совершенство».

Больше он не произнес ни слова. Но этого и не требовалось. Его глаза сказали мне все, о чем я должна была знать, и я затрепетала. Никто, кроме Кириакоса, не обращал внимания на слишком высокую дочку Мартанеса, дерзкую на язык и сначала что-то говорившую, а потом думавшую. (Трансформация помогла решить одну из этих проблем, но против второй оказалась бессильна). Однако Кириакос всегда слушал меня и следил за мной так, словно я была кем-то другим, более искусной и желанной, подобно прекрасным жрицам Афродиты, которые все еще проводили свои ритуалы вдали от глаз христианских священников.

Мне хотелось еще раз испытать его прикосновение, но я поняла это только тогда, когда неожиданно для себя самой схватила Кириакоса за руку, положила ее себе на талию и привлекла его к себе. Он удивленно раскрыл глаза, но не отстранился. Мы были почти одного роста, так что наши губы соединились без всякого труда. Я прислонилась спиной к теплой каменной стене и оказалась зажатой между стеной и Кириакосом. Я чувствовала все его тело, однако этого было недостаточно. Совсем недостаточно.

Наш поцелуй становился все более страстным, но соединение губ не могло преодолеть разделявшее нас томительное расстояние. Я снова передвинула его руку и заставила приподнять край юбки. Его ладонь коснулась моей гладкой плоти, а затем сама собой спустилась чуть ниже. Я выгнулась, желая, чтобы он прикасался ко мне сразу всюду.

«Лета! Ты где?»

Ветер донес до нас голос сестры. Она была еще не очень близко, но могла появиться с минуты на минуту. Мы с Кириакосом отпрянули друг от друга, задыхаясь и слыша бешеное биение собственных сердец. Он смотрел на меня так, как никогда не смотрел прежде. В его глазах бушевало пламя.

«Ты уже была с кем-то другим?» — с изумлением спросил он.

Я покачала головой.

«Тогда как ты... Я не представлял, что ты на такое способна».

«Я быстро учусь».

Кириакос улыбнулся и прижал мою руку к губам.

«Вечером, — прошептал он. — Сегодня вечером мы...»

«Вечером», — кивнула я.

Он попятился. Его глаза продолжали гореть.

«Я люблю тебя. Ты моя жизнь».

«Я тоже люблю тебя». — Я улыбнулась и посмотрела ему вслед. Через минуту снова послышался голос сестры:

«Лета!»

— Мисс Кинкейд...

Голос Эрика заставил меня вернуться к реальности. Я очнулась в книжном магазине, вдали от дома моих родителей, давно превратившегося в прах, встретила взглядом с Эриком и подняла ожерелье.

— Это я тоже возьму.

— Мисс Кинкейд, — нерешительно сказал он, потрогав ярлычок с ценой. — Не нужно... Я помогу вам бесплатно.

— Знаю, — заверила его я. — Знаю. Просто добавьте это к моему счету. И спросите своего друга, не сможет ли он сделать такие же серьги.

Я вышла из магазина в ожерелье, продолжая вспоминать то утро и первые прикосновения любимого. Потом шумно выдохнула и выбросила это из головы. Как делала уже тысячи раз. Если не миллионы.

Глава девятая

Вернувшись домой, я обнаружила, что до ночи еще далеко. К несчастью, делать мне оказалось нечего. Суккуб без светской жизни. Очень грустно. Но грустнее всего было то, что я могла бы найти себе дело, если бы не сглупила. Даг часто приглашал меня в разные места, однако сомневаться не приходилось: он проводил сегодняшний вечер в компании другой женщины, более стоворчивой. Романа я тоже отшила, несмотря на его прекрасные глаза. Я уныло улыбнулась, вспомнив его добродушное подтрунивание и непринужденное обаяние. Он был ожившим О'Нилом из романа Сета.

Подумав о Сете, я вспомнила, что у него осталась моя книга. Третий день без «Пакта Глазго»... Я вздохнула. Хотелось знать, что будет с Кейди и О'Нилом дальше. Это помогло бы скоротать вечер. Чертов ублюдок! Он никогда не вернет мне книгу. Я никогда не узнаю, что...

Внезапно я застонала и хлопнула себя по лбу. Дура! Разве я не работаю в большом книжном магазине? Оставив машину на стоянке, я пошла в «Изумрудный город», нашла кучу «Пактов Глазго», оставшихся после презентации, взяла один экземпляр и пошла к кассе, за которой сидела моя знакомая Бет.

— Ты можешь ее размагнитить? — спросила я, положив книгу на прилавок.

— Конечно, — ответила Бет, притянув ее к себе. — Давай свою дисконтную карту.

Я покачала головой.

— Я ее не покупаю. Просто беру на время.

— А это можно? — поинтересовалась она, отдавая мне книгу.

— Конечно, — солгала я. — Заместителям заведующего можно.

Несколько минут спустя я показала свой приз Обри, на которую он не произвел ни малейшего впечатления, и начала наполнять ванну. Пока текла вода, я проверила, нет ли мне сообщений. Ничего не обнаружив, я начала разбирать почту, которую забрала по дороге. Там тоже не было ничего интересного. И слава Богу. Я разделась и погрузилась в ванну, стараясь не намочить книгу. Обри запрыгнула на тумбочку, прищурилась и стала следить за мной, явно удивляясь тому, что кто-то может по доброй воле не только погружаться в воду, но и пребывать в ней так долго.

Я подумала, что в качестве компенсации за лишения могу прочитать больше пяти страниц. Когда закончилась пятнадцатая глава, я обнаружила, что начала три страницы следующей. Можно было с чистой совестью дочитать и ее. Когда и эта глава закончилась, я вздохнула и откинулась на борт ванны, чувствуя себя довольной и усталой. Книги — это настоящее благословение. Удовольствия столько же, сколько и от оргазма, но возни меньше.

Утром я пошла на работу счастливая и отдохнувшая. Пейдж нашла меня во время ленча, когда я сидела на краю письменного стола и следила за Дагом, игравшим в «Чистильщика». Увидев ее, я соскочила, а Даг едва успел закрыть игру.

Но до Дага Пейдж не было дела, она пришла по мою душу.

— Я хочу, чтобы ты занялась Сетом Мортенсенем.

Я со стыдом вспомнила свою реплику насчет наложницы.

— В каком смысле?

— Не знаю. — Она неуверенно пожала плечами. — В любом. Он в городе недавно. Еще никого не знает, у него нет никакой светской жизни.

Ничего удивительного. Достаточно вспомнить его холодный вчерашний прием и трудности с общением.

— Я уже провела для него экскурсию.

— Это совсем другое дело.

— А его брат?

— Что брат?

— Я уверена, что они постоянно устраивают вечеринки. Или водят его куда-нибудь.

— Почему ты сопротивляешься? Я думала, ты его поклонница.

Я действительно являлась поклонницей Сета, причем страстной, но читать его книги — это одно, а общаться с ним — совсем другое. «Пакт Глазго» был замечательным, его послание по электронной почте — тоже, но беседа ему не давалась. Конечно, сказать это Пейдж я не могла, поэтому мы еще немного попрепирались. Даг с интересом наблюдал за нами. Наконец, я неохотно согласилась, с ужасом думая о том, что Сета придется куда-то пригласить, не говоря о самом посещении некоего общественного места.

Когда позже я подошла к нему, то была готова к очередному афронту [\[30\]](#). Однако Сет тут же оторвался от работы и улыбнулся мне.

— Привет! — Его настроение сильно улучшилось, и я решила, что вчера мне просто не повезло.

— Привет. Как идут дела?

— Не очень. — Он кончиком пальца слегка постучал по экрану ноутбука и нахмурился. — С ними трудно. Никак не могу ухватить эту сцену.

Я ощутила интерес. Трудно? С такими людьми, как Кейди и О'Нил? Мне всегда казалось, что общаться с подобными персонажами одно удовольствие. Даже счастье.

— Раз так, нужно сделать перерыв. Пейдж волнует ваша светская жизнь.

Он широко раскрыл свои карие глаза.

— Серьезно? Как это?

— Она думает, что вы не выходите из дома. Потому что в этом городе еще никого не знаете.

— Я знаю брата, его жену и детей. Мисти. — Он сделал паузу. — И вас.

— Это хорошо. Поскольку похоже, что мне предстоит стать вашим постоянным экскурсоводом.

Губы Сета слегка дрогнули. Но затем он покачал головой и снова уставился на экран.

— Очень мило с вашей стороны и со стороны Пейдж, но в этом нет необходимости.

Он не прогонял меня, как вчера, но я чувствовала обиду из-за того, что мое щедрое предложение отвергли. Тем более что сделать его меня заставили.

— Бросьте, — сказала я. — Что вы собираетесь делать?

— Писать.

С этим спорить не приходилось. Такие романы мог писать только Бог. Кто я такая, чтобы мешать их творцу? И все же... Пейдж дала мне указание. Это было равносильно приказу небес. В моем мозгу родился компромисс.

— Вы можете проводить исследование для книги. Убивать двух зайцев одной пулей.

— Все, что требуется для этого романа, я уже исследовал.

— А как насчет развития характеров героев? Можно сходить... допустим, в планетарий. — Кейди обожала астрономию. Она часто наблюдала за созвездиями и составляла из них символы, соответствовавшие замыслу романа. — Или на хоккей. Вам

нужны свежие идеи для О'Ниле. Он же у вас болельщик.

Сет покачал головой.

— Не пойду. Честно говоря, я ни разу не был на хоккее.

— Что? Вы серьезно? Ни разу?

Он пожал плечами.

— Если так, то откуда вы берете информацию об этой игре? Из газет?

— Я знаю основные правила. Беру кусочки из Интернета и складываю их.

Я широко открыла глаза, почувствовав себя обманутой. О'Нил фанатично болел за «Детройт ред уингз». Эта страсть определяла его характер и оказывала влияние на все его действия: он был быстрым, искусным и временами жестоким. Зная болезненную страсть Сета к деталям, я не сомневалась, что он тоже поклонник хоккея, раз уж снабдил этой чертой своего главного героя.

Сет следил за мной, сбитый с толку выражением моего лица.

— Мы идем на хоккей, — заявила я.

— Нет, мы...

— Мы идем на хоккей. Подождите минутку.

Я бегом спустилась по лестнице, шуганула Дага от компьютера и получила нужную мне информацию. Все было так, как я и предполагала. «Буревестники» уже начали сезон.

— В шесть тридцать, — через несколько минут сказала я Сету, — встретимся на Ки-арене, у кассы. Я куплю билеты.

Он выглядел обескураженным.

— В шесть тридцать, — повторила я. — Это будет грандиозно. Вы сделаете перерыв и одновременно увидите настоящую игру. Вы же сами сказали, что сегодня вам не пишется.

Но главным было другое. Так я сумею выполнить поручение Пейдж, и при этом мне не придется много разговаривать. Во-первых, на стадионе обычно бывает очень шумно, во-вторых, мы будем слишком заняты зрелищем.

— Я не знаю, где находится Ки-арена.

— Отсюда можно пешком дойти. Ориентир — «Космическая игла». Памятник покорителям космоса и стадион — части городского культурного центра.

— Я...

— Так во сколько мы встречаемся? — Стальная нотка, прозвучавшая в моем голосе, говорила, что мне лучше не перечить.

— В шесть тридцать. — Он скорчил гримасу.

После работы пришлось кое-куда сходить. Продолжать заниматься загадкой охотника на вампиров можно было только после новой встречи с Эриком. К несчастью, суетный мир предъявлял свои требования, поэтому пришлось убить часть вечера на всякую ерунду. Вроде пополнения запасов кошачьей еды и кофе, проверки новой линии губной помады и так далее. Я даже не забыла купить дешевый, легко собирающийся шкафчик для книг, лежавших у меня в гостиной.

Моя активность не знала предела.

Перекусила я в индийском ресторанчике и сумела оказаться у Ки-арены ровно в шесть тридцать. Сета еще не было, но паниковать я не стала. Территория у культурного центра огромная, он наверняка бродит вокруг «Космической иглы» и пытается найти дорогу.

Я купила билеты и села на огромную цементную ступеньку. Вечер был прохладный. Я закуталась в толстый пуховый пуловер, с помощью трансформации сделав его немного

плотнее, и начала наблюдать за людьми. Пары, группы молодых людей и дети шли болеть за своих, ожидая захватывающего зрелища.

Когда часы показали шесть пятьдесят, я занервничала. До начала матча оставалось всего десять минут. Может быть, Сет действительно заблудился? Я достала мобильник и позвонила в магазин. Возможно, он еще там? Нет, ответили мне, но я взяла у Пейдж номер его сотового. Набрав номер, я получила предложение оставить голосовое сообщение.

Я с досадой захлопнула телефон и обхватила себя руками, пытаясь согреться. Времени еще достаточно. Сета в магазине нет. Это хороший признак. Значит, он в пути.

Но пробило семь, игра началась, а Сет так и не появился. Я снова набрала его номер, а потом тоскливо уставилась на дверь. Мне хотелось увидеть начало. Сет никогда не был на хоккее, но я любила эту игру и часто ходила. Постоянное движение и энергетика хоккея привлекали меня больше, чем любой другой вид спорта, хотя временами вспыхивавшие потасовки заставляли меня морщиться. Пропускать зрелище мне не хотелось, но что будет делать Сет, если придет и не увидит меня на условленном месте?

Я прождала еще пятнадцать минут, прислушиваясь к реву болельщиков, и наконец, признала правду.

Меня надули.

Это казалось неслыханным. Такого со мной не случалось... больше ста лет. Меня не столько разгневало это открытие, сколько ошеломило. Осмыслить весь ужас случившегося было невозможно.

«Нет, — спустя мгновение решила я, — это ошибка». Идти на стадион Сету не хотелось, но он не отказался. Если бы он передумал, то мог предупредить. А вдруг... вдруг что-то случилось? Вдруг он попал под машину? После смерти Дьюана никто не мог сказать, когда разыграется следующая трагедия.

Нет, пока я не получу дополнительную информацию, моя единственная трагедия — это пропуск игры. Я снова позвонила Сету, на этот раз оставив ему номер своего мобильного и сообщив места на трибуне. Если понадобится, можно будет выйти и забрать его. Я плюнула и пошла смотреть матч.

Но находиться там одной оказалось очень грустно. Другие пары сидели вместе, парни не сводили с меня глаз и время от времени подсылали ко мне очередного желающего пообщаться. Разговаривать мне не хотелось, но со стороны, видимо, казалось по-другому. Я часто отказывалась от приглашений, однако это не значило, что при желании я не могу их принять. Мне не нравилось, когда меня считали отчаявшейся и одинокой. Я достаточно часто испытывала эти чувства и во внешнем подтверждении не нуждалась.

Во время первого перерыва пришлось купить для утешения корн-дог^[31]. Разыскивая в сумке мелочь, я обнаружила листок с номером телефона Романа. Во время еды я смотрела на него, вспоминала настойчивость зеленоглазого красавца и ругала себя последними словами. Внезапный удар обострил во мне желание с кем-то встретиться и напомнить себе, что если захочу, то вполне способна общаться с людьми.

Когда я уже приготовилась набрать номер, во мне проснулся здравый смысл. Внутренний голос предупредил, что я собираюсь нарушить старую клятву не встречаться с хорошими парнями, с лишним билетом можно поступить по-другому. Например, позвать Хью или кого-нибудь из вампиров. Это намного безопаснее.

Но... но они относились ко мне как к сестре. Хотя я тоже любила их как братьев, однако в данный момент быть сестрой не хотела. К тому же это нельзя было считать

настоящим свиданием. Мы будем просто спутниками. К тому же все предосторожности, придуманные для Сета, будут действительны и для Романа. Все будет абсолютно безопасно... Я набрала номер.

— Алло?

— Мне надоело хранить ваше пальто.

Я почувствовала, что Роман улыбнулся.

— Я думал, что вы его уже выбросили.

— Вы что, с ума сошли? Оно же от Кеннета Коула^[32]. Но я звоню не поэтому.

— Это я понял.

— Хотите сегодня посмотреть хоккей?

— Когда начался матч?

— Сорок минут назад.

Последовала пауза в стиле Сета.

— И вы только сейчас решили пригласить меня?

— Ну... Человек, с которым я собиралась пойти, не пришел.

— И решили позвонить мне?

— Ну, вы же очень хотели куда-нибудь сходить со мной.

— Да, но я... Подождите минутку. Значит, я у вас на втором месте?

— Не нужно так говорить. Думайте... ну, я не знаю... что вам предстоит сделать то, что другому оказалось не под силу.

— Как вице-мисс Америка?

— Слушайте, вы придете или нет?

— Соблазн велик, но в данный момент я занят. Хотя мне очень жаль. — Последовала еще одна пауза. — Впрочем, я могу подъехать к вам после матча.

Нет, так не пойдет..!

— А после матча буду занята я.

— У вас и вашего незадачливого спутника есть другие планы?

— У меня... нет. Я должна... собрать книжный шкаф. На это нужно время. Понимаете, работа тяжелая.

— А я как раз мастер на все руки. Увидимся через два часа.

— Послушайте, вы не можете... — Но он уже дал отбой.

На мгновение я от отчаяния закрыла глаза, потом открыла их и снова стала следить за игрой. Что я наделала?

После матча я поплелась домой. Радость, доставленная победой команды Сиэтла, не могла пересилить тревогу от того, что Роман окажется в моей квартире.

— Обри, — спросила я с порога, — что мне делать?

Кошка зевнула, показав маленькие нестрашные клыки. Я покачала головой.

— В отличие от тебя, я не могу спрятаться под кровать. Его этим не возьмешь.

Неожиданный стук в дверь заставил нас обеих вздрогнуть. Долю секунды мне действительно хотелось залезть под кровать, но потом я все же впустила Романа. Обри мгновение изучала его, а потом пулей вылетела из спальни. Видимо, кошка была возмущена тем, что наше с ней одиночество нарушило существо другого пола.

Непринужденно одетый Роман принес шесть банок «Горной росы», два пакета «Доритос»^[33] и коробку хлопьев.

— «Лаки Чармс»?^[34] — спросила я.

— Настоящий деликатес, — объяснил он. — Подходит для любых строительных работ. Я покачала головой, изумленная тем, как быстро он сумел пробраться в мой дом.

— Это не свидание.

Он притворился шокированным.

— Конечно. Иначе я принес бы «Каунт Чокулу».

— Я говорю серьезно. Это не свидание, — упрямо повторила я.

— Да-да, понял. — Роман опустил продукты на стойку и повернулся ко мне. — Ну, где ваш шкаф? Давайте начнем.

Я шумно выдохнула, ощутив облегчение от его деловитости. Никакого флирта, никаких заигрываний. Просто честная дружеская помощь. Он соберет мне шкаф, а потом уйдет.

Мы вскрыли огромную коробку и выудили оттуда полки, панели и полный набор винтов и гаек. Инструкции были краткими и состояли главным образом из рисунков со стрелками, показывавшими, что к чему крепится. Несколько минут мы пристально рассматривали детали, а потом решили, что начинать нужно с большой задней стенки. Мы плашмя положили стенку на пол и приставили к ней полки и боковые стенки. Когда стало ясно, что к чему прикреплять, Роман взял винты и гайки и начал искать, куда их вставлять.

Он осмотрел крепеж, заглянул в коробку, а потом уставился на шкаф.

— Странно...

— Что странно?

— Я думал... В большинстве таких изделий отверстия проделывают заранее, а к крепежу прилагают маленькую отвертку.

Я осмотрела доски. Никаких заранее проделанных отверстий. Никаких отверток.

— Нам придется заворачивать их самим.

Он кивнул.

— Отвертка у меня где-то была.

Роман покосился на шкаф.

— Не думаю, что это поможет. Нам понадобится дрель.

Его знания в этой области меня потрясли.

— Ничего такого у меня нет.

Мы понеслись в ближайший хозяйственный магазин и успели за десять минут до закрытия. Раздосадованный продавец показал нам нужную секцию и улизнул, предупредив, что времени у нас мало.

Мы долго смотрели на дрели и сверла, потом я обратилась за помощью к Роману.

— Понятия не имею, — после долгой паузы признался он.

— Кажется, вы сказали, что мастер на все руки.

— Ну... Да. — Вид у него был пристыженный. Впервые за все время нашего знакомства. — Я слегка преувеличил.

— Иными словами, солгали.

— Нет, просто преувеличил.

— Это то же самое.

— Нет. Не то же.

Но мне было не до семантики.

— Зачем вы так сказали?

Он уныло покачал головой.

— Во-первых, потому что мне хотелось вас увидеть. А во-вторых... Не знаю. Наверное,

потому что вы сообщили, что это тяжелая работа. И я захотел вам помочь.

— Значит, я девушка, попавшая в беду? — пошутила я.

Он серьезно посмотрел на меня.

— Вряд ли. Но я хотел узнать вас лучше. Хотел, чтобы вы поняли: на уме у меня нечто большее, чем постель.

— Значит, если бы я предложила вам заняться сексом прямо в этом проходе, вы бы отказались? — Игривая реплика сорвалась с языка сама собой.

Это была защитная реакция. Шуткой я хотела скрыть неловкость, вызванную серьезностью его слов. Большинство парней мечтали всего-навсего затащить меня в постель. И я толком не знала, как вести себя с тем, кто к этому не стремился.

Моя неискренность сделала свое дело. Роман тут же восстановил прежнее очарование и уверенность в себе, и я едва не пожалела об этой перемене. Что-то будет дальше?

— Придется вас разочаровать. У нас всего шесть минут. Они закроют магазин раньше, чем мы успеем кончить. — Он с жаром переключился на сверла. — Напрасно вы такого невысокого мнения о моем таланте мастера на все руки. Я очень быстро учусь, так что это не преувеличение. К концу вечера все будет в порядке.

Увы, это оказалось неправдой.

Когда мы купили первую попавшуюся дрель и сверла и пришли домой, Роман начал составлять куски. Приложил к задней стенке полку, отметил дырку и начал сверлить.

Сверло прошло под углом и в полку не попало.

— Сукин сын! — выругался Роман.

Я подошла ближе и ахнула. Мы мрачно уставились на дыру в задней стенке.

— Может быть, ее удастся закрыть книгами, — предположила я.

Роман поджал губы и сделал еще одну попытку. На сей раз сверло в полку попало, но угол все же был замечен. Кое-что получилось только с третьей попытки.

К несчастью, со вторым отверстием история повторилась. Когда я увидела результат, то решила взяться за дело сама. Роман махнул рукой, признавая свое поражение, и отдал мне дрель. Я наклонилась над задней стенкой и правильно просверлила отверстие с первого же раза.

— О боже, — пробормотал он. — От меня никакого толку. Это я девушка, попавшая в беду.

— Неправда. Вы принесли хлопья.

Я закончила прикреплять полки. Наступила очередь боковых стенок. На задней стенке были небольшие отметки, показывавшие места соединения. Я осторожно попыталась совместить края.

Это оказалось невозможно. Вскоре я поняла причину. Несмотря на все мое сверлильное искусство, полки были привинчены неровно, со сдвигом то вправо, то влево. Боковые стенки не совпадали с краями задней.

Роман сел на диван и прикрыл ладонью глаза.

— О боже...

Я съела пригоршню «Лаки Чармс» и задумчиво сказала:

— Ладно. Давайте попробуем выровнять полки.

— Эта штука не выдержит тяжести книг.

— И все же постараемся сделать все возможное.

Мы стали возиться с первой боковой стенкой. На это ушло много времени. Шкаф

выглядел ужасно, но все же стоял. Мы перешли к следующей стенке.

— Придется признаться, что эта работа не по моей части, — заметил Роман. — Но у вас талант. Вы настоящая мастерица на все руки.

— Я в этом не разбираюсь. Мой единственный талант не имеет никакого отношения к тому, что я должна делать.

— Вы еще никогда не говорили таким усталым тоном. Неужели дел, которые вы должны делать, так много?

Я едва не расхохоталась, вспомнив, что нужно суккубу для выживания.

— Можно сказать, да. Впрочем, как и всем.

— Да, конечно, но нужно отделить их от вещей, которые вам хочется делать. Не запугивайте себя необходимостью. Иначе жизнь теряет смысл. Превращается в выживание.

Я закрутила винт.

— Господин Декарт, ваше глубокомыслие мне не по зубам.

— Не увиливайте. Я говорю серьезно. Чего вы хотите от жизни на самом деле? Какого будущего ждете? Неужели вы собираетесь работать в книжном магазине до самой смерти?

— Ну, во всяком случае, какое-то время. А что? Вам это не нравится?

— Нет. Просто это не слишком серьезная профессия. Способ убивать время.

Я улыбнулась.

— Нет, это не так. А даже если и так, не слишком серьезные вещи тоже могут доставлять удовольствие.

— Да, но я обнаружил, что многие люди мечтают совсем о других занятиях. О слишком безумных, слишком трудоемких или таких, которыми можно заниматься только далеко от дома. Работник бензозаправки мечтает стать рок-звездой. Бухгалтерша жалеет, что изучала бухучет, а не историю искусства. Люди отказываются от своей мечты, потому что считают это невыполнимым или откладывают на потом.

Роман отвлекся от работы. Его лицо снова стало серьезным.

— Так чего вы хотите, Джорджина Кинкейд? Какова ваша безумная мечта? Мечта, которую вы считаете несбыточной, но продолжаете лелеять в глубине души?

Честно говоря, больше всего на свете мне хотелось любить и быть любимой, безо всех этих сверхъестественных сложностей. «Мелочь по сравнению с его великими примерами», — грустно подумала я. Мечта была не безумная, а просто невозможная. Я сама не знала, почему в последнее время так хотела любви. Может быть, я пыталась таким образом компенсировать неудачу своего брака со смертным, который сама же и разрушила. Или за прошедшие годы пришла к выводу, что любовь может приносить большую радость, чем удовлетворение физиологических потребностей. Впрочем, нельзя сказать, что это занятие мне не нравилось. Вызывать желание приятно, именно этого жаждет большинство смертных и бессмертных. Но любовь и физическое влечение — разные вещи.

Логично было бы вступать в связи с другими бессмертными, однако служители ада не отличались постоянством и надежностью. За прошедшие века у меня было несколько таких романов, но они закончились ничем.

Однако говорить об этом с Романом не имело смысла. Поэтому я призналась в своей второй по значимости мечте, удивленная собственной горячностью. Люди редко спрашивали, чего я хочу от жизни. Гораздо чаще задавали вопрос, какое положение я хотела бы занимать в обществе.

— Ну, если бы я не работала в книжном магазине, хотя мне там очень нравится, то

хотела бы стать хореографом и ставить танцы в стиле лас-вегасских шоу.

Лицо Романа расплылось в улыбке.

— Ну, вот видите? Именно о таких невозможных вещах я и говорю. — Он наклонился вперед. — И что удерживает вас от танцев топless в костюмах из блестящей мишуры? Риск? Приверженность традициям? Страх перед чужим мнением?

— Нет, — грустно ответила я. — Просто я этого не умею.

— Неумение — это...

— Я не умею ставить танцы, потому что не могу описать их движений. Я пыталась, но ничего не вышло... Я не умею создавать, вот в чем дело. Не умею создавать новое. Творец из меня никудышный.

Он нахмурился.

— Не могу поверить.

— Нет, это правда.

Когда-то мне сказали, что бессмертные вообще не способны к творчеству: мол, это отличает их от смертных, которые должны оставить что-то после себя. Но я знала бессмертных, которые умели придумывать новое. Например, Питеру нравилось готовить. Хью использовал человеческое тело как холст для живописи. А я? Я не умела творить даже тогда, когда была смертной. Так что дело заключалось во мне.

— Если бы вы знали, я пыталась заниматься творчеством... Ходила на курсы рисования. Брала уроки музыки. Но в худшем случае терпела оглушительное фиаско, а в лучшем — слепо копировала произведение какого-нибудь гения.

— Но с этим шкафом вы не ударили в грязь лицом.

— Чужой проект, чужие указания... Это мне по плечу. Я сообразительна, наделена здравым смыслом, понимаю людей и могу с ними общаться. Могу подражать, могу научиться что-то делать правильно. Взять хотя бы косметику. Я умею красить глаза так же, как и остальные девушки, работающие в магазине, если не лучше. Но при этом пользуюсь чужими идеями. Например, иллюстрациями в журнале. Не могу придумать ничего своего. Лас-Вегас? Я могла бы танцевать в шоу, причем очень неплохо. Могла бы стать звездой любого ревю, исполняя танцы, которые поставил кто-то другой. Но сама не в состоянии придумать ни нового па, ни новой комбинации этих па.

С боковой стенкой было покончено.

— Не верю, — возразил Роман. Страстность, с которой он защищал меня от самой себя, была очаровательной. — Вы живая и умная. Очень сообразительная. Вы должны дать себе шанс. Начать с чего-то небольшого, а потом идти дальше.

— Вы хотите сказать, что нужно верить в себя? В то, что совершенству нет предела?

— Нет, я хочу сказать, что уже поздно и мне пора. Что шкаф собран и что я чудесно провел вечер.

Мы встали, подняли шкаф и прислонили его к стене гостиной. Потом сделали шаг назад и молча изучали его. В осмотре приняла участие даже Обри.

Все полки стояли под разными углами. Одна боковая стенка почти совместилась с краем задней, зато вторая отошла от нее на четверть дюйма. В задней панели зияло шесть дыр. Но хуже всего было то, что шкаф заметно дал крен влево.

Я непроизвольно расхохоталась. Через мгновение Роман последовал моему примеру.

— О боже, — наконец проговорила я, вытирая слезы. — Ничего страшнее в жизни не видела.

Роман открыл рот, собираясь возразить, но передумал.

— Вполне возможно. — Он отдал мне честь. — Но я думаю, он выдержит, мой капитан!

Мы отпустили еще несколько добродушных шуток, а потом я проводила Романа до дверей, вспомнив, что должна вернуть ему пальто. Он продолжал острить, но был расстроен неудачей со шкафом сильнее, чем я. Считал, что подвел меня. Почему-то его смущение казалось мне более привлекательным, чем остроумие и очаровательная бравада. Впрочем, они мне нравились тоже. Когда мы прощались, я смотрела на Романа и вспоминала его рыцарство и страстную веру в то, что я должна реализовать свою хрустальную мечту. Страх, который я неизменно ощущала в присутствии нравившихся мне мужчин, слегка утих.

— Но вы так и не рассказали мне о своей безумной мечте.

Глаза цвета морской волны подмигнули.

— Не такая уж она безумная. Мне хочется встретиться с вами еще раз.

«Не такая уж безумная». Я решила прыгнуть в воду.

— Ну, раз так... Какие у вас планы на завтра?

Он улыбнулся.

— Пока никаких.

— Тогда приходите в книжный магазин перед закрытием. Я даю урок танцев. На урок придет множество народу, так что мы оба будем в безопасности.

Его улыбка на мгновение поблекла.

— Урок танцев?

— Вы имеете что-то против? Передумали?

— Нет, но... Это будет как в Лас-Вегасе? В набедренных повязках и фальшивых бриллиантах? Если так, мне нужно будет подготовиться заранее.

— Вовсе нет.

Он пожал плечами и широко улыбнулся.

— Ладно. Прибережем это для нашего второго свидания.

— Нет. Вы забыли, что второго свидания не будет? Только одно. Мы больше не увидимся. Вы сами так сказали. Дали честное скаутское.

— Это тоже можно трактовать как преувеличение.

— Нет. Только как ложь.

— Ага... — Он снова подмигнул. — Значит, это все-таки не то же самое?

— Я... — Его логика заставила меня умолкнуть.

Перед уходом он отвесил мне еще один насмешливый поклон.

— До свидания, Джорджина.

Я вернулась в комнату, надеясь, что не совершила ошибку, и увидела сидевшую на полке Обри.

— Осторожнее, — предупредила я. — Я не уверена, что эта штукавина тебя выдержит.

Было уже поздно, но усталости я не чувствовала. После вечера, проведенного с Романом, мои силы утроились. Я шуганула Обри и начала загружать полки книгами. Казалось, шкаф должен был рухнуть, но этого почему-то не случилось.

Добравшись до пачки романов Сета Мортенсена, я внезапно вспомнила о катастрофе, случившейся сегодня вечером. Во мне снова вспыхнул гнев. За все это время он так и не объявился. Конечно, гипотезу о том, что Сет попал под машину, отвергнуть было нельзя, однако инстинкт подсказывал мне, что дело не в этом. Он просто кинул меня.

Хотелось спустить его книги в мусоропровод, но я знала, что никогда этого не сделаю.

Я слишком их любила. Зачем наказывать книги за грехи их создателя? Я с тоской достала взятый в магазине экземпляр «Пакта Глазго». Внезапно мне мучительно захотелось прочитать свои пять страниц. Я бросила остальные книги и села на диван. Обри тут же прыгнула мне на колени.

Добравшись до последней из намеченных страниц, я обнаружила нечто невероятное. Кейди кем-то увлеклась. Это было неслыханно. Поклонник прекрасных дам О'Нил недостатка в романах не имел, но Кейди хранила целомудрие, несмотря на намеки и шутки сексуального характера, которые она отпускала, сидя за столом с О'Нилом. Пока ничего страшного не произошло, однако я уже чувствовала, что случится с Кейди во время расследования в Глазго.

Эта сюжетная линия захватила меня до такой степени, что я продолжила чтение. Чем дальше я читала, тем труднее было остановиться. Вскоре до меня дошло, почему я с таким удовольствием нарушала собственное правило пяти страниц. Мне хотелось как-то отплатить Сету.

Давно миновала полночь. Кейди легла с этим парнем в постель, а О'Нил проявил несвойственную ему ревность и страшно разозлился, хотя сохранил внешний лоск. Чувшь собачья. Я встала с дивана, надела пижаму и легла в кровать. Обри последовала за мной. Я снова продолжила чтение.

Я разделалась с книгой в четыре часа ночи. Глаза у меня воспалились, сил не осталось. Во время распутывания очередной тайны — как всегда очень сложной, — Кейди встретила с этим парнем еще несколько раз. Почему-то линия, связанная с расследованием, стала казаться мне менее интересной, чем развитие отношений героев. Потом Кейди и шотландец расстались, Кейди и О'Нил вернулись в Вашингтон, и статус-кво был восстановлен.

Я вздохнула и положила книгу на пол, не зная, что и думать, возможно, в этом была виновата усталость. Но затем я совершила героическое усилие: встала с кровати, нашла ноутбук, залезла в электронную почту «Изумрудного города» и отправила Сету дерзкое послание.

«Кейди получила свое. Что бы это значило?» А потом добавила: «Кстати говоря, хоккей был отличный».

Удовлетворенная тем, что выразила свое мнение, я быстро уснула... только для того, чтобы через несколько часов проснуться от звона будильника.

Глава десятая

О господи, о чем я думала? Мне предстояло отработать целый день! Более того, до начала смены оставалось десять минут. На сборы времени не оставалось. Я вздохнула и трансформировалась. Халат сменился серыми слаксами и блузкой цвета слоновой кости, прическа и косметика стали безупречными. Но избежать чистки зубов и опрыскивания духами было нельзя. Справившись с этими задачами, я схватила сумку и понеслась сломя голову.

В вестибюле меня окликнул клерк.

— Для вас кое-что есть. — Он протянул мне какую-то плоскую коробку.

Продолжая думать о времени, я быстро сорвала бумагу и ахнула. На коробке было написано «*Раскрась картинку*». А под этим красовалась реклама: «*Создайте собственный шедевр! Здесь есть все нужное, чтобы вы почувствовали себя настоящим художником!*» Шедевр, который я могла создать, представлял собой пустынный ландшафт с гигантским кактусом с одной стороны и воющим койотом с другой. В небе парил орел, а рядом с ним проглядывала голова индейца, лишённая туловища. Большой дешёвки и не представишь.

К коробке был приклеен листок бумаги. Записка гласила: «*Начните с самого простого. С любовью, Роман*». Почерк был таким красивым, что казался ненастоящим.

Я фыркнула и пошла дальше. Добравшись до своего кабинета, я села за компьютер и обнаружила второй сюрприз за сегодняшний день: ещё одно электронное послание от Сета, отправленное в пять часов утра.

«Джорджина!

Несколько лет назад во время работы над „Богамы золота“ я познакомился на курсах по южноафриканской археологии с одной женщиной. Возможно, у женщин это проходит иначе, чем у нас, мужчин, но, когда я знакомлюсь с привлекательной женщиной, время для меня останавливается. Планеты выстраиваются в очередь, и я перестаю дышать. Ангелы сами спускаются, садятся ко мне на плечо и шепчут о любви и преданности, в то время как другие не столь небесные создания сулят более земные и плотские наслаждения. Догадываюсь, что это неотъемлемая черта человечества.

Но вернемся к этой женщине. Мы понравились друг другу и очень долго встречались. Иногда мы не могли расстаться ни на минуту, а потом не виделись месяцами. Должен признаться, второе происходило чаще по моей вине, чем по ее. Я уже говорил что Кейди и О'Нил — публика очень требовательная. Когда я писал, то не мог думать ни о чем, кроме своего романа. И делать тоже. Я знал, что это причиняло ей боль, знал, что она была из тех людей, которым хочется создать семью и вести тихую и спокойную жизнь. Я таким человеком не являлся и не уверен, что стал им сейчас, но мне нравилось думать, что рядом всегда есть тот, на кого можно положиться и к кому я всегда смогу обратиться за помощью. По отношению к ней это было нечестно, нельзя все время держать человека в подвешенном состоянии. Мне нужно было покончить с этим раньше, но я оказался эгоистом и к тому же слишком любил комфорт.

Однажды я позвонил ей после нескольких месяцев молчания и с изумлением

услышал на том конце провода мужской голос. Потом она взяла трубку и сказала, что встретила другого человека, так что больше мы видеться не сможем. Сказать, что я испытал шок, было бы преуменьшением. Я начал лепетать, что она мне очень дорога и не должна отказываться от связывавшего нас чувства. Она вела себя безупречно, понимая мое психическое состояние, но, в конце концов, поставила точки над *i* объяснив, что не могла ждать вечно. У нее есть своя жизнь.

Причин, которые заставили меня поведать вам случай из жизни Сета Мортенсена, две. Во-первых, я должен извиниться перед вами за вчерашнее. Несмотря на свое брюзжание, я все же собирался встретиться с вами. За пару часов до начала матча я приехал домой переодеться, и вдруг меня посетило вдохновение, которое не приходило ко мне весь день. Я начал писать, надеясь закончить через час. Но, как вы, наверное, догадываетесь, это заняло намного больше времени. Я совершенно забыл про игру... и про вас. Не слышал, как звонил мой мобильник. Не думал ни о чем, кроме того, как поскорее запечатлеть эту историю на бумаге (точнее, на экране).

Боюсь, именно в этом и состоит моя проблема. Так случилось с моей бывшей возлюбленной, так случается с моими родными и, к несчастью, произошло с вами. Только не напоминайте моему брату, как я чуть не пропустил его свадьбу. Миры и люди, обитающие в моей голове, настолько реальны, что я порой не могу отличить реальность от вымысла. Я вовсе не убежден в том, что мир Кейди и О'Ниле является моей выдумкой. Я ненавижу обижать людей. После этого я ужасно переживаю, но ничего не могу с собой поделать.

Конечно, это не оправдывает мое вчерашнее поведение, но я надеялся, что вы поймете, как тяжело жить в двух мирах одновременно. Я очень виноват перед вами.

Вторая причина заключается в ваших словах „Кейди получила свое“. Думая о ее отношениях с О'Нилом, я решил, что она не из тех женщин, которые будут ждать вечно. Поймите меня правильно: я не считаю, что у Кейди и моей бывшей гёрлфренд много общего. Кейди не стремится к мирной супружеской жизни с О'Нилом. Она умная и страстная женщина, которая любит жизнь и хочет жить. Многих читателей огорчит, что она изменила О'Нилу и перестала играть роль его комнатной собачки, но думаю, что это было необходимо. Давайте посмотрим в лицо фактам: О'Нил без зазрения совести пользуется ее чувством и должен получить урок. Возможно, именно этого не хватало главным героям, чтобы пожениться? Читатели часто задают мне этот вопрос. Естественно, у меня, как их создателя, на устах печать, но могу сказать только одно: я задумал еще несколько книг с их участием, а после свадьбы главных героев читатели теряют к ним интерес.

Сет.

P.S. Кстати, я купил квартиру. Мисти была так возбуждена, что отвезла меня туда, после чего мы занимались любовью на гранитном парапете крыши.

P.P.S. Ладно, последняя фраза моя выдумка. Я уже говорил, что я мужчина.

Я терла слипавшиеся глаза и лениво обдумывала содержание письма. Значит, у Сета была постоянная подружка. Вот тебе и раз. Впрочем, это не удивительно. Сексуальные сцены он явно писал с натуры, одной фантазии для этого недостаточно. И все же было трудно представить себе интроверта Сета принимающим участие в общественных мероприятиях, которых невозможно избежать при долголетней связи.

А объяснение того, почему он так и не пришел... Как к нему относиться? Он прав: взрыв вдохновения — не оправдание. Впрочем, теперь случившееся казалось не таким обидным: это была не сознательная грубость, а простая забывчивость. Нет, забывчивость — это тоже обидно. Рассеянность — вот подходящее слово. «Это не такая уж страшная вещь», — думала я, потому что только игнорирование реального мира позволяет ему создавать мир вымышленным. Просто я этого не знала.

Я думала над этим все утро. С каждой минутой мой вчерашний гнев уменьшался, а уважение к труду писателя возрастало. Когда наступило время ленча, мне стало ясно, что о вчерашнем недоразумении можно забыть. Он не хотел меня обидеть, а вечер получился неплохой.

Во второй половине дня ко мне забрел Уоррен.

— Нет, — тут же сказала я, увидев его взгляд. Я терпеть не могла его торопливость, но в ней было что-то зловеще притягательное. — У меня отвратительное настроение.

— Я тебе его улучшу.

— Говорят тебе, я бросаюсь на людей.

— Вот и прекрасно. Мне это нравится. — Во мне начал просыпаться инстинкт суккуба, требовавший пищи. Я разозлилась на собственную слабость. — Кроме того, я занята. У меня есть дела... Я должна... кое-что сделать. — Мои слова звучали неубедительно, и Уоррен это почувствовал.

Он подошел, опустил на колени у кресла и погладил мое бедро. На мне были слаксы из тонкого шелка, и ощущение пальцев, поглаживавших меня через ткань, было более возбуждающим, чем прикосновение к обнаженной коже.

— Как прошло твое вчерашнее свидание? — пробормотал он, затем поцеловал меня сначала в ухо, а потом в шею.

Несмотря на все свои благие намерения, я послушно нагнула голову. Ощущение было приятным, а когда Уоррен начал меня слегка покусывать, стало еще приятнее. Конечно, назвать его моим бойфрендом было нельзя, но наша связь носила более-менее постоянный характер.

— Нормально.

— Ты была с ним?

— Увы, нет. Я спала одна.

— Хорошо.

— Но сегодня вечером он придет снова. На урок танцев.

— В самом деле? — Уоррен расстегнул две верхние пуговицы на моей блузке, под которой был светло-розовый кружевной лифчик. Кончики его пальцев прошли сначала по одной моей груди, потом по другой. Затем он начал ласкать через кружева сосок. Я закрыла глаза, удивленная силой собственного желания. Я помогла Хью подписать договор с Мартином слишком недавно, чтобы нуждаться в новом совокуплении. Но ко всегда жившему

во мне голоду теперь примешивалось желание. Чистый инстинкт... — Мы представим его Марле.

Марлой звали жену Уоррена. Мысль уступить Романа этой старухе насмешила меня.

— Ты ревнуешь, — поддразнила я.

Потом притянула Уоррена к себе, и он опрокинул меня на стол. Я стала расстегивать его брюки.

— Да, — проворчал он, потом наклонился, снял с меня лифчик, потянулся губами к соску и вдруг замешкался. — Ты уверена, что не была с ним?

— Если бы что-то такое случилось, я бы запомнила.

Тут раздался стук в дверь. Уоррен быстро отпрянул в сторону и натянул брюки.

— Дерьмо!

Я рывком села и сползла в кресло. Пока Уоррен смотрел на дверь, я провела быструю трансформацию, приведя себя в порядок и застегнув блузку. Когда я удостоверилась, что мы оба прилично выглядим, то сказала:

— Войдите.

На пороге появился Сет. У меня отвисла челюсть.

— Привет, — пробормотал он, глядя то на меня, то на Уоррена. — Прошу прощения, что помешал.

— Нет-нет, ничуть, — заверил его Уоррен и нажал на кнопку селекторной связи, вызвав отдел по связям с общественностью. — У нас тут небольшое совещание.

— При чем не очень важное, — добавила я.

Уоррен смерил меня уничтожающим взглядом.

— Ох, — сказал Сет с таким видом, словно ему не терпелось удрать. — Я просто хотел спросить, успели ли вы пообедать... Я послал вам электронное сообщение.

— Да, я его прочитала. Спасибо.

Я молча улыбнулась Сету, надеясь таким образом дать понять, что простила его. Несчастное выражение его лица говорило, что его совесть пострадала из-за вчерашнего инцидента сильнее, чем мое самолюбие.

— Отличная мысль! — воскликнул Уоррен. — Давайте пообедаем втроем, идет? Мы с Джорджиной можем встретиться позже.

— Я не могу. — Пришлось напомнить, что у нас не хватает сотрудников, а потому заменить меня некому.

Когда я закончила, Уоррен нахмурился.

— Почему мы еще никого не наняли?

— Я как раз над этим работаю.

Уоррен ушел, забрав с собой очень недовольного Сета и оставив меня в одиночестве. Я почувствовала себя брошенной. Мне хотелось услышать продолжение рассказа о том, как творчество влияет на жизнь Сета. Я бы даже не возражала против того, чтобы меня опрокинули на стол. Ни того, ни другого. Нет в жизни счастья.

И все же кое-какую награду я получила. Около четырех пришла Тамми — та самая рыжая девушка из «Хрустального пинцета» — и помогла мне решить проблему кадров. Как я и предполагала, она привела с собой подругу. После краткого собеседования я убедилась в компетентности обеих и тут же оформила их, довольная тем, что одну задачу можно из списка исключить.

Когда магазин закрылся, недосып стал сказываться на мне еще сильнее. Никакого

желания проводить урок танцев у меня не было.

Вспомнив, что нужно переодеться, я закрыла дверь кабинета и трансформировалась второй раз за день. Это оказалось легче легкого. Для танцев я выбрала платье без рукавов с облегающим лифом и широкой юбкой, подходящей для поворотов. Я выбрала теплые тона — смесь разных оттенков персикового с оранжевым, чтобы улучшить настроение. Лишь бы никто не заметил, что утром при мне смены одежды не было.

Когда из укрепленных на стенах колонок донесся голос одной из кассирш, объявивший о закрытии магазина, кто-то снова постучал в дверь. Я надеялась, что это опять Сет, но на пороге показался Коди.

— Привет, — заставив себя улыбнуться, сказала я. — Ну что, готов?

Около года назад я научила Коди танцевать свинг ^[35], и у него неплохо получалось. Скорее всего, благодаря рефлексам вампира. В результате действительность превзошла его ожидания: Коди стал моим помощником во время импровизированных уроков танцев для персонала. Парень твердил, что от него мало толку, но во время двух уже прошедших занятий его поддержка оказалась бесценной.

— К чему, к танцам? Нет проблем.

Я осмотрелась по сторонам и убедилась, что мы одни.

— Ничего странного больше не было?

Коди покачал головой, его светлые волосы напоминали львиную гриву.

— Нет. Все спокойно. Наверное, мне просто показалось.

— Осторожность лишней не бывает, — проворчала я, чувствуя себя монахиней из поговорки. — Что будешь делать после?

— Поеду в центр и встречусь с Питером в баре. Хочешь с нами?

— Хочу. — Втроем безопаснее.

Дверь снова открылась, и в щель просунул голову Сет.

— Эй... Прошу прощения, — пробормотал он, увидев Коди. — Я опять помешал...

— Нет-нет, — ответила я и жестом пригласила его войти. — Мы просто разговариваем. — Я смерила его любопытным взглядом. — Почему вы еще здесь? Решили остаться на танцы?

— Ну... да, Уоррен пригласил меня. Конечно, если вы не станете возражать, но вряд ли я буду танцевать.

— Не будете танцевать? А что же вы собираетесь делать? Наблюдать? — Я покачала головой. — Любите подсматривать?

Сет смерил меня серьезным взглядом и снова стал похож на человека, способного писать смешные вещи об агентах по торговле недвижимостью и старых подружках. На человека, которого мне захотелось подбодрить при помощи невинного флирта.

— Я не столь безнадежен. Во всяком случае, пока. Но если я не стану танцевать, так будет безопаснее для окружающих.

— То же самое говорил и я, пока она не заставила меня попробовать, — заметил Коди и похлопал меня по плечу. — Посмотрим, что вы скажете, когда побываете в умелых руках Джорджины. После этого вы уже никогда не будете прежним.

Не успел каждый из нас переварить этот двусмысленный намек, как за спиной Сета вырос Даг.

— Ну что, мы когда-нибудь начнем? Кинкейд, ради этого урока мне пришлось вернуться на работу. Докажи, что я сделал это не напрасно. Привет, Коди.

— Привет, Даг.

— Привет, Сет.

— Привет, Даг.

Я застонала.

— Ладно, пошли.

Мы поднялись в кафе, где столики сдвинули в сторону, чтобы освободить место для танцев. По дороге я представила друг другу Сета и Коди. Они обменялись рукопожатием. Поняв, кто это, Коди бросил на меня красноречивый взгляд.

— Вы уверены, что не хотите танцевать? — спросила я Сета, удивленная его упорством.

— Нет. Просто считаю, что этого делать не следует.

— Ага. После целого дня работы на износ я тоже считаю, что этого делать не следует, но Христос терпел и нам велел. Сделайте веселое лицо и перебирайте ногами, вот и все.

Сет почесал в затылке и задумчиво улыбнулся. Но его улыбка тут же погасла.

— Вы сказали, что прочитали мое электронное послание... Оно... Вы...

— Все в порядке. Забудьте об этом. — Возможно, странная привычка Сета вести себя на людях и вызывала у меня досаду, но видеть, как он переживает из-за вчерашнего, было выше моих сил. — Честное слово. — Я похлопала его по руке, улыбнулась как Елена Троянская, а потом посмотрела наверх.

В кафе собралось большинство сотрудников, работавших в вечернюю смену: к ним примкнули некоторые, по примеру Дага, вернувшиеся в магазин специально. Кроме того, там были Уоррен с женой и Роман.

Увидев меня, Роман одобрительно улыбнулся, и я ощутила прилив желания, не имевший никакого отношения к тому, что суккубу нужно питаться. На нем были черные слаксы и рубашка, блестящая так же, как его глаза.

— Групповое свидание, да?

— Это ради моей безопасности. Мне нравится иметь под рукой несколько десятков дуэний.

— В этом платье вам их понадобится еще на несколько десятков больше, — предупредил он, хищно разглядывая меня с головы до ног.

Я вспыхнула и отошла от него на пару шагов.

— Вам придется ждать своей очереди. Так же, как всем остальным.

Отвернувшись от него, я случайно увидела выражение глаз Сета. Он явно слышал наш обмен репликами. Покраснев еще сильнее, я повела обоих в центр зала. Коди устремился за нами.

Сделав веселое лицо, я заставила себя забыть про трудный день и улыбнулась своим коллегам, подбадривавшим меня криками и улюлюканьем.

— Ладно, ребята, давайте начнем. Кажется, Даг торопится и хочет закончить урок как можно раньше. Мне кажется, что так он поступает всегда. Особенно в любви. — Части публики это понравилось, части нет, а сам Даг сделал непристойный жест.

Я заново представила Коди, который любил внимание гораздо меньше, чем я, и начала выстраивать группу. Как обычно, женщины превосходили числом мужчин, а навыки у всех имелись самые разные. Я разделила толпу на пары, решив, что самые умелые женщины смогут танцевать за кавалеров. Но некоторые с трудом попадали в музыку.

Урок начался с повторения пройденного. Я включила музыку и заставила всех исполнить основные па. Мы с Коди наблюдали за учениками, кое-что поправляли и давали

советы. Как ни странно, работа с таким количеством людей снимала усталость, накопившуюся за день. Я любила танцевать свинг еще в начале двадцатого века и очень обрадовалась, когда в последнее время интерес к нему возник снова. Я догадывалась, что эта мода продлится недолго, и хотела передать свои знания другим, пока не стало слишком поздно.

Не зная талантов Романа, я поставила его в пару с хорошо танцевавшей Пейдж, последила за ними минуточку-другую и одобрительно кивнула.

— Вы притворщик, — отчитала я Романа. — Делали вид, что волнуетесь, а сами настоящий профессионал.

— Мне уже приходилось этим заниматься, — скромно признался он и сделал поворот, которому я их еще не учила.

— Стоп. Я разлучу вас. Ваш опыт пригодится другим.

— Не надо! — взмолилась Пейдж. — Дай потанцевать в свое удовольствие. В кои-то веки попался партнер, знающий, что делает.

Роман подмигнул мне.

— Это сказала она, а не я.

Я подняла глаза к небесам и нашла каждому нового партнера.

Понаблюдав за своими учениками еще немного, я осталась довольна их успехами и решила, что пора освоить кое-что новое. Ничего удивительно, что вскоре начался хаос. Самые одаренные освоили па тут же, бездарные ничего не поняли, а тот, кто лишь недавно овладел основными шагами и поворотами, был сбит с толку.

Мы с Коди ходили между парами и руководили.

— Бет, напряги запястье, но не слишком. И не поскользнись.

— Считай, черт побери, считай! Ритм тот же, что и прежде.

— Стой лицом к партнерше... не теряй ее.

Роль учителя мне нравилась, Здесь никому не было дела до охотников на вампиров и вечной борьбы добра и зла.

Я увидела, что Сет сидит с краю, как и обещал.

— Что, все подсматриваете? Не надоело? — поддразнила я, запыхавшись от бега по импровизированной танцплощадке.

Он задумчиво покачал головой и слегка улыбнулся.

— Отсюда есть на что посмотреть.

Сет встал со стула и наклонился вперед. Я вздрогнула, когда его рука поправила бретельку моего платья, спустившуюся с плеча.

— Вот, — заявил он. — Теперь в самый раз.

От прикосновения Сета по моей коже побежали мурашки, хотя его пальцы были теплыми и ловкими. На мгновение его лицо приняло выражение, которого я еще не видела. Теперь он выглядел не рассеянным писателем, которого я более-менее знала, а... мужчиной. Восхищающимся. Оценивающим. Может быть, даже хищным. Это выражение быстро исчезло, но я все еще находилась под впечатлением.

— Присматривайте за этой бретелькой, — спокойно предупредил Сет. — Вам нужно заставить его поработать. — Он кивнул на танцующих.

Я проследила за его взглядом и увидела Романа, показывавшего своей партнерше сложное па. Мгновение я следила за его изящными движениями, а потом повернулась к Сету.

— Это не так трудно. Я могу вас научить. — Я протянула ему руку.

Он заколебался, но в последний момент покачал головой.

— Не хочу выглядеть посмешищем.

— По-вашему, мужчина, который сидит один, в то время как все остальные танцуют, а кавалеров не хватает, выглядит не посмешищем?

Он негромко рассмеялся.

— Может быть.

Когда других объяснений не последовало, я пожала плечами и вернулась на площадку, продолжая давать указания. Мы с Коди добавили пару новых па, удостоверились, что все их освоили, и наконец, остановились, похвалив наших учеников.

— Думаешь, нам удастся подготовить их к вечеру в «Танцующей луне»? — спросил Коди.

Так назывался танцевальный клуб, который раз в месяц устраивал вечер свинга. Мы надеялись, что выступление наших питомцев произведет там фурор.

— Еще один урок, а потом можно будет показать их публике.

Тут чья-то рука обвила мою талию и увлекла на танцплощадку. Я быстро восстановила равновесие и подхватила движение Романа, который исполнил сложный поворот. Люди, стоявшие рядом, остановились и стали наблюдать за нами.

— Теперь моя очередь стать любимчиком учительницы, — заявил он. — Я не видел вас весь вечер. Не думаю, что это можно считать свиданием.

Я позволяла Роману кружить меня и удивлялась его мастерству.

— Вы всегда меняете свои желания, — пожаловалась я. — Сначала вам хотелось куда-нибудь сходить, а теперь вы говорите, что хотели бы остаться со мной наедине. Вам нужно выбрать что-то одно и не сворачивать с курса. Быть последовательнее.

— Понимаю. До сих пор мне никто этого не говорил. — Он повел меня спиной вперед и я выполнила это па безукоризненно, заслужив его ворчливую похвалу. — Вряд ли где-нибудь можно купить учебник Джорджины Кинкейд, который помог бы мне в дальнейшем избавиться от грубых ошибок.

— Почему? Он продается у нас внизу.

— Серьезно? — Роман начал импровизировать. Я получала удовольствие, отгадывая, куда он меня поведет. — А там нет страницы о том, как добиться любви прекрасной Джорджины?

— Страницы? Черт побери, этому посвящена целая глава.

— Думаю, это достойное чтение.

— Определенно. Кстати, спасибо за раскраску.

— Когда я попаду в вашу квартиру еще раз, надеюсь увидеть эту картину у вас на стене.

— С ужасной головой индейца? В следующий раз вы увидите ее в списке Американского союза борьбы за гражданские свободы.

Роман закружил меня в последний раз, к удовольствию публики. Все давно прекратили танцевать и следили за тем, как я выставляю себя на всеобщее обозрение. Я почувствовала угрызания совести, но тут же прогнала их, взяла Романа за руку и поклонилась под аплодисменты коллег.

— Теперь готовьтесь, — заявила я, — потому что через неделю будет экзамен.

Смех и одобрительные возгласы продолжались, пока группа не стала рассасываться. Но Роман не торопился отпускать мою руку. Я ничего не имела против. Мы обходили

помещение, прощаясь с уходившими.

— Не хотите выпить? — спросил Роман, когда мы на мгновение остались одни.

Я повернулась и начала изучать его точеные черты. В душной комнате ощущался запах его пота и одеколona. Мне хотелось уткнуться лицом ему в грудь.

— Я хочу... — медленно начала я, понимая, что алкоголь и животное желание станут убийственным оружием в руках мужчины, спать с которым я не имела права.

Я оглянулась и увидела взгляд Коди. Он о чем-то серьезно говорил с Сетом. Это показалось мне странным. Внезапно я вспомнила про обещание пойти с вампирами в бар.

— Черт побери, — пробормотала я. — Не могу. — Все еще держа Романа за руку, я подвела его к Коди и Сету.

Разговор тут же прекратился.

— Мне пора увольняться, — пошутил Коди. — Я видел, как ты танцевала то, чему никогда не учила меня.

— Предполагалось, что ты освоишь это на дому. — Я склонила голову набок. — Коди, ты уже знаком с Романом? А вы, Сет? — Я быстро представила их по кругу, и все вежливо пожали друг другу руки.

Как только с этим было покончено, Роман обнял меня за талию.

— Я пытаюсь уговорить Джорджину выпить со мной. А она кокетничает.

Коди улыбнулся.

— Не думаю.

Я с сожалением посмотрела на Романа.

— Я пообещала Коди, что сегодня вечером встречу с ним и еще одним нашим общим другом.

Молодой вампир мазнул рукой.

— Забудь об этом. Ступай и повеселись.

— Да, но... — Я умолкла и бросила на Коди многозначительный взгляд в стиле Джерома и Картера. Мне не хотелось отпускать Коди одного, боясь, что он станет жертвой охотника на вампиров, но сказать это при всех было невозможно. — Возьми такси, — наконец сказала я. — Не ходи пешком.

— О'кей, — машинально ответил он.

Слишком машинально.

— Я не шучу, — предупредила я.

— Да-да, — пробормотал Коди. — Может быть, ты его и вызовешь?

Я возвела глаза к нему, а затем вспомнила о присутствии Сета и ощутила неловкость. Мы все строим планы, а он... Что делать? Пригласить его с нами или отправить с Коди?

Словно прочитав мои мысли, Сет громко заявил:

— Ладно, ребята, еще увидимся. — Затем повернулся и пошел, не дав нам раскрыть и рта.

— Он что, чокнутый? — через несколько секунд спросил Коди.

— Нет. Просто он такой человек, — объяснила я, думая, что до сих пор представляла себе Мортенсена совершенно неправильно.

— Странный тип... — Роман повернулся ко мне. — Ну что, вы готовы?

Я быстро забыла о Сете. Мы с Романом пошли в ресторанчик напротив «Изумрудного города» и сели в отдельной кабине. Я заказала свою обычную стопку водки, а он — бренди.

Когда напитки принесли, он спросил:

— Там был человек, к которому я мог бы вас ревновать?

Я фыркнула.

— Для ревности вы еще недостаточно хорошо меня знаете. У вас нет на меня никаких прав. Так что не торопитесь выхватывать пистолет.

— Пожалуй, — согласился Роман. — И все же знаменитые писатели и молодые симпатичные партнеры по танцам — завидная компания.

— Коди не так уж молод.

— Достаточно молод. Он ваш близкий друг?

— Да, довольно близкий. Но, если хотите знать, романтических отношений между нами нет. — Воспользовавшись тем, что мы сидели близко, я шутливо ткнула Романа кулаком в ребра. — Оставьте моих знакомых в покое. Давайте поговорим о чем-нибудь другом. Расскажите мне о лингвистике.

Я сказала это не всерьез, но Роман объяснил, что его специальность — классическая филология. Он хорошо знал этот предмет и рассказывал о нем так же умно, весело и иронично, как флиртовал. Я с жадностью слушала его объяснения, наслаждаясь возможностью поговорить о теме, которая была мало кому близка. К несчастью, мне самой приходилось помалкивать, иначе моя осведомленность в этом предмете могла бы вызвать подозрения. Разве сотрудница книжного магазина могла на равных разговаривать со специалистом в данном вопросе?

Во время этой лекции мы с Романом продолжали касаться друг друга руками, предплечьями и даже ногами. Он не пытался поцеловать меня, за что я была ему благодарна, вступать на опасную территорию не следовало. Для меня это стало идеальным свиданием: интеллектуальная беседа и легкий физический контакт, с которым суккуб мог без труда справиться. Мы разговаривали так непринужденно, словно вместе читали интересную рукопись.

Наши напитки закончились в мгновение ока. Не успела я опомниться, как мы очутились на улице и стали договариваться о следующем свидании. Я пыталась отнекиваться, но протесты звучали слабо. Он продолжал настаивать на свидании без всяких дуэний. Я стояла рядом с Романом, наслаждаясь его близостью, и сама удивлялась тому, насколько мне хотелось снова увидеться с ним. Беда заключалась в том, что все мои встречи с хорошими парнями неизменно заканчивались одинаково: я оставалась одна. Глядя на Романа, я понимала, что хочу избавиться от одиночества, хотя бы ненадолго.

Поэтому я согласилась снова встретиться с ним, не обращая внимания на внутренний голос, уговаривавший этого не делать. Лицо Романа засияло, и я подумала, что поцелуя в губы мне избежать не удастся. От этой мысли мое сердце заколотилось.

Но, похоже, моя прежняя дурацкая болтовня о нежелании заводить прочную связь сделала свое дело.

Он просто взял меня за руку и провел губами по щеке, вряд ли это можно считать поцелуем. Через минуту Роман исчез в темноте, а я пошла к дому, до которого было полквартиры.

Добравшись до двери, я обнаружила прикрепленный к ней листок с моим именем, написанным красивым каллиграфическим почерком с нажимом. От ужасного предчувствия по спине побежали мурашки. Вот что там было:

Джорджина, вы красивая женщина. Настолько красивая, что могли бы

заставить пасть даже ангела, в последнее время такое случается редко. Но эта красота дается вам без усилий, ведь вы способны сделать себя какой угодно. К несчастью, вашему большому другу подобная роскошь недоступна. А жаль, потому что после случившегося сегодня это ему очень пригодилось бы. К счастью, он занят именно тем бизнесом, который позволяет исправить ущерб, нанесенный его внешности.

Я уставилась на записку как на ядовитое насекомое. Конечно, подписи не было. Я сорвала листок с двери, вбежала в квартиру, схватила телефон и без промедления набрала номер Хью. Речь в записке могла идти только о нем: Хью был моим единственным «большим» другом, занимавшимся «именно тем» бизнесом.

Телефон звонил до тех пор, пока не включился автоответчик. Расстроенная, я набрала номер его мобильного.

После трех гудков ответил незнакомый женский голос.

— Можно Хью Митчелла?

Последовала долгая пауза.

— Он... сейчас не может говорить. Кто его спрашивает?

— Джорджина Кинкейд. Я его подруга.

— Джорджина, я слышала, как он называл ваше имя. Меня зовут Саманта.

Это имя ничего для меня не значило, а времени ходить вокруг да около не осталось.

— Пожалуйста, я могу с ним поговорить?

— Нет... — Голос у нее был убитый. — Джорджина, сегодня днем кое-что случилось...

Глава одиннадцатая

Больницы отвратительные места, холодные и стерильные. Настоящее напоминание о бренности смертной жизни. При мысли о том, что Хью попал в больницу, меня тошнило, но я крепилась, спеша по коридору к палате, номер которой назвала Саманта.

Перевязанный и разукрашенный синяками, Хью спокойно лежал на кровати. Его длинное тело было облачено в халат. Рядом с кроватью сидела блондинка и держала его за руку. Когда я ворвалась в палату, она с удивлением подняла глаза.

— Джорджина, — слабо улыбнувшись, пробормотал Хью. — Спасибо, что заскочила.

Сбитая с толку блондинка — видимо, та самая Саманта — начала изучать меня. На вид этой стройной девушке с глазами лани было лет двадцать. Судя по ее силиконовому бюсту, я поняла, что она и есть та самая секретарша с работы Хью.

— Все в порядке, — заверил ее Хью. — Это моя подруга Джорджина. Джорджина, это Саманта.

— Привет. — Я протянула ей руку, и девушка приняла ее.

Ее рука оказалась холодной, и я догадалась, что бедняжка нервничала не из-за встречи со мной, а из-за случившегося с Хью. Это было трогательно.

— Милая, ты не оставишь нас Джорджиной на минутку? Может быть, выпьешь что-нибудь в кафетерии? — Его голос прозвучал мягко и участливо.

Когда мы встречались по вечерам в пивных, Хью говорил совсем по-другому.

Саманта с тревогой посмотрела на него.

— Я не хочу оставлять тебя одного.

— Я не буду один. Нам с Джорджиной нужно поговорить. Кроме того, у нее... э-э... черный пояс по карате, так что со мной ничего не случится.

Пока девушка думала, я за ее спиной скорчила Хью гримасу.

— Надеюсь, все будет в порядке. Если я понадобится, позвонишь мне по мобильнику, ладно? Я тут же вернусь.

— Конечно, — пообещал Хью, целуя ее руку.

— Я буду скучать по тебе.

— А я по тебе еще больше.

Она поднялась, еще раз бросила на меня нерешительный взгляд и вышла.

Я посмотрела вслед Саманте, а потом заняла ее место рядом с Хью.

— Чересчур сладко. Аж зубы заболели.

— Не издевайся. Она не виновата в том, что ты не можешь завязать прочные отношения со смертными.

Его слова прозвучали довольно невинно, но причинили мне сильную боль, поскольку все мои мысли были поглощены Романом.

— Кроме того, — продолжил он, — она немного расстроена из-за случившегося днем!

— Могу себе представить. О боже, — видел бы ты себя.

Я внимательно осмотрела его раны. Под бинтами угадывались швы, здесь и там виднелись синяки и кровоподтеки.

— Могло быть хуже.

— Серьезно? — Я подняла бровь.

Видеть в таком состоянии бессмертных мне еще не приходилось.

— Конечно. Во-первых, меня могли убить, но не убили. Во-вторых, не только ты умеешь лечить себя. Видела бы ты, в каком состоянии меня сюда привезли. Теперь придется что-то придумать, чтобы врачи не удивились скорости моего выздоровления.

— Джером знает об этом?

— Конечно. Я позвонил ему, но он уже сам все почувствовал. Думаю, явится с минуты на минуту. Он тебе не звонил?

— Нет, — призналась я, предпочитая пока умолчать о записке. — Что случилось? Когда на тебя напали?

— Я мало что помню. — Хью попытался пожать плечами, хотя в лежащем положении сделать это было довольно трудно. Я догадалась, что он уже не раз рассказывал это другим. — Я вышел выпить кофе. На автостоянке больше никого не было. Когда я вернулся к машине, этот... кто-то откуда-то выпрыгнул и бросился на меня. Без предупреждения.

— Кто-то?

Хью нахмурился.

— Я не успел его рассмотреть. Скажу только одно: малый оказался здоровый. И сильный. По-настоящему сильный. Намного сильнее, чем можно представить.

Хью и сам был не из слабаков. Конечно, ничего особенного он со своим телом не делал, но хрупкостью явно не отличался.

— Почему он остановился? — спросила я. — Кто-нибудь вас увидел?

— Нет. Не знаю, почему он не закончил свое дело. На все про все ушло не больше минуты. А потом он был таков. Меня нашли и оказали помощь только через четверть часа.

— Ты говоришь он. Это был мужчина?

Он сделал еще одну попытку пожать плечами.

— Не знаю. Просто у меня сложилось такое впечатление. С таким же успехом это могла быть знойная блондинка.

— Да? Может быть, допросить Саманту?

— Если верить Джерому, мы вообще никого не должны допрашивать. Ты разговаривала с Эриком?

— Да... Он обещал что-нибудь разузнать. Кроме того, Эрик подтвердил, что охотники на вампиров не могут убить ни тебя, ни меня. Во всяком случае, он никогда о таком не слышал.

Хью задумался.

— Этот тип не убил меня.

— Думаешь, он пытался?

— Во всяком случае, малый явно хотел что-то сделать. Похоже, если бы он мог, то убил бы меня.

— Он не мог, — послышалось у меня за спиной. — Я же говорил, что охотники на вампиров могут тебя оглушить, но не убить.

Услышав голос Джерома, я вздрогнула и обернулась. И вздрогнула еще раз, увидев рядом с ним Картера.

— Предоставим Джерому играть роль адвоката дьявола, — сострил ангел.

— Джорджина, что ты здесь делаешь? — ледяным тоном спросил демон.

У меня отвисла челюсть. Когда ко мне вернулся дар речи, я спросила:

— Как... как вы это сделали?

Картер был одет так же жалко, как всегда. Если Даг и Брюс выглядели, словно играли в

группе стиля «грандж»^[36], то ангел — словно его из этой группы турнули. Он лукаво улыбнулся мне.

— Что именно? Искусно намекнул на статус Джерома? Честно говоря, таких реплик у меня пруд пруди.

— Нет. Я не о том. Я не чувствую вас... не ощущаю... — Я видела Картера, но не чувствовала мощных вибраций... ауры... в общем, того, что обычно излучают бессмертные. Внезапно повернувшись к Джерому, я поняла, что не ощущаю и его излучения тоже. — И вы... Я не чувствую никого из вас. И тогда вечером тоже.

Ангел и демон обменялись взглядами.

— Мы можем маскировать свою ауру, — наконец, ответил Картер.

— Это что, выключатель, на который вы нажимаете?

— На самом деле все немного сложнее.

— Во всяком случае, для меня это новость. А мы с Хью тоже можем делать такое?

— Нет, — одновременно ответили Джером и Картер. Потом Джером уточнил: — На это способны только бессмертные высшего ранга.

Хью сделал слабую попытку сесть.

— Почему... вы это делаете?

— Джорджи, ты так и не ответила на мой вопрос, — явно избегая ответа, напомнил Джером и посмотрел на беса. — Я же велел тебе не вступать в контакт с остальными.

— Я и не вступал. Она сама пришла.

Джером обратил взор на меня. Я выудила из сумки таинственную записку и протянула ему. Демон прочитал ее без всякого выражения и передал Картеру. Когда ангел закончил чтение, они снова загадочно переглянулись, и Джером сунул записку во внутренний карман пиджака.

— Эй, это мое!

— Больше нет.

— Тогда не лгите мне, что это всего-навсего охотник на вампиров! — огрызнулась я.

Темные глаза Джерома уставились на меня.

— С какой стати мне лгать? Этот тип по ошибке принял Хью за вампира, но, как ты сама заметила, Хью убить нельзя.

— Я думаю, этот малый знал, что Хью — не вампир.

— Да? Почему ты так решила?

— Записка. Тот, кто написал ее, знает, что я умею трансформироваться. Знает, что я суккуб. Если так, то он может знать, что Хью — бес.

— Он знал, что ты суккуб, и поэтому не напал на тебя. Он знал, что не может тебя убить. Однако насчет Хью он не был уверен и поэтому решил воспользоваться возможностью.

— Точнее, ножом. — Я снова вспомнила выражение, что демон лжет каждый раз, когда шевелит губами. — Я слышала байку о том, как какой-то охотник-любитель гоняется за людьми с колом, потому что другого не умеет. А теперь выясняется, что он знал обо мне и бросился на Хью с ножом.

Картер подавил зевок и стал защищать версию Джерома.

— Может быть, он быстро учится. Расширяет выбор оружия. Ведь нельзя оставаться любителем всю жизнь. Даже современные охотники на вампиров, в конце концов, умнеют.

Я ухватилась за подробность, о которой до сих пор никто не вспомнил.

— Ребенку известно, что вампиры не выносят солнечного света. Хью, в какое время суток на тебя напали?

Лицо беса приобрело странное выражение.

— В конце второй половины дня. Перед заходом солнца.

Я бросила на Джерома торжествующий взгляд.

— Этот тип знал, что Хью — не вампир!

Джером прислонился к стене и стал отряхивать слаксы, на которых не было ни пылинки. Сегодня он походил на Джона Кьюсака, как никогда раньше.

— Ну и что? Всем смертным свойственна мания величия. Он убил вампира и решил избавить наш город от всех остальных представителей нечистой силы. Это ничего не меняет.

— Не думаю, что он смертный.

Джером и Картер обвели взглядами палату, а потом посмотрели на меня.

— Продолжай.

Я проглотила слюну, слегка польщенная таким вниманием.

— Вы сами говорили, что высшие бессмертные могут передвигаться незамеченными. Но этого малого никто из нас не чувствовал. Посмотрите на повреждения Хью. Эрик сказал что смертные не могут причинить существенного... — Я прикусила язык, поняв, что проболталась.

Картер негромко засмеялся.

— Черт побери, Джорджина! — Джером резко выпрямился. — Я же просил: предоставь это дело нам! С кем еще ты говорила?

Маскировка Джерома исчезла, и я внезапно услышала потрескивание окружавшей его силы. Это напомнило мне эпизод из одного научно-фантастического фильма, когда открылась дверь в космос и всосала в себя остатки корабля. Казалось, все бывшее в палате устремилось навстречу окутывавшей его мощи. Для меня, бессмертной, он превратился в пылающий костер энергии.

Я съежилась за кроватью, борясь с желанием закрыть глаза. Хью положил ладонь на мою руку, успокаивая не то меня, не то самого себя.

— Никому. Клянусь, больше никому. Я только задала Эрику несколько вопросов...

Картер шагнул к взбешенному демону, его лицо было ангельски спокойным.

— Полегче. Тебя почувствовали все бессмертные в радиусе десяти миль отсюда.

Джером не сводил с меня глаз, и мне стало страшно, как никогда прежде, за долгие века. А потом все исчезло. Как будто он нажал на выключатель, о котором я сказала в шутку. Джером снова стоял передо мной как простой смертный. Он тяжело дышал и потирал точку на переносице.

— Джорджина, — наконец, произнес демон. — Можешь думать что угодно, но я не пытаюсь обмануть тебя. Пожалуйста, не перечь мне. У нас есть причины действовать именно так, а не иначе. В глубине души я забочусь о твоих интересах.

Упрямая натура заставляла меня спросить, есть ли у демонов душа, но я вспомнила кое-что поважнее.

— Почему у нас? Догадываюсь, что вы имеете в виду его. — Я показала на Картера. — Что заставляет и демона, и ангела тайком прокрадываться всюду, скрывая свое присутствие? Вы чего-то боитесь?

— Прокрадываться? — с шутливой свирепостью переспросил Картер.

— Пожалуйста, Джорджи, — с нажимом промолвил Джером, показывая, что егс

терпение на исходе, — уймись. Если ты действительно хочешь сделать что-нибудь полезное, то постарайся не попадать в опасные ситуации. Я уже говорил это. Я не могу обеспечить тебе надежную охрану, но если ты будешь продолжать мешать мне, отправлю кое-куда, пока все не закончится. Ты вмешиваешься в дела, в которых ничего не смыслишь, и это только увеличивает риск.

Я инстинктивно сжала руку Хью, боясь думать о том, куда именно меня могут отправить.

— Мы поняли друг друга? — сурово спросил демон.

Я кивнула.

— Вот и хорошо. Ты окажешь мне самую большую помощь, если будешь заботиться о собственной безопасности. Сейчас у меня и без того слишком много забот.

Я снова кивнула, не доверяя собственному голосу. Джером устроил это маленькое зрелище, чтобы напугать меня хотя бы на какое-то время, но в глубине души я знала, что возьмусь за дело, как только выйду отсюда. Однако это намерение следовало хранить при себе.

— Это все, Джорджина. — От меня явно хотели избавиться.

— Я провожу, — предложил Картер.

— Нет, спасибо. — Но ангел все равно увязался за мной.

— Как продвигаются твои отношения с Сетом Мортенсенем?

— Нормально.

— Только и всего?

— Да, только.

— Я слышал, он теперь живет здесь и проводит много времени в «Изумрудном городе».

Я покосилась на него.

— Как вы об этом узнали?

Он только усмехнулся.

— Какая разница? Рассказывай.

— Нечего рассказывать, — огрызнулась я, не понимая причины своего недовольства. — Мы несколько раз беседовали, я показала ему город. Но общего языка найти не сумели. Мы почти не общаемся.

— Почему? — поинтересовался Картер.

— Он страшный интроверт. В основном молчит. Только наблюдает. А я не хочу его поощрять.

— Так он станет еще молчаливее.

Я пожала плечами и вызвала лифт.

— Кажется, я знаю книгу, которая может тебе помочь. Когда найду, пришлю.

— Спасибо, не нужно.

— Не отказывайся. Ты сумеешь наладить отношения с Сетом. Об этой книге говорили в каком-то ток-шоу.

— Вы что, не слышали? Я не хочу его поощрять.

— Понял, — серьезно кивнул Картер. — Тебе не нравятся интроверты.

— Нет, не в этом дело. Я ничего не имею против интровертов.

— Тогда чем он тебе не нравится?

— Он мне нравится! Перестаньте, черт побери!

Ангел подмигнул мне и улыбнулся.

— Хорошо, если так. Судя по прошлому опыту, тебе по вкусу мужчины веселые и общительные.

— И что это должно значить? — Я тут же подумала о своем влечении к Роману.

Глаза Картера лукаво блеснули. К тому времени мы уже добрались до выхода из больницы.

— Не знаю, Лета. Скажи сама.

Я толкнула дверь, но, услышав его реплику, повернулась так стремительно, что собственные волосы хлестнули меня по лицу.

— Где вы слышали это имя?

— У меня есть собственные источники.

Внутри возникло гнетущее чувство, названия которому я не знала. Что-то среднее между гневом и отчаянием. Оно становилось все сильнее. Хотелось крикнуть на самодовольного Картера, бить его кулаками в грудь или трансформироваться во что-то ужасное. Я не понимала, откуда он узнал мое прошлое, но это разбудило дремавшее внутри меня чудовище. Нечто такое, что было надежно спрятано.

Взгляд Картера оставался спокойным. Сомневаться не приходилось: ангел видел меня насквозь.

Я медленно пришла в себя. Прохладные коридоры. Встревоженные посетители. Деловитые сотрудники. Я восстановила дыхание и смирла ангела уничтожающим взглядом.

— Больше не называйте меня так. Никогда.

Он пожал плечами, продолжая улыбаться.

— Это была моя ошибка.

Я резко развернулась, выбежала и поняла, что нахожусь в машине, только тогда, когда доехала до середины моста. По моим щекам текли слезы.

Глава двенадцатая

На следующий день я пришла к Питеру и Коди.

— Слушай, если бы Джером пригрозил, что загонит меня в тартарары, я бы не стал рыскать по городу и что-то вынюхивать.

— Я ничего не вынюхиваю. Просто размышляю.

Питер покачал головой и откупорил бутылку пива. Мы втроем сидели на кухне. Только что принесли ветчину и пиццу с ананасами. Мы с Коди ели, а Питер только наблюдал за нами.

— Почему ты не хочешь признать правду? Джером не врет. Это действительно охотник на вампиров.

— Нет. Ни в коем случае. Это не вяжется с фактами. Не вяжется с тем, как действуют Джером и Картер. Не вяжется с нападением на Хью. И с этой долбанной запиской, которую мне подкинули.

— Я думал, ты то и дело получаешь любовные записки. «Джорджина, из-за тебя мое сердце обливается кровью». Для убедительности действительно написанные кровью.

— Ага. Ничто так не действует на девушку, как нанесенное себе увечье, — пробормотала я, сделала глоток «Горной росы» и вернулась к пицце. Если бы добавить туда кофеин и сахар, пиво ничем бы не уступало моему любимому мокко. — Почему ты ничего не ешь?

Вместо объяснения Питер поднял бутылку.

— Я на диете.

Я посмотрела на этикетку. «Голден-Вилидж» с низким содержанием углеводов.

У меня внутри все похолодело. С низким содержанием углеводов?

— Питер... ты же вампир. Вампиры и так не употребляют углеводов.

— Бесполезно, — фыркнул Коди, впервые за вечер подав голос. — Я уже говорил ему это, но он не слушал.

— Ты не понимаешь. — Питер с тоской посмотрел на пиццу. — Ты можешь делать со своим телом, что угодно.

— Да, но... — Я уставилась на Коди. — Разве он может набрать лишний вес? Разве тела бессмертных могут меняться со временем?

— Ты разбираешься в таких вещах лучше, чем мы, — ответил он.

— Мы едим другое. — Питер инстинктивно погладил себя по животу. — Не питаемся кровью. И в этом все дело.

Ничего более странного я не слышала с момента смерти Дьюана.

— Перестань, Питер. Не смей меня. Этак ты скоро пойдешь к Хью и запишешься на липосакцию.

Он обрадовался:

— Думаешь, это поможет?

— Нет! Ты прекрасно выглядишь. Так же, как всегда.

— Не уверен. Когда мы с Коди куда-нибудь ходим, все внимание достается ему. Может быть, мне следует сделать кончики волос еще более светлыми.

Я не стала говорить, что Питер стал вампиром почти в сорок лет и к тому времени его волосы успели изрядно поредеть. А светловолосому, но смуглому Коди в тот момент не

исполнилось и двадцати, и он был очень хорош собой. Бессмертные, которые до того были людьми, сохраняли свой возраст и внешность навсегда. Если два вампира продолжали посещать университетские клубы и бары, то ничего удивительного, что там оказывали предпочтение Коди.

— Мы даром тратим время! — воскликнула я, не желая ругать Питера за его внешний облик. — Я хочу понять, кто мог напасть на Хью.

— О боже, кто про что! — застонал он. — Почему ты не можешь подождать, пока все выяснится?

Вопрос был хороший. Я сама этого не знала. Что-то внутри не давало мне покоя и заставляло стремиться узнать правду, которая могла бы защитить меня и моих друзей. Сидеть и ждать у моря погоды было невтерпеж.

— Судя по тому, как Хью описал нападение, это не мог быть смертный.

— Да, но ни один бессмертный не смог бы убить Дьюана. Я уже говорил это.

— Ни один бессмертный низшего разряда, — поправила я. — Но бессмертный высшего...

Питер рассмеялся.

— Ну вот, теперь ты гадаешь на кофейной гуще. Думаешь, к нам явился демон мщения?

— Такой демон был бы на это способен.

— Да, но у него нет мотива.

— Не обяза...

Внезапно я ощутила слабое покалывание, заставлявшее вспомнить о запахе лилий и звоне колокольчиков, и тут же посмотрела на вампиров.

— Что за... — начал Коди, но Питер уже шел к двери.

Вибрации, которые, ощутили все мы, напоминали ауру Картера, но были нежными и мягкими. Не такими сильными.

Ангел-хранитель.

Питер открыл дверь. На пороге стояла чопорная Люсинда, державшая в руках книгу.

Я чуть не задохнулась. Этого следовало ожидать. Я редко сталкивалась с местными ангелами, Картер являлся исключением, потоку что он был связан с Джеромом. Но я всех их знала и Люсинду тоже. В отличие от Картера, настоящим ангелом она не являлась. Ангелы-хранители представляли собой небесные эквиваленты Хью. Эти бывшие смертные служили настоящему ангелу и выполняли его поручения.

Я не сомневалась, что Люсинда ежедневно совершала добрые дела. Возможно, работала в благотворительной столовой, а в свободное время читала книги сиротам. Однако в нашем присутствии она превращалась в настоящую злобную сучку. Питер разделял мои чувства.

— Да? — холодно спросил он.

— Привет, Питер. Прическа у тебя сегодня очень... интересная, — дипломатично заметила Люсинда, не отходя от двери. — Можно войти?

Замечание о прическе заставило Питера нахмуриться, однако хорошо усвоенный инстинкт хозяина не позволял ему прогнать посетительницу. Он часто дразнил меня замечаниями о любимых занятиях смертных, но у этого вампира оказалось врожденное стремление к соблюдению правил гостеприимства и этикета.

Люсинда вплыла в комнату. На ней была вязаная юбка длиной до лодыжки и свитер с высоким воротником, короткие светлые волосы собраны в аккуратный пучок.

Я не имела с ней ничего общего. На мне был топ с низким вырезом, джинсы в обтяжку и

туфли на свержвысоком каблуке. Люсинда смерила меня таким-взглядом, словно ждала, что я вот-вот лягу на пол и раздвину ногаи.

— Рада снова видеть вас всех, — свысока сказала она. — Я доставила вам кое-что от мистера Картера.

— Мистера Картера? — переспросил Коди. — Значит, это его фамилия? А я всегда думал, что имя.

— Лично я считаю, что это прозвище, — вмешалась я. — Вроде Мадонна или Шер.

Люсинда не обратила на наши слова никакого внимания и протянула мне книгу с витиеватым названием «Мужчины с Марса, женщины с Венеры. Классическое руководство по общению с противоположным полом».

— Это еще что за чертовщина? — воскликнул Питер. — Кажется, ее показывали во время какого-то ток-шоу.

Внезапно я вспомнила, что, когда вчера уходила из больницы, Картер пообещал прислать книгу, которая поможет мне общаться с Сетом. Взяв книгу, я равнодушно бросила ее на стойку.

— Долбанное чувство юмора Картера в действии.

Люсинда густо покраснела.

— Как вы можете употреблять такие выражения? Вы говорите так, словно... находитесь в школьной раздевалке!

Я одернула топ.

— Ни в коем случае. Я бы никогда не надела такие вещи в школу.

— Да. Тем более что это не школьные цвета, — поддержал меня Питер.

Я не могла противиться искушению подразнить ангела-хранителя.

— Если бы я находилась в школьной раздевалке, то надела бы короткую юбочку члена группы поддержки. И обошлась бы без нижнего белья.

Питер подыграл мне:

— И поддерживала бы школьную команду, упершись руками в стену и отключив зад?

— Да, — подтвердила я. — На что не пойдешь ради команды?

Наше бесстыдство заставило покраснеть даже Коди. А Люсинду чуть не хватил апоплексический удар.

— Вы... У вас обоих нет ни малейшего чувства стыда! Даже намек на него!

— Ай, брось, — сказала я ей. — Вы в своем загородном клубе или другом месте сбориш наверняка носите юбочки еще короче. И гольфы. Держу пари, что ангелам тоже нравятся школьницы.

Будь Люсинда одной из моих подруг, мы продолжили бы обмен саркастическими репликами. Но она напряглась и обрушила на нас свой праведный гнев.

— Мы, — заявила она, — относимся друг к другу с уважением. Мы соблюдаем правила приличия и не набрасываемся на себе подобных.

С этими словами она грозно на меня посмотрела.

— Это ты о чем?

Люсинда тряхнула волосами — точнее, тем, что от них осталось.

— Прекрасно знаешь! Мы все слышали о том, как ты поступила сначала с вампиром, а потом с бесом. Больше меня ничто в вас, людях, удивить не может!

Тут уже вспыхнула я:

— Чушь собачья! В смерти Дьюана меня уже давно никто не обвиняет. А что касается

Хью... Это просто глупо. Он мой друг.

— Какая между вами может быть дружба? Он такая же дрянь, как и ты. Насколько я слышала, он очень потешался, рассказывая всем и каждому о твоей плетке и крыльях. Кстати, если тебя интересует мое мнение, то ты перешла все грани дозволенного. Даже для суккуба. — Люсинда показала глазами на книгу, которую я бросила на стойку. — Я передам мистеру Картеру, как ты приняла его подарок.

С этими словами она повернулась и ушла, закрыв за собой дверь.

— Набожная сука, — пробормотала я. — Интересно, сколько народу знает о моем наряде демоницы?

— Не обращай на нее внимания, — сказал Питер. — Она никто. К тому же ангел. Какое нам дело до их болтовни?

Я нахмурилась. И тут меня осенило. Господи, как же я раньше до этого не додумалась! Нужно было отдать Люсинде должное.

— Вот оно!

— Что? — спросил Коди, успевший набить рот остывшей пиццей.

— Дьюана убил ангел! И напал на Хью тоже ангел! Все сходится. Ты был прав, когда сказал, что у демона нет повода нападать на нас. Но ангел — это другое дело. Я имею в виду настоящего ангела, а не хранителя вроде Люсинды.

Питер покачал головой.

— Ангел мог бы сделать что-нибудь такое, но для него это слишком мелко. Великая космическая битва добра и зла — не чета боксерскому матчу. Сама знаешь. Уничтожать одного пособника зла за другим напрасная трата времени.

Коди задумался.

— А вдруг это был ангел-ренегат? Тот, кто не соблюдает правила игры?

Мы посмотрели на молодого вампира с удивлением. Сегодня вечером он в наших разговорах почти не участвовал.

— Такого не бывает, — возразил его наставник. — Правда, Джорджина?

Оба смотрели на меня и ждали ответа.

— Джером говорит, что падших ангелов нет. Как только они совершают грехопадение, то перестают быть ангелами и становятся демонами.

— Ну, если так, то от твоей гипотезы не остается камня на камне. Ангела, сделавшего что-то плохое, низвергают, он перестает быть ангелом, а кроме того, Джером знал бы о нем.

Я хмурилась, все еще заинтригованная тем, что Коди использовал слова «ангел-ренегат» вместо слов «падший ангел».

— Может быть, грех ангела подобен греху человека... Если кто-то думает, что он совершает благое дело, это не всегда грех. Данный вопрос до сих пор остается открытым.

Мы начали обсуждать проблему. Люди привыкли считать, что существуют точные правила определения того, что считается грехом, правила, которые можно нарушить, даже не понимая этого. В реальной жизни большинство людей знают, когда поступают плохо. Они чувствуют это. Грех — понятие скорее субъективное, чем объективное. Во времена пуритан суккуб мог без труда купить душу человека, поскольку для тогдашних людей все сексуальное и просто приятное расценивалось как греховное. В наши дни сексуальная жизнь до брака грехом не считается. Поэтому современным суккубам, желающим не только заправиться энергией, но и приобрести душу человека, приходится проявлять чудеса изворотливости.

Если следовать этой логике, ангел-ренегат, верящий, что он (или она) совершает благо, может не попасть в царство зла. Если не было греха, то не было и грехопадения. Или было? От этого ум заходил за разум. Похоже, Питер считал так же.

— В чем разница? Что заставляет ангела пасть? Мы слишком торопимся. Сначала нужно договориться о терминах.

Я хотела возразить, но вдруг кое-что вспомнила.

— Записка.

— Записка? — переспросил Коди.

— Записка, которая висела на моей двери. Там было сказано, что моя красота могла бы заставить пасть даже ангела.

— Ну, ты действительно ничего себе... — Когда я подняла бровь, Питер ворчливо добавил: — О'кей, это подозрительно. Даже слишком. Зачем такому существу демонстративно оставлять свою визитную карточку?

Коди так и подпрыгнул на стуле.

— Этот ангел — псих, который обожает головоломки! Вспомни фильмы, где убийцы оставляют на жертвах свое клеймо, а потом следят за тем, как полиция пытается отгадать загадку.

Это сравнение заставило меня вздрогнуть. Что я знала об ангелах? Почти ничего. В отличие от нас, силы добра не имели строгой иерархии руководителей и географических сетей, так что рассказы о херувимах и серафимах были легендами. В конце концов, уровень руководителей среднего ранга придумали мы, а не они. У меня сложилось впечатление, что большинство ангелов и других слуг добра действовали скорее как частные сыщики или филеры и на свой страх и риск. При такой организации дела у каждого из них была возможность тайно заниматься побочным ремеслом.

Я подумала, что участие ангела могло бы объяснить ухищрения и увертки Джерома и Картера. Силы добра были сбиты с толку. Впрочем, как всегда. Нашу сторону не могло смутить уже ничто. Но для противоположной стороны признание того, что ангел мог совершить плохой поступок, означало позор. Поэтому Картер, тесно связанный с Джеромом, мог попросить демона замять это дело. Так что его сарказм и насмешки казались лишь слабыми попытками спасти лицо.

Чем дальше я раздумывала над этой невероятной гипотезой, тем больше она мне нравилась. Какой-то гневный ангел, желая стать героем, решил в одиночку победить силы зла. Теория ангела-рenegата объясняла, почему каждый из нас мог стать его мишенью, и проливала свет на то, почему никто из нас его не чувствовал. Теперь мы знали, что высшие бессмертные могут скрывать свое присутствие.

Но с какой стати Джерому и Картеру делать то же самое? Может быть, они хотят застать этого ангела врасплох? А если так, то...

— Если так, то почему этот тип не убил Хью? — Я посмотрела на вампиров. — Ангел мог бы прикончить каждого из нас. Хью сказал, что не успел оказать сопротивление. Никто не вмешался и не помог ему. Просто напавшему стало скучно, и он ушел. Почему? Почему он убил Дьюана, но пощадил Хью? Или меня? Ведь он знает обо мне все!

— Потому что Дьюан был задницей? — предположил Питер.

— Какая ангелу разница? Мы все принадлежим к силам зла. А Хью самый активный из нас.

Действительно, сейчас Хью находился в самом соку. Он не являлся неопытным

новичком, как Коди, или усталым и разочарованным, как мы с Питером. Хью хорошо справлялся со своим делом и любил его. Он должен был стать первой жертвой ангела-одиночки, решившего улучшить этот свет.

Коди поддержал Питера:

— Разница есть. Одни из нас симпатичнее других, и ангел это учел.

— Сомневаюсь, что кто-то из нас может показаться ангелу симпатичным...

Я осеклась. Был один ангел, который считал нас симпатичными. Ангел, который часто общался с нами. Ангел, который после начала нападений не расставался с Джеромом. Ангел, который знал все наши привычки и слабости. Ему ничего не стоило следить за нашей компанией, притворяясь другом.

Эта мысль показалась такой ужасной, что мне чуть не стало плохо. Поделиться ею с вампирами я еще не могла. Тем более что в гипотезу ангела Питер и Коди не верили. Вряд ли они поддержали бы меня, если бы я обвинила Картера.

— Джорджина, ты здорова? — спросил Коди, когда я внезапно умолкла.

— Да... да... все в порядке. — Краем глаза я увидела таймер плиты и вскочила с места. — Проклятие! Я должна вернуться домой.

— Зачем? — спросил Питер.

— У меня свидание.

— С кем? — Коди лукаво улыбнулся, и я вспыхнула.

— С Романом.

Питер повернулся к своему ученику:

— Это еще кто?

— Один парень, который хорошо танцует. Джорджина тратит на него все свое время.

— Неправда. Для этого он мне слишком нравится.

Они засмеялись. Когда я схватила пальто, Питер спросил:

— Слушай, ты не могла бы как-нибудь оказать мне услугу?

— Какую? — Мои мозги были заняты распутыванием окружавшей нас тайны.

И Романом. После нашей последней встречи мы несколько раз разговаривали по телефону, и я не переставала изумляться тому, как легко нам удавалось находить общий язык.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— В парикмахерских есть компьютерные программы, показывающие клиента с разными стрижками и волосами разных цветов. Я подумал, что ты могла бы сделать то же самое. Перевоплотиться в меня и показать, как я буду выглядеть с разными прическами.

Мы с Коди уставились на него. Пауза растянулась на целую минуту.

— Питер, — наконец, сказала я, — ничего глупее я не слышала за всю свою жизнь.

— Не знаю, — почесав подбородок, промолвил Коди. — По-моему, мысль неплохая.

— Сейчас у нас слишком много других дел. — На ублажение Питера у меня уже не было времени. — Я не собираюсь тратить свою энергию ради твоего тщеславия.

— Брось! — взмолился Питер. — Ты все еще сияешь после того девственника. Так что можешь себе это позволить.

Я покачала головой и надела на плечо сумку.

— Устав суккуба, параграф сто один. Чем дальше трансформация от твоей первоначальной формы, тем больше энергии она требует. Перемена пола настоящий чирей на заднице, но перемена вида еще хуже. Если я поиграю с тобой в парикмахерскую, на это

уйдут все мои запасы, а дел у нас еще куча. — Я прищурилась. — Тебе, мой друг, следует заботиться не о внешности, а о собственной безопасности.

Коди посмотрел на меня с любопытством.

— Перемена вида? Значит, при желании ты могла бы превратиться в ящерицу-ядозуба или, скажем, в морского ежа?

— Все, ребята. Спокойной ночи.

И я сбежала. Слушать, как Питер и Коди обсуждают, сколько энергии уйдет на превращение в маленькое млекопитающее или рептилию размером с человека, было выше моих сил.

Ох уж эти вампиры... Как дети, честное слово.

Я доехала до дома в рекордно короткое время, не забыла превратить туфли в сандалии и подошла к двери одновременно с Романом.

Его внешность тут же заставила меня забыть об ангелах и заговорах.

Он убедил меня не наряжаться и сам сделал то же самое. Однако его джинсы и майка с длинными рукавами выглядели как на демонстрации мод. Похоже, мой вид произвел на Романа такое же впечатление, потому что он облапал меня, как медведь, и поцеловал в щеку.

— Привет, красотка, — пробормотал он мне на ухо, не торопясь выпускать из объятий.

— Ты тоже ничего себе, — Я с трудом освободилась и улыбнулась ему.

— Я вижу, у тебя хорошее настроение. — Роман погладил меня по щеке. — Приятно слышать.

В его глазах можно было утонуть, и я быстро отвернулась, чтобы не наделать глупостей.

— Поехали. — Я запнулась. — Кстати, куда мы едем?

Он повел меня к машине.

— Раз уж ты так хорошо владеешь ногами, следовало бы поехать туда, где я мог бы проверить твоё искусство владеть остальными частями тела.

— Вроде номера гостиницы?

— Проклятие, неужели меня видно насквозь?

Через несколько минут он остановился у неказистого здания с мерцающей неоновой вывеской «Кегельбан Барта». Я посмотрела на нее с отвращением, не в силах скрыть свои чувства.

— По-твоему, это подходящее место для свидания? Какой-то захудалый кегельбан?

Но Роман не обратил на мои слова никакого внимания.

— Когда ты в последний раз играла в боулинг?

Я задумалась. Кажется, в девятьсот семидесятых.

— Не так давно.

— Вряд ли, — небрежно сказал он, когда мы вошли в здание и направились к стойке. — По твоим словам, ты ни с кем не поддерживаешь серьезных отношений, но у меня сложилось впечатление, что по вечерам тебя дома не застанешь... Десятый, пожалуйста.

— Шесть с половиной.

Кассирша выдала нам по паре неказистых тапочек, и я почувствовала, что от благодарности к Роману не умру. Он достал пригоршню мелочи, и кассирша показала пальцем на свободную дорожку.

— Я уже говорил, что твои намерения значения не имеют. Ты просто обязана с кем-то встречаться. Ты привлекаешь к себе такое внимание, что иначе и быть не может.

— Что ты имеешь в виду? — Я села у дорожки и сняла сандалии, все еще искоса

поглядывая на тапочки.

Роман, завязывавший шнурки, поднял голову.

— Не притворяйся. Мужчины просто пожирают тебя взглядами. Когда мы вместе, это бросается в глаза. И в книжном магазине, и в тот вечер в баре. Даже здесь, в кегельбане. Пока мы шли сюда от стойки, по меньшей мере, трое парней стояли и смотрели тебе вслед.

— К чему ты клонишь?

— Скоро поймешь. — Он встал, и мы пошли к решетке с шарами. — При таком внимании тебя должны все время куда-то приглашать. Иногда тебе приходится соглашаться.

Так же, как было со мной. Верно?

— Допустим.

Роман отвлекся от выбора шара и смерил меня задумчивым взглядом, от которого замирало сердце.

— Тогда расскажи мне о своем последнем свидании.

— О последнем свидании? — Пожалуй, встреча с Мартином Миллером была не в счет.

— Да. Я имею в виду настоящее свидание, а не случайную выпивку. Свидание, во время которого парень из всех сил старался затащить тебя в постель.

Я прикинула на вес шар со светящейся оранжево-зеленой спиралью и задумалась.

— Это было в опере. А потом мы обедали в «Санта-Лючии».

— Хороший выбор. А до того?

— О господи, какой ты любопытный. Дай вспомнить... Кажется, это было на открытии художественной выставки.

— После которого последовало посещение ресторана, где после выбора блюда официанты говорят тебе спасибо. Верно?

— Допустим.

— Так я и думал. — Роман выбрал темно-синий шар и взял его под мышку. — Именно поэтому ты и не хочешь ни с кем вступать в серьезные отношения. Ты слишком ходкий товар и привыкла к свиданиям в фешенебельных местах. Мужчины лезут вон из кожи, стараясь произвести на тебя впечатление, но это быстро надоедает. — В его глазах появился лукавый блеск. — Я решил отмежеваться от этих неудачников и повести тебя туда, куда не ступала нога человека, принадлежащего к элите. Назад, к природе. Именно таким и должно быть настоящее свидание. Во время которого люди думают друг о друге, а не о роскошной обстановке.

Мы прошли к началу дорожки.

— Мог бы и попроще сказать, что меня привлекают трущобы.

— А они тебя не привлекают?

— Нет.

— Если так, то почему ты здесь?

Я посмотрела на него и вспомнила недавнюю беседу о классической филологии. Красота и интеллект. Убийственная смесь.

— Потому что это не трущобы.

Он улыбнулся и сменил тему.

— Таков твой выбор?

Я посмотрела на шар с психоделическим рисунком.

— Да. Сегодняшний вечер превращается во что-то сюрреалистическое. Ладно, попробуем. Увидим, что из этого получится.

Глаза Романа заискрились от смеха. Он кивнул в сторону дорожки.

— Начни с шара.

Я неуверенно шагнула вперед, пытаюсь вспомнить нужное движение. Обвела взглядом кегельбан и посмотрела, как это делают другие игроки. Потом пожала плечами, встала на линию и бросила шар. Он пролетел по воздуху метра полтора, громко стукнулся о дорожку и скатился в желоб. Роман стоял со мной рядом, и мы молча следили за тем, как шар заканчивал свое путешествие.

— Ты всегда так грубо обращаешься с шарами? — наконец, спросил он.

— Большинство мужчин не жалуется^[37].

— Могу себе представить. Когда бросишь шар в следующий раз, постарайся сделать это параллельно полу.

Я недовольно покосилась на него.

— Ты случайно не из тех парней, которые любят показывать женщинам, что те ни на что не годятся?

— Ни в коем случае. Просто даю тебе дружеский совет.

Мой шар вернулся, и я последовала указаниям Романа. На этот раз удар был не таким громким, но результат оказался тем же.

— Ладно. Посмотрим, как получится у тебя, — с досадой проворчала я и села на стул.

Роман шагнул к линии. Его движения были изящными и гибкими, как у кошки. Шар выскользнул из его руки словно вода из кувшина, беззвучно приземлился на дорожку и сбил девять кеглей. Когда шар вернулся, Роман, не глядя, бросил его еще раз и сбил десятую.

— Я вижу, вечер будет долгий.

— Не унывай. — Он взял меня за подбородок. — Ты справишься. Попробуй еще раз. Возьми немного левее. А я тем временем схожу за пивом.

Последовав совету, я взяла влево, но только угодила в левый желоб. Во время второй попытки я слегка успокоилась, сумела сбить крайнюю левую кеглю и завопила от радости.

— Отлично, — весело, сказал Роман, ставя на стол две кружки дешевого пива. Я не пила такой дряни лет десять. — Именно так младенец учится ходить.

Он оказался прав. Количество заработанных мной очков медленно возрастало, несмотря на сложившуюся с первого раза плохую привычку оставлять зазоры между кеглями. С этим я справиться не могла, хотя Роман давал мне дельные советы.

— Руку надо держать так, а все остальное — так, — объяснял он, положив одну ладонь мне на бедро, а другую — на запястье. От этих прикосновений меня бросало в дрожь. Чем они диктовались? Альтруизмом или желанием прикоснуться ко мне? Я сама постоянно пользовалась этим приемом, когда выполняла обязанности суккуба. Он сводил мужчин с ума, и теперь я понимала, почему.

Да я все понимала, но не просила перестать.

Наилучшего результата я достигла во второй игре, сумев сделать один страйк, сбив все кегли одним шаром. Во время третьей игры дали себя знать пиво и усталость. Почувствовав это, Роман заявил, что для первого раза достаточно, и сказал, что я делаю большие успехи.

— Ну что, для завершения картины отправимся перекусить в какой-нибудь подвальчик?

Пока мы шли к машине, Роман обнимал меня за талию.

— Все зависит от того, насколько на тебя подействовали мои чары.

— Если я соглашусь, ты сможешь отвезти меня в какое-нибудь приличное место? Знаешь, иногда шикарная обстановка делает свое дело.

К моему удовлетворению, мы поехали в фешенебельный японский ресторан. Еда и беседа доставляли мне одинаковое удовольствие. Интеллект и остроумие Романа снова произвели на меня сильное впечатление. На этот раз мы обсуждали новости культуры, выясняли, что нам нравится, что сводит с ума и так далее и тому подобное. Я узнала, что Роман много путешествовал и хорошо разбирается во внешней политике и международных отношениях.

— Америка слишком любит себя, — пожаловался он, потягивая сакэ. — Похожа на женщину, которая весь день сидит у большого зеркала и любит себя. А когда удосуживается посмотреть на других, то говорит остальным «делай так» или «делай как я». Наша военная и экономическая политика консервативна. Она заключается в запугивании инакомыслящих как за границей, так и внутри страны. Я это терпеть не могу. — Он покачал головой. — Как рассуждает большинство законопослушных граждан? «Не нравится — вали отсюда!» К несчастью, порвать со своей страной труднее, чем с семьей. — Роман откинулся на спинку стула и заставил себя улыбнуться. — Я то и дело совершаю маленькие акты неповиновения. Воюю со статус-кво. Отказываюсь покупать товары, произведенные с использованием рабочей силы стран третьего мира.

— Не носишь меха? Ешь только органические продукты?

Он хмыкнул.

— И это тоже.

— Странно, — после недолгой паузы сказала я.

Наконец до меня что-то дошло.

— Что именно?

— Сегодня мы говорили только о текущих событиях. Не о душевных травмах, полученных в детстве, не об учебе в колледже, не о бывших возлюбленных...

— И что в этом странного?

— Да, в общем, ничего. Просто когда люди ищут себе пару, они обычно рассказывают друг другу свою биографию.

— Ты хочешь это сделать?

— Нисколько. — Я терпеть не могла этот неотъемлемый атрибут свиданий.

Приходилось редактировать свое прошлое. Лгать. И запоминать собственную ложь.

— Я думаю, прошлое только отягчает настоящее. Предпочитаю смотреть вперед, а не назад.

Я посмотрела на него с любопытством.

— Значит, прошлое у тебя было тяжелое?

— Именно так. Я сражаюсь с ним каждый день. Иногда побеждаю я, иногда оно.

О господи, как он был прав! Со мной творилось то же самое. Но говорить об этом с другим человеком оказалось непривычно. Я не могла понять, как люди ходят по земле с таким невидимым бременем и умудряются скрывать его от других. Мне это давалось с огромным трудом. В худшие моменты моей жизни я заставляла себя делать веселое лицо, улыбаться и кивать. А когда этого казалось недостаточно, убегала, заплатив за побег собственной душой...

Я слегка улыбнулась.

— Вот и хорошо. Я рада, что мы с тобой любим настоящее.

— И я рад. Честно говоря, настоящее мне по душе. И будущее тоже может сложиться неплохо, если мне удастся побороть твою решимость.

— Не надо об этом.

— Ай, брось. Тебе нравятся мои попытки вести себя вызывающе. Они кажутся тебе эротичными.

— Скорее забавными. Если ты любишь вызывать возмущение, то присоединись к моему коллеге Дагу. У вас много общего. Днем он уважаемый заместитель заведующего, а вечером — солист группы, выражающей свое недовольство обществом с помощью музыки.

В глазах Романа появился интерес.

— Они где-нибудь выступают?

— Да. В ближайшую субботу у них будет концерт на пивоварне «Олд гринлейк». Меня и кое-кого из сотрудников пригласили лично.

— Серьезно? Во сколько мы встретимся?

— Я не собиралась брать с собой.

— Да ну? Тогда зачем ты назвала день и место? Лично мне это кажется пассивным приглашением. Намеком на то, что я должен сказать: «Ничего, если я приду?» Тогда ты ответишь «нет проблем», и дело будет сделано. Я просто пропустил несколько фраз.

— Да, ты времени даром не тратишь, — признала я.

— Значит, ничего, если я приду?

Я застонала.

— Роман, мы не можем продолжать встречаться. Сначала это было очень мило, но мы договорились, что свидание предполагается только одно. И уже нарушили договор. Сослуживцы думают, что ты мой бойфренд. — Кейси и Бет недавно сказали мне, что я «заарканила настоящего „красавчика“».

— Правда? — искренне обрадовался он.

— Я не шучу такими вещами. Если говорю, что в данный момент не хочу серьезных отношений, значит, так оно и есть.

Но на самом деле я так не думала. В глубине моей души скрывалось желание разделить одиночество с близким человеком. Желание, с которым я боролась несколько веков. Когда я намеренно вступала в связь с хорошим парнем — даже в период расцвета своей деятельности в качестве суккуба, — то исчезала сразу после секса. В каком-то смысле сейчас мне жилось еще труднее. Я не испытывала чувства вины за то, что крада жизненную энергию у хороших людей, но страдала от одиночества. Никто обо мне не заботился. Конечно, у меня имелись друзья, однако у них была своя жизнь. А тех, кто подходил ко мне слишком близко (вроде Дага), приходилось отталкивать. Ради их же блага.

— Ты не считаешь, что бывают свидания, которые ни к чему не обязывают? Не веришь в дружбу между мужчиной и женщиной?

— Нет, — решительно ответила я. — Не верю.

— А как же ты общаешься с другими мужчинами? Например, с тем же Дагом? С парнем, который помогает тебе вести уроки танцев? Даже с этим писателем? Ты дружишь с ними, не так ли?

— Ну да, но это совсем другое дело. Меня к ним не влечет...

Я прикусила язык, но сделала это слишком поздно. Лицо Романа раздурманилось от радости и надежды. Он протянул руку и коснулся моей щеки.

Я проглотила комок в горле, взволнованная и даже испуганная его близостью. Пиво и сакэ сделали свое дело, и я поклялась в следующий раз больше не пить. Впрочем, ведь следующего раза все равно не будет... Алкоголь ударил мне в голову, и я уже не могла

понять, где кончается инстинкт суккуба и начинается физическое желание. И то и другое было для него опасно.

Но все же... сейчас главным являлось не физическое желание, а он сам. Стремление быть с ним. Разговаривать. Снова чувствовать рядом родного человека. Человека, которому я небезразлична. Человека, который меня понимает. Человека, к которому я могла бы возвращаться после работы. И жить с ним.

— Так в котором часу мы встречаемся? — пробормотал он.

Я покраснела и опустила глаза.

— Концерт начнется поздно...

Его ладонь переместилась с моей щеки на затылок, его пальцы впелись в волосы и заставили меня поднять лицо.

— Может быть, сходим куда-нибудь до его начала?

— Мы не должны... — Мои слова и движения были такими медленными, словно я плыла в сладком сиропе.

Роман наклонился и поцеловал меня в ухо.

— Я приеду к тебе в семь.

— В семь, — повторила я.

Он поцеловал меня в ухо, потом в щеку и потянулся к моему рту. Его губы оказались совсем рядом с моими, и от этой близости меня бросило в дрожь. Я ощущала исходивший от них жар, казалось, они обладали собственной аурой. Я хотела, чтобы он поцеловал меня, хотела ощутить обжигающее прикосновение его губ и языка. Хотела и боялась одновременно. Но сил предпринять что-то самой у меня уже не было.

— Принести вам что-нибудь еще?

Слегка смущенный голос официанта позволил мне справиться с наваждением. Я заставила себя вспомнить, чем обернется для Романа этот поцелуй. Да, конечно, ничего особенно страшного не случится, но все же... Я высвободилась из его рук и покачала головой.

— Ничего. Только счет.

После этого мы с Романом почти не разговаривали. Он привез меня домой, проводил до дверей, но даже не попытался поцеловать. Только снова приподнял мне подбородок, по-дружески улыбнулся и напомнил, что в субботу заедет за мной в семь часов.

Я легла в постель, изнывая от желания. Алкоголь помог мне уснуть, но утром я снова вспомнила близость его губ, и моя тоска вернулась с новой силой.

— Ничего не могу с собой поделать, — пожаловалась я Обри, слезая с кровати.

До начала смены оставалось еще три часа. Необходимо было выбросить все мысли о Романа и заняться чем-то полезным. Вспомнив об Эрике, я решила нанести ему визит. Судя по всему, версия об охотнике на вампиров потеряла актуальность, но он все же мог предложить что-то еще. Кроме того, Эрик наверняка знал и о падших ангелах.

Поскольку угроза отправить меня в тартарары все еще висела, мне следовало воздержаться от посещения «Аркана лимитед». Однако я почему-то чувствовала себя в безопасности. Насколько я знала, к «жаворонкам» архидемон не относился. Конечно, в отдыхе Джером не нуждался, но привычки смертных были ему не чужды. Сейчас он наверняка спал и не догадывался о том, что я задумала.

Я оделась, позавтракала и поехала в Лейк-сити. На сей раз я без труда нашла магазин. Меня снова привела в уныние его заброшенность и отсутствие посетителей. Тем не менее, в

углу маячила какая-то темная фигура, слишком высокая для Эрика. Я испытала удовольствие при мысли о том, что бизнес Эрика налаживается, но оно исчезло, когда человек выпрямился и насмешливо посмотрел на меня.

— Привет, Джорджина.

Я проглотила слюну.

— Привет, Картер.

Глава тринадцатая

Картер взял книгу и стал неторопливо листать ее. На его голове красовалась бейсболка, надетая козырьком назад, а его фланелевая рубашка явно знавала лучшие дни.

— Что ищешь? — спросил он, не поднимая глаз. — Церковную утварь? Или решила освежить в памяти познания в астрологии?

— Вас это не касается, — огрызнулась я.

Я была слишком рассержена, чтобы придумать какой-нибудь другой ответ.

Картер прищурился.

— Джером знает, что ты здесь?

— Его это тоже не касается. А что? Хотите наябедничать?

Мои слова прозвучали дерзко. Я все еще подозревала, что за всеми этими нападениями скрывался Картер. Если так, то гнев Джерома было не самое страшное из того, что мне грозило.

— Может быть. — Он закрыл книгу и положил ее на полку. — Но если я промолчу и позволю тебе продолжать интриги, бесплатное развлечение продлится.

— Не понимаю, о каких интригах идет речь. Неужели девушке нельзя пройтись по магазинам, не рискуя при этом подвергнуться допросу? Я же не спрашиваю, что вы здесь делаете...

На самом деле мне очень хотелось это выяснить. Меня не удивляло, что Картер знаком с Эриком (мы все его знали), но в свете последних событий появление ангела в магазине только укрепило мои подозрения.

— Я? — Он взял книгу, которую только что листал. Она называлась «Как научиться колдовству за тридцать дней». — Как-то нужно оправдать даром потраченное время.

— Нужно, — подтвердила я.

— Похвала мастера. Я польщен. Ну что, успела обеспечить себе надежное алиби? — Он снова положил книгу на место.

— Мисс Кинкейд... — Не успела я придумать ответ, как в комнату вошел Эрик. — Рад видеть вас. Мой друг прислал сережки, которые вы просили сделать.

Я широко открыла глаза, а потом вспомнила про жемчужное ожерелье и про заказанные серьги.

— Я рада, что он сумел справиться так быстро.

— Открытие, сделанное очень вовремя, — вполголоса прокомментировал Картер.

Я пропустила его слова мимо ушей.

Эрик открыл коробочку, и я заглянула внутрь. С двух медных проволочек свисали три крохотные ниточки речного жемчуга. Такого же, как на ожерелье.

— Очень красиво, — искренне сказала я. — Передайте своему другу от меня благодарность. У меня есть платье, к которому этот гарнитур очень пойдет.

— Это хорошо, — заметил Картер, следя за тем, как Эрик выбивает чек. — Я имею в виду подходящие украшения. Коди сказал, что по вечерам тебя трудно застать дома. Вряд ли ты успела прочитать присланную мной книгу.

Я сунула Эрику свою кредитную карточку. Коди видел меня в окружении мужчин на уроке танцев, но о своем предстоящем свидании с Романом я сообщила ему только вчера.

— Когда вы разговаривали с Коди?

— Вчера вечером.

— Как ни странно, я тоже. А сегодня вы здесь. Вы что, преследуете меня?

Глаза Картера лукаво блеснули.

— Я приехал сюда первым. Кто кого преследует? Может быть, ты нарочно придумала эти свидания, чтобы выйти на меня.

Я расписалась на чеке и протянула его молчаливому Эрику.

— Покорнейше благодарю. Мне нравятся энергичные мужчины.

После моей реплики Картер фыркнул. Сношения с другими бессмертными не прибавляли суккубу жизненных сил.

— Джорджина, иногда я думаю, что тебя действительно стоит преследовать. Хотя бы для того, чтобы узнать, что ты скажешь дальше.

Эрик поднял глаза. Если он и ощущал неловкость, оказавшись под перекрестным огнем двух бессмертных, то виду не подал.

— Мистер Картер, не хотите выпить с нами чаю? Вы ведь не откажетесь, правда, мисс Кинкейд?

Я наградила Эрика сердечной улыбкой.

— Конечно, не откажусь.

— А вы, мистер Картер?

— Спасибо, не могу. У меня куча дел. Насколько я понимаю, Джорджине удобнее иметь дело с мужчинами по очереди. Как всегда, был рад видеть вас, Эрик. Спасибо за беседу. А ты, Джорджина... Ну, с тобой мы еще увидимся. Причем очень скоро.

От этих слов у меня внутри похолодело. Чтобы не выдать своего волнения, мне понадобились все мои силы.

— Картер...

Он уже взялся за ручку двери, но обернулся и вопросительно поднял бровь.

— А Джером знает, что вы здесь?

На лице ангела появилась хитрая усмешка.

— Теперь ты хочешь наябедничать на меня, Джорджина? Похоже, мы добились немалых успехов. Имеет смысл продолжить беседу. Ты могла бы спросить, скоро ли изменится погода, а я бы ответил, что ты сегодня чудесно выглядишь, и так далее. Сама знаешь, как это делается.

Я захлопала глазами. Картер цитировал записку, пришпиленную к моей двери.

Джорджина, вы красивая женщина. Настолько красивая, что могли бы заставить пасть даже ангела...

Он делает мне намеки? Играет со мной, как и предполагал Коди? Или это совпадение? Может быть, Картер, бич всей моей жизни, просто издевается надо мной? Я все еще продолжала сомневаться, но если кто-то из ангелов действительно решил уничтожить всех бессмертных в Сиэтле, то Картер был для этого самой подходящей кандидатурой.

— И насколько чудесно я выгляжу? — Мой голос слегка дрогнул. — Этого достаточно, чтобы соблазнить ангела?

Уголки его губ приподнялись.

— Я знал, что ты преследуешь меня. Ладно, до встречи.

Я стояла и смотрела ему вслед.

— Что он здесь делал? — спросила я Эрика.

Он аккуратно поставил на столик поднос с двумя чашками.

— Садитесь, мисс Кинкейд. Я храню ваши секреты. И секреты мистера Картера тоже.

— Понимаю.

Пока Эрик ходил за чайником, я думала о том, что подвергла старика опасности, впутав его в дела бессмертных.

Он быстро вернулся и наполнил чашки.

— Я поставил чайник еще до вашего прихода. Хорошо, что вы пришли вовремя.

Я сделала глоток. Еще одна травяная смесь.

— Как называется?

— Желание.

— Годится, — решила я. Об ангелах и заговорах можно было забыть, но любопытство меня не оставляло. — Вы что-нибудь выяснили?

— Боюсь, нет, Я навел справки об охотниках на вампиров, но так ничего и не узнал.

— Это меня не удивляет. — Я пригубила чай. — Нет, тут что-то другое.

Эрик благоразумно промолчал.

— Я знаю, что вы не скажете мне, зачем он приходил, и отношусь к этому с пониманием... — Я замешкалась, подыскивая нужные слова. — Но что вы... что вы о нем думаете? В смысле, о Картере. Может, он вел себя как-то странно или подозрительно?

Эрик смерил меня взглядом.

— Прошу прощения, но многие мои покупатели подходят под это описание. В том числе и вы.

Конечно, это было преуменьшением.

— Ну, я не знаю... Вы ему доверяете?

— Мистеру Картеру? — На лице Эрика отразилось изумление. — Я знаю его дольше чем вас. Если этим «странным и подозрительным покупателям» вообще можно верить, то он первый из них. Я бы без колебаний вручил ему свою жизнь.

Ничего удивительного. Если Картер сумел провести Джерома, то одурачить смертного для него раз плюнуть.

Я сменила тактику и спросила:

— Вы знаете что-нибудь о падших ангелах?

— Кажется, вы уже знакомы с этой темой, мисс Кинкейд.

Я задумалась. Что он имеет в виду? Мою компанию? Или миф о том, что суккубы — это демоны? Кстати говоря, ничего подобного. Теперь я это точно знаю.

— Никогда не спрашивай приверженца той или иной религии о ее истории. Прибереги этот вопрос для специалиста со стороны.

— Верно. — Эрик улыбнулся и поднес чашку к губам. — Конечно, вы знаете, что демоны — это ангелы, выступившие против воли небес. Они взбунтовались или, как принято выражаться, пали. Считается, что первым из них стал Люцифер.

— Но ведь это оказалось только началом, правда? Массовый переход на другую сторону. — Я наморщила лоб, пытаясь вспомнить, когда это случилось. — А что было позже? Неужели такое произошло только однажды?

Эрик покачал головой.

— Думаю, подобное бывало не раз и продолжается до сих пор. Есть документы, которые это доказывают...

Тут дверь открылась, и в магазин вошла молодая пара. Эрик встал и улыбнулся.

— У вас есть книги о Таро? — спросила девушка. — Для начинающих?

Еще бы. Этими книгами была уставлена целая стена. Мне стало досадно, что нас прервали, но мешать бизнесу Эрика не следовало. Я показала рукой на пару и стала допивать чай. Эрик повел людей к нужной секции, по пути выясняя подробности.

Я взяла пальто, сумку и пачку чая «Желание». Эрик увидел, как я положила на прилавок десятидолларовую банкноту.

— Сдачи не надо.

Он отвлекся от разговора и сказал мне:

— Прочитайте «Бытие», начало шестой главы книги. Не то второй стих, не то четвертый. Это должно вам помочь.

— «Бытие»? Вы имеете в виду Библию? — Он кивнул, и я обвела взглядом полки. — Где она?

— У меня ее нет, мисс Кинкейд. Зато в вашем магазине экземпляров больше чем достаточно.

Он вернулся к паре, а я ушла, поражаясь человеку, который помнит номера библейских стихов, но не имеет под рукой самой книги. Однако насчет магазина он был прав. Тем более что оставалось совсем мало времени до начала моей смены.

Вернувшись в свой район, я обнаружила, что припарковаться нельзя. Пришлось достать из отделения для перчаток разрешение, повесить его на зеркало заднего вида и проехать на маленькую стоянку за магазином. Многие сотрудники пользовались ею, но я делала это только в крайнем случае. Когда я подошла к магазину, то увидела две машины, стоявшие рядом, и рыжеволосую девушку, опиравшуюся на их капоты. Тамми. Мне очень нравилась эта девушка, но она была ужасной болтушкой. Не желая откладывать поиски, я отступила в тень и превратилась в мужчину неприметной наружности, чтобы она меня не узнала. Тамми села в машину, не обратив на меня никакого внимания.

Отойдя подальше, я снова приобрела прежний вид. На мгновение у меня закружилась голова, но потом все прошло. Смена пола действительно требовала повышенных затрат энергии. Именно поэтому я отказала Питеру в его просьбе. Возможно, при этом я потеряла часть силы, полученной от Мартина. Часть, эквивалентную нескольким дням жизни. Минимум пара недель еще оставалась, но голод суккуба продолжал давать о себе знать. Сомневаться не приходилось: его спровоцировала моя все усиливающаяся тяга к Роману.

В магазине было суетно, как обычно в разгар рабочего дня. Я быстро прошла в отдел религиозной литературы. Мне часто приходилось направлять туда людей, но я никогда не думала, что изданий Библии так много.

— О боже, — пробормотала я, глядя на Библии для мужчин и женщин, Библии для подростков, иллюстрированные Библии, Библии увеличенного формата, Библии в переплетах с золотым тиснением...

Наконец мне на глаза попала Библия короля Якова^[38]. Разбиралась я в ней плохо, но, по крайней мере, это название было мне знакомо.

Сняв Библию с полки, я нашла шестую главу книги «Бытие» и прочитала эпизод, о котором говорил Эрик:

«Когда люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал.

И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками

(сими), потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди»^[39].

Ничего себе объяснение...

Я перечитала отрывок несколько раз, надеясь выудить из него что-то большее, и пришла к выводу, что Эрик неправильно назвал номер главы. В конце концов, его отвлекали. По моему, эти строки не имели никакого отношения ни к падшим ангелам, ни даже к космической битве добра и зла. Речь шла лишь о продлении человеческого рода. Чтобы понять значение слов «сыны Божий стали входить к дочерям человеческим», не требовалось быть специалистом по Библии. Упоминание в книге о сексе помогало продавать книги и встарь, и теперь. Наверное, Эрик пошутил?!

— Интересуетесь религией?

Сначала я увидела майку с изображением Пакмена^[40], а потом любопытное лицо Сета. Когда он присел на корточки рядом со мной, я закрыла книгу.

— Боюсь, я заинтересовалась и потеряла к ней интерес одновременно. Это случилось давным-давно. Просто кое-что проверяла... Как поживают Кейди и О'Нил?

— Их расследование значительно продвинулось. — Сет добродушно улыбнулся, и я поняла, что не могу отвести взгляда от его янтарно-карих глаз. В последние дни я получила от него еще несколько сообщений по электронной почте и насладилась несколькими мини-романами, но наше устное общение несколько не улучшилось. — Я только что закончил главу и решил сделать перерыв. Хочу немного пройтись и что-нибудь выпить.

— Без кофеина? — Я выяснила, что Сет не употребляет напитков с содержанием кофеина.

Это казалось мне пугающим и неестественным одновременно.

— Да, без кофеина.

— Вам не следует от него отказываться. Кофеин повышает работоспособность.

— Ах да, верно. Вы считаете, что я пишу недостаточно быстро.

Я застонала, вспомнив день нашей встречи.

— Кажется, тогда я сама немного поторопилась.

— Ни в коем случае. Вы говорили прекрасно. Я никогда этого не забуду.

Как во время урока танцев, с лица Сета на мгновение соскользнула маска, и я снова увидела мужской интерес и восхищение. Сидя на корточках рядом с ним, я ощущала то же чувство, которое испытывала рядом с Дагом или одним из бессмертных. Чувство непринужденности и спокойствия. Как будто мы с Сетом знали друг друга всю жизнь. Возможно, оно передалось мне через его книги.

Но, как ни странно, к этому ощущению примешивалась неловкость. Меня что-то отвлекало. Я начала обращать внимание на его узкие, но мускулистые плечи и нечесанные русые волосы, обрамлявшие лицо, замечать его сексуальную щетину, изучать очертания губ... Почувствовав, как внутри зашевелилась жажда жизненной энергии, я отвернулась и подавила желание прикоснуться к его лицу. Трансформация около магазина причинила мне больше вреда, чем я думала. По-настоящему заправиться энергией мне еще не требовалось, но инстинкт суккуба брал свое. Скоро мне придется его утолить, но не с Сетом.

Я поспешно встала, все еще держа в руках Библию, и хотела уйти. Но Сет поднялся

одновременно со мной.

— Ну, — неловко сказала я, когда пауза затянулась, — мне пора за работу.

Сет кивнул, а потом нерешительно начал:

— Я...

— Да?

Он проглотил слюну, отвернулся, потом снова посмотрел на меня и сказал так, словно бросился с разбега в холодную воду:

— В воскресенье состоится одна вечеринка, и я подумал... подумал, что если вы не заняты и не работаете, то могли бы... если захотите, пойти со мной.

Я широко раскрыла глаза и потеряла дар речи. Сет Мортенсен меня куда-то приглашает? Неужели у нас наконец-то получилась связная беседа? А если прибавить еще и то, что впервые он показался мне привлекательным, можно было подумать, что мир перевернулся с ног на голову. Но хуже всего оказалось то, что мне хотелось принять приглашение. Все, имеющее отношение к Сету, представлялось правильным и естественным, хотя рядом с ним я и не испытывала того возбуждения, которое ощущала с красавцем Романом. Наши отношения с Сетом были странными, но мне искренне нравился этот писатель, не имевший ничего общего с героями своих романов.

Однако принять приглашение я не могла. Я обругала себя за то, что пыталась флиртовать с ним. Это сыграло свою роль, несмотря на все мои старания сделать наши отношения платоническими. Я была разочарована и в то же время хвалила себя за благоразумие.

— Нет, — решительно ответила я, придя в себя.

— Ох...

У меня не осталось выбора. Каким бы привлекательным ни казался мне Сет, завязать близкую дружбу с автором моих любимых романов было слишком рискованно.

Поняв, что мой ответ прозвучал очень грубо, я попыталась это как-то компенсировать. Нужно было просто сказать, что я занята. Вместо этого я начала бормотать слова, которые несколько лет назад говорила Дагу:

— Понимаете... сейчас я не хочу ни с кем встречаться и вступать в близкие отношения. В этом нет ничего личного... Конечно, вечеринка — дело хорошее, но я просто не могу принять ваше приглашение... Я уже сказала, что дело не в вас. Просто мне так легче. Без свиданий, без связей и прочего...

Сет долго и задумчиво изучал меня, и я невольно вспомнила тот первый вечер, когда объясняла свое правило пяти страниц.

Наконец он произнес:

— Что ж, ясно... Но разве вы не встречаетесь с тем высоким черноволосым парнем?

— Нет. Мы не встречаемся. Мы просто друзья. Ну, типа того.

— Ясно, — повторил Сет. — Значит, с друзьями на вечеринки не ходят?

— Нет. — Внезапно я пожалела о своих словах. — С друзьями иногда пьют кофе. Здесь, в магазине.

— Я не пью кофе.

Его слова прозвучали очень резко. Я почувствовала себя так, словно получила пощечину. Ситуация оказалась крайне неловкая. За всю мою жизнь таких у меня было не больше пяти. Пауза затягивалась. Наконец, я неуклюже воспользовалась своим прежним предложением:

— Мне пора работать.

— О'кей. Еще увидимся.

Просто друзья, просто друзья... Сколько раз я повторяла эти слова? Сколько раз лгала, боясь взглянуть правде в глаза? Это началось много веков назад, когда я обманула мужа, прячась от действительности и не желая признавать очевидное даже тогда, когда наши отношения испортились.

«Просто друзья?» — повторил Кириакос, глядя мне прямо в глаза.

«Конечно. Сам знаешь, он и твой друг тоже. Он составляет мне компанию в твое отсутствие, только и всего. Без тебя мне одиноко».

Но я никогда не говорила мужу, как часто ко мне приходил его друг Аристон и как мы искали предлог, чтобы дотронуться друг до друга. Ох, эти случайные прикосновения... Однажды он подал мне руку, помогая встать. А потом наступил день, воспоминание о котором обжигает меня до сих пор. Аристон потянулся за бутылкой, стоявшей по другую сторону от меня, и нечаянно коснулся моей груди. Я невольно ахнула, а он на мгновение задержался и только потом продолжил движение.

Не говорила я Кириакоосу и о том, что Аристон заставлял меня испытывать то, что я ощущала в свой медовый месяц, чувствовать себя умной, прекрасной и желанной. Аристон оказывал мне такое же внимание, которое тогда проявлял Кириакос.

А Кириакос... Да, он тоже любил меня, но эта любовь проявлялась уже не так часто, как раньше. Он допоздна работал на отцовском поле, а когда приходил домой, то либо сразу засыпал, либо играл на флейте. Я ненавидела эту флейту... ненавидела и любила ее. Ненавидела за то, что Кириакос уделял ей больше внимания, чем мне. Но когда вечерами я сидела на крыльце и слышала игру мужа, то восхищалась его искусством и умением извлекать такие красивые звуки.

Однако факт оставался фактом: по ночам Кириакос редко притрагивался ко мне. Когда я говорила ему, что так не забеременею, он смеялся и отвечал, что без детей мы не останемся. Но это тревожило меня: я почему-то считала, что ребенок поможет укрепить наши отношения. Я, вынянчившая своих младших сестренок, тосковала по малышу. Мне нравились детская честность и невинность, я верила, что в состоянии воспитать своего ребенка хорошим человеком. В те дни я больше всего любила держать детей за руки, промывать им ссадины и рассказывать сказки. Потом мне понадобилось удостовериться в том, что я действительно смогу родить. В те времена три года бездетной супружеской жизни считались очень долгим сроком. Люди начали шептаться, что бедная Лета бесплодна. Я ненавидела их намеки и притворную жалость.

Я собиралась рассказать Кириакоосу все, что было у меня на уме. Все до последнего. Но он так старался прокормить нас, что я не могла его огорчать. Это оказалось выше моих сил. Я не хотела нарушать мир и спокойствие, наполнявшие наш дом. К тому же Кириакоосу нравилось мое тело. Стоило его слегка поощрить, и он отвечал на мой призыв. В движениях Кириакоса была та же страсть, которая чувствовалась в его музыке.

Но когда я смотрела на Аристона, то понимала, что он в поощрении не нуждается. В отсутствие Кириакоса это начинало значить для меня все больше и больше.

Просто друзья, просто друзья... Я стояла, смотря вслед ушедшему Сету, и гадала, почему этими словами до сих пор пользуются другие. Впрочем, ответ итак был известен. Потому что верят в это. Или хотят верить.

Когда я спустилась по лестнице, грустная, сердитая и растерянная одновременно, то

увидела, что меня ждет неприятный сюрприз. У кассы стояла Елена из «Хрустального пинцета» и отчаянно размахивала руками.

Елена здесь. На моей территории.

Я заставила себя выбросить из головы Сета и, все еще держа в руках Библию, шагнула вперед и в лучших традициях менеджмента спросила:

— Чем могу служить?

Елена круто обернулась, забренчав своими кристаллами.

— Вот она! Та, которая переманивает моих служащих!

Я посмотрела на прилавок. Увидев меня, Кейси и Бет испытали облегчение. Слава Богу, Тамми и ее подруга Джейнис находились в каком-то другом помещении. Им следовало держаться как можно дальше. Я ответила абсолютно спокойно, зная, что покупатели все слышат:

— Не понимаю, о чем вы говорите.

— Не притворяйтесь! Все вы прекрасно понимаете. Вы пришли в мой магазин, устроили скандал, а потом переманили моих продавцов. Они уволились без предупреждения!

— Недавно мы действительно приняли на работу несколько человек, — вежливо ответила я. — Я не помню, где они работали до этого, но как заместитель заведующего могу вам только посочувствовать. Когда служащие уходят без предупреждения, это создает массу неудобств.

— Прекратите! — крикнула Елена. Теперь она даже отдаленно не походила на уверенную в себе даму, которой была всего неделю назад. — Думаете, я не вижу, что вы лжете? Вы ходите в темноте, а ваша аура корчится в пламени!

— Кто корчится в пламени?

Привлеченные зрелищем, к нам подошли Даг и Уоррен.

— Она! — показывая на меня, заявила Елена пронзительным голосом участника движения «Новая эра».

Уоррен посмотрел на меня с таким любопытством, словно действительно надеялся увидеть вокруг меня огонь.

— Джорджина?

— Она украла моих служащих. Просто пришла и увела их. Знаете, я могу подать в суд. Когда я расскажу своим адвокатам...

— Каких служащих?

— Тамми и Джейнис.

Я поморщилась, не ожидая ничего хорошего. У Уоррена имелось множество недостатков, но он был профессионалом и умел улаживать покупателей. Но если ему придет в голову разобраться, в чем тут дело...

Он нахмурился, пытаясь вспомнить лица.

— Пойдите... Кажется, сегодня я столкнулся с одной из них на автостоянке.

— Да. С Тамми.

Уоррен коротко фыркнул.

— Нет, мы их не отдадим.

Елена стала красной как свекла.

— Вы не можете...

— Мэм, прошу прощения за причиненные неудобства, но я не могу уволить служащих, которые уже подписали с нами трудовое соглашение и больше не хотят работать у вас.

Текучка для предприятий торговли — дело обычное. Я уверен, что скоро вы найдете достойную замену.

Тут Елена снова переключилась на меня:

— Я этого вам не забуду! Даже если я не смогу доказать, что за этим скрываетесь вы, вселенная накажет вас за лживость и жестокость! Вы будете несчастной и умрете в одиночестве. Так ничего и не достигнув.

И это говорит сторонница движения «Новая эра», призывающего к любви и доброте... Ее фразы о смерти меня не пугали, но другие проклятия достигли цели. «Несчастной и в одиночестве».

Однако Уоррену не было до этого дела.

— Мэм, Джорджину нельзя упрекнуть ни в жестокости, ни в лживости. Она душа этого магазина, и я полностью доверяю ее мнению. В том числе и в отношении ваших бывших служащих. Вы ничего не хотите приобрести? Если нет, то попрошу вас уйти. Иначе мне придется вызвать полицию.

Елена продолжила изрыгать проклятия, потешая стоявших в очереди покупателей. Но, к моему удивлению, Уоррен стоял на своем. Обычно он стремился умаслить клиента, часто за счет своих служащих, но сегодня он делать этого не собирался. Новость была приятная.

Когда Елена ушла, он молча вернулся в свой кабинет, а мы с Дагом остались. Вскоре его удивление сменилось смехом.

— Ну, Кинкейд, ты в своем репертуаре.

— Я тут ни при чем.

— Не морочь мне голову. Пока ты не начала здесь работать, старые ведьмы у нас в магазине не появлялись.

— Откуда ты знаешь? Я пришла сюда раньше тебя. — Я посмотрела на часы и задумалась. — Ты еще побудешь здесь?

— Да. К счастью для тебя. А что?

— Так просто. — Я пошла в заднюю часть магазина.

Но свернула не налево, а направо. К кабинету Уоррена. Он сидел за письменным столом и собирал чемоданчик.

— Только не говори мне, что она вернулась.

— Нет. — Я закрыла за собой дверь. Он поднял глаза. — Просто я хотела поблагодарить тебя.

Уоррен прищурился.

— Избавляться от чокнутых покупателей — часть моей работы.

— Да, но в прошлый раз мне пришлось извиняться.

Он пожал плечами, вспомнив случай, произошедший около года назад.

— Тогда было совсем другое дело. Ты назвала пожилую женщину ханжой и патологической фашисткой.

— Но ведь это правда.

— Это ты так считаешь. — Он все еще следил за каждым моим движением.

Я подошла и положила Библию на письменный стол. Потом забралась в кресло и раздвинула ноги, от чего моя узкая красная юбка, задралась и обнажила эластичный кружевной край черных чулок. Наклонившись вперед, я провела зубами по его губам, а потом жадно впилась в них. Он пылко ответил на поцелуй, машинально провел ладонями по моим бедрам и сжал ягодицы.

— О боже, — выдохнул он, когда мы слегка отодвинулись друг от друга.

Его левая рука потянулась к моему лицу, а правая — к кусочку ткани, который я носила под юбкой. Его пальцы проšliсь по его кружевному краю и проникли в мое увлажнившееся влагалище — сначала нежно, а потом властно. От наслаждения я тяжело задыхалась. Уоррен с одобрением следил за мной.

— Что бы это значило?

— Ты о чем? Мы занимаемся этим все время.

— Но ты никогда не проявляла инициативу.

— Я же сказала, что хотела тебя поблагодарить. Я не лгала.

Его защита меня тронула. Но дать себе волю меня заставила физическая тяга к Роману, а теперь, возможно, и к Сету. Легче всего было утолить голод суккуба за счет Уоррена.

Рука, прикасавшаяся к моему лицу, играла с завитком волос. Лицо Уоррена приняло задумчивое выражение, но он не перестал ласкать меня.

— Джорджина... Я надеюсь... Надеюсь, ты знаешь, что наши отношения никак не влияют на твое служебное положение. Ты ничем мне не обязана и не потеряешь свое место, если...

Я громко засмеялась, удивленная его необычной тактичностью.

— Знаю.

— Я серьезно...

— Знаю, — повторила я и укусила его за нижнюю губу. — Не надо нежностей. Я пришла сюда не за этим.

Уоррен больше не прерывал меня, и я начала получать наслаждение. Ощущение его губ на моей коже, его руки, дерзко ласкающие мое тело... Я все утро мечтала о сексе и теперь была готова заняться любовью с кем угодно. Он снял с меня блузку и бросил ее на пол. За ней последовали юбка и стринги. Я осталась в чулках, лифчике и туфлях на высоком каблуке. Все, что на мне осталось, было черного цвета.

Уоррен приподнялся в кресле, чтобы я могла спустить с него брюки и трусы. Затем я обхватила голени его бедра, насколько позволяло кресло, резко опустилась и приняла его в себя. Потом мы ритмично задвигались. Опустив глаза, я наблюдала, как наши тела сливаются, становясь единым целым. В комнате не было слышно никаких других звуков, кроме нашего тяжелого дыхания.

Я чувствовала исходящий от Уоррена поток энергии, но ее мощь не шла ни в какое сравнение с тем, что я получила от Мартина. Ощущения суккуба зависят от характера жертвы. Высокоморальные личности отдадут суккубу больше, но при этом теряют значительную часть своей жизненной силы. Низкие души несут гораздо меньшие потери. Пока мы занимались с Уорреном любовью, я улавливала обрывки его мыслей. Это было вполне естественно. Они приходили ко мне вместе с его праной^[41].

Конечно, на первом месте у него стояло желание. Одновременно он был горд, что овладевает красивой молодой женщиной, и удивлен. Слабые угрызения совести из-за измены жене и нежность, которую он испытывал ко мне раньше, уступили место голой похоти. «Ах, как мне нравится, как она это делает. Надеюсь, она не остановится, и я достигну пика наслаждения».

Конечно, все так и произошло. Мои движения становились все более быстрыми. Наконец, я откинула голову и замерла. Мое дыхание постепенно восстанавливалось.

Поступление энергии тоже шло неплохо. Сначала она просачивалась в меня

пульсирующими тонкими нитями, затем заструилась ручьем, а потом хлынула как река. Это ощущение ничуть не уступало плотскому наслаждению.

Потом мы оделись, и я пошла к двери. После секса Уоррен всегда чувствовал себя уставшим. Он считал, что это все из-за возраста, особенно если имеешь дело с молодой и активной женщиной, и по-другому просто не может быть. Я его ни в чем не разуверила, но всегда старалась уйти незаметно, чтобы он не испытывал угрызений совести за свою усталость. Уоррен сильно переживал, что не мог продолжить любовную игру.

— Джорджина, зачем ты принесла Библию? — спросил он, заставив меня обернуться. — Ты что, пытаешься обращать покупателей в истинную веру?

— Да нет, просто искала кое-что для подруги. Правда, имеющее отношение к сексу.

Он вытер со лба пот.

— Я много лет хожу в церковь, а потому кое-что помню. В том числе и библейские описания соития.

— Ну, это рассказы не столько о самом сексе, сколько о способе продления человеческого рода.

— Таких там много.

Повинуясь внезапному порыву, я подошла к нему и показала шестую главу «Бытия».

— Видишь? — Я показала пальцем на нужные строчки. — Тут говорится, что мужчины берут в жены женщин. Причем это повторяется трижды.

Уоррен стал хмуро изучать отрывок, и я вспомнила, что когда-то, причем довольно долго, он изучал литературоведение.

— Ну да, повторяется. Потому что выражение «люди начали умножаться на земле» относится к смертным.

Я вытаращила глаза.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что «сыны Божьи» — это не люди. А ангелы.

— Что? — Если бы я держала книгу в руках, то уронила бы ее. — Ты уверен?

— Конечно. Я уже сказал, что посещаю церковь регулярно. Этот термин используется во всем тексте Священного Писания. — Он перелистал Библию и нашел «Книгу Иова». — Видишь? *«Был день, когда пришли сыны Божий предстать пред Господом, между ними пришел и Сатана»*. Здесь речь идет об ангелах. В данном случае — о падших ангелах.

Я проглотила слюну.

— Если так, то что... что они делали в «Бытии»? С дочерьми человеческими? Неужели... неужели ангелы занимались сексом со смертными женщинами?

— Ну, тут же говорится, что эти женщины были красивыми. Разве можно осуждать ангелов? — Он с восхищением посмотрел на меня. — Не знаю. Сама понимаешь, о таких вещах в церкви говорят редко. В основном там осуждают человеческие грехи, но я не обращаю на это внимания.

Онемев, я уставилась на Библию, но у меня в мозгу уже роились догадки и предположения. Когда я не ответила на шутку, Уоррен посмотрел на меня с любопытством.

— Я помог тебе?

— Да, — очнувшись, ответила я. — Очень.

Потом я второй раз за день удивила Уоррена, нежно поцеловав его в губы. Затем взяла Библию и ушла.

Глава четырнадцатая

— Ты собрала нас здесь, чтобы изучать библейскую порнографию?

Хью равнодушно отвернулся от кухонного стола, за которым сидели я и вампиры. Его синяки уже почти прошли. Бес сунул в рот сигарету и достал из кармана пиджака зажигалку.

— Не кури здесь! — приказала я.

— Это еще почему? Хочешь сказать, что ты не смолила большую часть двадцатого века?

— Ничего подобного я не говорю. Но больше не курю. К тому же это вредно для Обри.

Услышав свое имя, кошка прекратила умываться и покосилась на Хью. Тот ответил ей долгим взглядом, затянулся и положил рядом с Обри зажженную сигарету. Она продолжила умываться, а он стал расхаживать по квартире.

Сидевший рядом со мной Коди перегнулся через стол и начал изучать протянутую мной Библию.

— Не понимаю, почему эти ребята ангелы. Кажется, выражение «сыны Божьи» всегда употреблялось по отношению к людям. Разве не все мы Божьи дети?

— Конечно, к присутствующим это не относится, — откликнулся Хью из гостиной. — Иисусе! Где ты взяла этот книжный шкаф? В Хиросиме?

— Теоретически да, — согласилась я, отвечая на вопрос Коди и не обращая внимания на слова беса. После своего открытия я внимательно изучила Библию и больше не могла на нее смотреть. — Но Уоррен прав: в книге этот термин относится к ангелам. Кроме того, женщин не называют дочерьми Божьими. Они дочери человеческие. Иными словами, они люди, а их мужья — нет.

— Может быть, мы имеем дело с добрым старым сексизмом^[42]. — Питер недавно решил сбрить волосы. Я не считала, что это пошло вампиру на пользу: форма его черепа была далеко не идеальной. — В Библии его хватает.

— Нет. Я думаю, Джорджина права, — вернувшись на кухню, сказал Хью. — Теперь мы знаем, что могло заставить ангела пасть. Похоть — гораздо более серьезная причина для грехопадения, чем чревоугодие или лень.

— Ладно, допустим, — согласился Питер. — Но какое это имеет отношение к охотнику на вампиров?

— Смотри сюда. — Я показала на четвертый стих шестой главы. — Тут сказано: *«В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им. Это сильные, издревле славные люди»*. Главными здесь являются слова «в то время» и «с того времени». Отсюда следует, что ангелы грешили с женщинами не раз. Это и есть ответ на наш вопрос, способны ли ангелы совершить грехопадение в наши дни. Способны.

Коди задумчиво кивнул.

— Это подтверждает твою гипотезу, что один из них сейчас пытается совершить подобное.

— Но не означает, что им движет в первую очередь сладострастие, — возразил Хью. — По-моему, главное для него — это причинить телесные повреждения.

— Если только это не страсть к Джорджине, — саркастически заметил Питер. — Кажется, он считает тебя хорошенькой.

Что-то в словах Хью привлекло мое внимание.

— С чего ты взял, что нападения и причинение телесных повреждений вампирам и бесам непременно заставят ангела пасть? Конечно, силам добра это может не понравиться, но я не убеждена, что убийство слуги зла непременно превращает ангела в демона.

— Прошное показывает, что другая сторона не слишком терпимо относится к правонарушителям, — заметил бес.

— А наша? — спросил Питер.

Коди смерил меня пытливым взглядом.

— Ты опровергаешь собственную гипотезу?

— Нет-нет. Просто пытаюсь понять, что такое грехопадение, вот и все. Может быть, правильное пользоваться терминами «мошенничество» или «рenegатство»^[43].

— Но в твоей записке говорится именно о грехопадении ангела, — напомнил Хью. — Это наверняка что-то значит. Мы имеем дело либо с подсказкой, либо с плохой шуткой.

Ах да, записка... Хью был прав. Я чувствовала, ее содержимое очень важно, но не могла его понять.

— Похоже, с чувством юмора у ангелов не очень, — пробормотал Питер. — Если судить по Картеру.

Я немного помедлила. Стоит ли делиться с ними своей второй догадкой? Кажется, первая гипотеза их убедила... Ладно. Пан или пропал.

— Ребята, не думаете ли вы... не думаете ли вы, что за всем этим может стоять Картер?

Три пары глаз с изумлением уставились на меня. Первым заговорил Хью:

— Что? Ты с ума сошла! О господи, я знаю, что вы все время препираетесь, но если ты думаешь...

— Картер — один из нас! — злобно заявил Коди.

— Знаю-знаю. — Я быстро объяснила, что стоит за этим обвинением, рассказав о том, что Картер пытался следить за мной и о последующей беседе с Эриком.

Наступило молчание. Наконец Питер произнес:

— Все это странно. Но я продолжаю считать, что Картер, тут ни при чем.

— Только не Картер, — подтвердил Хью.

— Понятно. Вы моментально обвинили меня в смерти Дьюана, но Картер тут ни при чем. — Меня разозлила их твердая уверенность в невинности Картера. — Если так, то почему он якшается с нами? Вы когда-нибудь слышали об ангеле, который путается с нечистой силой?

— Мы его друзья, — сказал Коди.

— С нами ему веселее, — добавил Хью.

— Если хочешь, можешь в это верить, а я подожду. То, что он таскается по пивным с демоном и его подручными, дает ему идеальную возможность шпионить за нами. Вы защищаете Картера, потому что он ваш собутыльник.

— Джорджина, а ты не думаешь, что кто-то специально настроил тебя? Согласен, гипотеза насчет свихнувшегося ангела со временем становится все более и более правдоподобной, но при чем тут Картер?

— Да, — сказал Хью. — Никаких улик против Картера у тебя нет. Все знают, что вы не ладите.

Я посмотрела в их сердитые глаза.

— А как вы тогда объясните его приход к Эрику?

Бес покачал головой.

— Мы все знаем Эрика. Картер мог прийти к нему за тем же, что и ты.

— А как быть с тем, что он сказал?

— И что же такого он сказал? — осведомился Питер. — «Эй, Джорджина, ты получила мою записку?» Это ничего не доказывает.

— Послушай, я пока не утверждаю, что он на сто процентов виновен. Просто в данных обстоятельствах...

— Мне пора, — вставая, объявил Коди.

У меня отвисла челюсть. Неужели я довела их до такого состояния?

— Я понимаю, что ты со мной не согласен, но уходить вовсе не обязательно.

— Это тут ни при чем. Просто у меня есть дела.

Питер возвел глаза к небу.

— Знаешь, Джорджина, не ты одна в последнее время с кем-то встречаешься. Коди не признается, но думаю, что он где-то прячет женщину.

— Живую? — с любопытством спросил Хью.

Коди надел пальто.

— Ребята, вы ничего не знаете.

— Будь осторожнее, — машинально сказала я.

Напряжение внезапно разрядилось. Казалось, больше никто не сердился на меня за подозрения в адрес Картера. Было ясно, что мне не поверили. Они отмели все мои предположения. Так взрослые обычно отвергают детские иррациональные страхи.

Вампиры ушли вместе, а вскоре их примеру последовал и Хью. Я побрела в спальню, пытаюсь все сопоставить и связать в единое целое. Автор записки упомянул об ангелах, совершающих грехопадение из-за прекрасной женщины, это должно было что-то значить. Но я никак не могла увязать это с непонятными нападениями на Дьюана и Хью. В них было больше жестокости и насилия, чем сладострастия и поклонения красоте.

Когда на следующий день я пришла на работу, то обнаружила новое электронное послание от Сета. Я боялась повторных приглашений куда-нибудь, но он просто ответил на мое последнее письмо, в котором я спрашивала, каковы его первые впечатления о северо-западе США. Как обычно, стиль послания был забавным. Казалось, он не обратил на мой резкий вчерашний отказ никакого внимания.

Поднявшись в кафе, я окончательно убедилась в этом. Хотя была суббота, Сет сидел в своем любимом углу и стучал по клавиатуре ноутбука. Я поздоровалась и получила обычный рассеянный ответ. Сет не упоминал о приглашении на вечеринку и не выглядел расстроенным.

Похоже, ему не было до этого никакого дела. Мне следовало радоваться, что он так быстро оправился, но все же мое самолюбие оказалось задето. Я бы не возражала, если бы мой отказ вызвал у него большее сожаление. Например, Дага или Романа он не отпугнул бы. Господи, до чего же я ветреная особа...

Эта мысль заставила меня вспомнить, что сегодня мы с Романом идем на концерт Дага. Подумав о новой встрече с Романом, я затрепетала. Мне не нравилось, что он так действует на меня, у меня не хватало сил ему отказать.

В ближайшие дни между нами должно было произойти решительное объяснение, и я боялась того, чем это могло закончиться. А вдруг Роман откажется от меня так же легко, как это сделал Сет?

Но когда вечером я пригласила Романа в свою квартиру, эти страхи тут же улетучились.

Его наряд представлял собой элегантное сочетание синего и серебристо-серого, каждый волосок и складка одежды были на своем месте. Он подарил мне одну из своих ослепительных улыбок, и я почувствовала себя школьницей, у которой дрожат коленки перед экзаменом.

— Ты понимаешь, что мы идем на концерт группы, которая исповедует постграндж, панк-рок и ска?^[44] Все остальные будут в джинсах и майках. А кое-кто — в коже.

— Самые лучшие свидания всегда заканчиваются в коже. — Он обвел взглядом мою квартиру и задержался на книжном шкафу. — Кажется, ты сказала, что концерт начнется поздно.

— Да. В одиннадцать.

— Значит, у нас еще есть четыре часа. Тебе придется переодеться.

Я посмотрела на свои черные джинсы и красный топ.

— Разве этого недостаточно?

— Признаю, что джинсы подчеркивают твои длинные ноги, но тебе понадобится юбка или платье. То, что ты надевала на танцы, только... более волнующее.

— Никогда не слышала, чтобы эпитет «волнующий» применяли к предметам моего гардероба.

— Верится с трудом. — Он показал на дверь моей спальни. — Ступай. Время идет.

Я вернулась через десять минут в обтягивающем платье из темно-синего креп-жоржета в тонкую полоску. У платья был асимметричный сборчатый подол, обнажавший левое бедро. Я распустила волосы, и теперь они струились по плечам.

Роман, до того внимательно смотревший в глаза Обри, поднял взгляд.

— Действительно волнующе. — Он показал на Библию короля Якова, лежавшую на моем кофейном столике. Книга была открыта. — Мне и в голову не приходило, что ты набожна.

Сет и Уоррен говорили то же самое. По их словам, это разрушало мою репутацию.

— Просто я кое-что искала. Только толку маловато.

Роман встал и потянулся.

— Наверное, дело в том, что этот перевод — один из худших.

Я вспомнила, как в магазине у меня разбегались глаза, когда я выбирала Библию.

— Ты можешь рекомендовать что-нибудь получше?

Он пожал плечами.

— Я не специалист, но на твоём месте выбрал бы научное издание. С комментариями. Из тех, которыми пользуются в колледжах.

«Неужели таинственные строки расшифрованы не до конца?» — промелькнуло у меня в голове, но я тут же забыла об этом. Мне предстоял выход в свет.

Мы отправились в маленький мексиканский ресторан, о котором я до сих пор не слышала. Официанты говорили по-испански (выяснилось, что Роман тоже владеет этим языком), а блюда не были адаптированы к американским вкусам. Когда на столе появились две «Маргариты», я поняла, что один из коктейлей заказан для меня.

— Сегодня я пить не буду. — Я еще не забыла, как меня развезло во время нашего последнего свидания.

Роман посмотрел на меня так, словно я заявила, что для разнообразия собираюсь перестать дышать.

— Должно быть, ты шутишь. Здесь подают лучшие «Маргариты» к северу от Рио-

Гранде^[45].

— Я хочу быть трезвой.

— От одного коктейля с тобой ничего не случится. Если будешь как следует закусывать, то вообще ничего не заметишь. — Я промолчала. — Ради Христа, Джорджина, лизни соль. Потом тебя за уши не оттащишь.

Я неохотно провела языком по краю высокого стакана. Этого оказалось достаточно, чтобы у меня появилось желание попробовать текилу. Это ощущение не уступало тяге суккуба к сексу. Я махнула рукой и сделала глоток. Вкус был фантастический.

Естественно, еда оказалась не хуже коктейля. В конце концов, я выпила две «Маргариты» вместо одной. К счастью, насчет закуски Роман оказался прав: голова у меня почти не кружилась. Я не потеряла контроля над собой и знала, что скоро протрезвею.

— У нас еще два часа, — сказала я, когда мы вышли из ресторана. — Есть предложения?

— Конечно. — Он кивком показал на противоположную сторону улицы, и я машинально посмотрела туда.

«Мигель».

Пришлось раскинуть мозгами.

— Кажется, я что-то слышала об этом месте. Там танцуют сальсу, верно?

— Верно. Ты когда-нибудь пробовала?

— Нет.

— Почему? Я думал, ты у нас королева танцев.

— Я еще не до конца освоила свинг.

Честно говоря, мне ужасно хотелось научиться танцевать сальсу, но повторялась история с книгами Сета Мортенсена, я предпочитала растягивать удовольствие. Свинг продолжал привлекать меня, и я хотела насладиться им до конца, прежде чем поставить на этом танце крест. Долгая жизнь учит смаковать приятное.

— Одно другому не мешает. — С этими словами он взял меня за руку и повел через улицу.

Я пыталась возражать, но не могла объяснить причину, а потому сдалась так же легко, как в случае с «Маргаритами».

В клубе оказалось тепло и многолюдно, а музыка была просто божественная. Когда Роман заплатил за вход и провел меня в зал, мои ноги стали сами собой отбивать ритм. Роман оказался специалистом не только по свингу, но и по сальсе, и вскоре я совсем освоилась. После двух «Маргарит» было трудно продемонстрировать свой талант во всей красе, но я танцевала многие века, и это давало о себе знать.

Сальса оказалась намного сексуальнее свинга. Нет, свинг тоже был ничего, но в этом танце ощущалось что-то темное и грешное. Приходилось волей-неволей реагировать на близость тела другого человека и совместное движение бедер. Теперь я понимала, почему Роман просил меня выбрать волнующий наряд.

Примерно через полчаса мы сделали перерыв и прошли в бар.

— Теперь ты должна попробовать мохито^[46], — сказал он мне и сделал знак бармену. — Не будем изменять латинской теме.

— Я не могу...

Но меня уже никто не слушал. Мохито, появившийся как из-под земли, был бесподобен. Я выпила напиток быстрее, чем следовало: мне не терпелось вернуться в зал.

Когда настала пора отправляться на концерт Дага, постграндж, панк-рок и ска уже не казались мне притягательными. Я, возбужденная танцами, выпила еще один коктейль и стопку текилы. Сальса стала моей новой страстью, и я молча ругала Романа за то, что он привил мне эту страсть. Его изящные движения были соблазнительными, а прикосновения заставляли меня дрожать и мучиться от желания.

Держась за руки, мы вывалились на улицу, с трудом отдышались и начали смеяться. У меня слегка кружилась голова, и я решила, что мы уходим как раз вовремя. Управлять своими движениями мне уже было не под силу.

— Слушай, ты не помнишь, где мы оставили машину?

— Не говори ерунды. — Я показала ему на желтую вывеску. — Придется взять такси.

— Брось. Я еще не так пьян.

Но ему хватило ума не возражать, так что до пивоварни нас довез таксист. Люди входили и выходили из клуба, до группы Дага там выступали еще два коллектива. Как я и боялась, наши роскошные наряды резко контрастировали с грубой и вызывающей одеждой молодежи, но после слов Романа это показалось мне пустяком.

— Не обращай внимания, — посоветовал он, когда мы пробились в тесную пивоварню. — Эти ребята считают нас старыми конформистами^[47], но они сами являются такими же. Только их конформизм заключается в отрицании конформизма.

Я поискала взглядом сотрудников магазина, надеясь, что они заняли нам стол.

— О нет. Не надо говорить о политике в пьяном состоянии.

— Я и не собираюсь. Просто я устал от того, что люди всегда пытаются примкнуть к какой-то группе, правой или левой. Я горжусь тем, что являюсь самым нарядным человеком в этом зале. Знаешь, каков мой девиз? «Живи по собственным правилам».

Тут я увидела Бет и потащила Романа к столу на противоположном конце зала. Рядом с ней сидели знакомые лица: Кейси, Энди, Брюс... и Сет. У меня внутри похолодело.

— Красивое платье, — сказал Брюс.

— Мы заняли тебе место. — Кейси показала на стул. — Я не знала, что ты придешь с... другом.

Но ситуация со стулом меня не волновала. Увидев задумчивое, но спокойное лицо Сета, я покраснела и почувствовала себя полной идиоткой. Оставалось только повернуться и уйти. Сначала я отказала ему, сказав, что ни с кем не встречаюсь, а теперь явилась на концерт под ручку с Романом, вдребезги пьяная. Страшно представить, что он теперь обо мне подумает...

— Нет проблем, — заявил Роман, не обращая внимания на мои переживания и смущенные взгляды коллег. Он сел на стул и посадил меня на колени. — Мы поделимся.

Энди сходил в бар и принес пиво всем, кроме Сета, который воздерживался не только от кофеина, но и от алкоголя. Мы с Романом рассказали, где были, и назвали сальсу последним пискom моды, после чего коллеги потребовали, чтобы я начала второй курс уроков танцев.

Вскоре на сцену вышла группа Дага, и мы дружно захлопали в ладоши, приветствуя превращение Дага — заместителя заведующего — в Дага — солиста группы «Ночной прием». Пиво лилось рекой. Ничего хуже придумать было нельзя, но я уже не могла остановиться. Кроме того, у меня появилось множество других забот. Например, избегать взгляда молчаливого Сета. Смаковать близость тела Романа, прикосновение его груди к моей спине и его рук к моей талии. Его подбородок лежал на моем плече, что позволяло ему шептать мне на ухо и время от времени проводить губами по моей шее. Выпуклость под

моими бедрами свидетельствовала, что эта поза доставляла удовольствие не только мне.

Во время антракта к нам подошел потный и возбужденный Даг. Увидев меня на коленях у Романа, он сказал:

— Кинкейд, ты слишком вырядилась. — А потом подумал и добавил: — Или наоборот. Трудно сказать.

— На себя посмотри, — огрызнулась я, допивая вторую бутылку пива.

Или третью?

На Даге красовались красные виниловые брюки в обтяжку, солдатские ботинки и длинный пиджак из фиолетового бархата, оставлявший грудь обнаженной. На его голове косо сидел рваный цилиндр.

— Крошка, я принимаю участие в представлении.

— Я тоже, крошка.

Кое-кто из присутствующих хихикнул, Даг неодобрительно посмотрел на меня, но ничего не сказал и стал обсуждать с Бет количество публики, пришедшей на концерт.

Я достигла такого состояния, что собственные ощущения стали для меня главным, так иногда бывает при сильном опьянении. Голоса и звуки, раздававшиеся вокруг, превратились в какофонию, лица и цвета слились в сплошное туманное пятно. Я чувствовала только Романа. Каждый мой нерв ныл, мне хотелось, чтобы руки, лежавшие на моем животе, скользнули вверх и стиснули мои груди. Я чувствовала, как затвердели соски под тонкой тканью, и мечтала повернуться и оказаться к нему лицом.

— Туалет! — вдруг воскликнула я и неуклюже слезла с Романа. Моему мочевому пузырю оставалось только поражаться. Еще минуту назад было терпимо, а теперь... — Где здесь туалет?

Коллеги странно посмотрели на меня. Впрочем, может, мне показалось.

— Вон там, — кивнула Кейси. Она была совсем рядом, но ее голос доносился откуда-то издалека. — Ты в порядке?

— Да. — Я поправила спустившуюся бретельку. — Просто мне нужно воспользоваться туалетом. — «И оказаться подальше от Романа, — мысленно добавила я, — чтобы прийти в себя. Конечно, если такой подвиг мне еще по силам».

Роман сделал неловкую попытку подняться, хотя был пьян не меньше.

— Я провожу тебя...

— Я сам это сделаю, — быстро вмешался Даг. — Мне все равно по дороге. Пора начинать второе отделение.

Он взял меня за руку и повел через толпу к менее забитому коридору. Заметив, что я слегка спотыкаюсь, Даг замедлил шаг и помог мне.

— Сколько ты выпила?

— До концерта или уже здесь?

— Черт побери, тебя совсем развезло.

— А ты против?

— Ничуть. Как, по-твоему, чем я сам занимаюсь в свободные вечера?

Мы остановились у дамского туалета.

— Держу пари, Сет думает, что я пьяница.

— С какой стати?

— Ты хоть раз видел, чтобы он что-то пил? Чертов святоша. Ни кофеина, ни алкоголя. Дерьмо...

Темные глаза Дага блеснули. Мой лексикон его удивил.

— Знаешь, не все непьющие презирают пьющих. Кроме того, Сет беспокоит меня меньше, чем мистер Рукастый.

Я вытаращила глаза.

— Ты имеешь в виду Романа?

— Ты долго отказывалась ходить на свидания, а теперь чуть ли не залезаешь на него на глазах у всех.

— Ну и что? — с жаром ответила я. — По-твоему, я не имею права с кем-то встречаться? Не имею права делать то, что мне хочется, а не то, что нужно? — Мои слова прозвучали более горько и громко, чем следовало.

— Имеешь, имеешь, — успокоил меня Даг, — но сегодня ты не в себе. Если забудешь об осторожности, то наделаешь глупостей, о которых потом пожалеешь. Попроси Кейси или Бет отвезти тебя домой...

— Ну, ты и тип! — Я знала, что несу чушь, знала, что могу положиться на рассудительность Дага, но уже не могла остановиться. — Ты пытаешься вмешиваться и защищать мое целомудрие только потому, что я не встречаюсь с тобой и предпочитаю спать с Уорреном и другими. Если не мне, то никому, верно?

Даг побледнел. Люди уставились на нас.

— О господи, Джорджина, ты...

— Ханжа долбаный! — крикнула я. — Ты не имеешь права указывать мне! Никакого права, твою мать!

— Я не...

Я не дослушала, что он хотел сказать. Развернулась и влетела в дамский туалет — единственное место, куда можно было сбежать от этих проклятых мужиков. Закончив свои дела, я пошла мыть руки и посмотрела на свое отражение в зеркале. Меня что, действительно развезло? Щеки разругались, из прически выбилось несколько локонов, лоб покрылся испариной. Ничего страшного. Бывало и хуже.

Я не торопилась выходить из туалета, боясь, что у дверей ждет Даг. Говорить с ним мне не хотелось. Тут вошла женщина с зажженной сигаретой. Я стрельнула у нее одну, закурила и забилась в угол, чтобы скоротать время. Когда снова раздались звуки музыки, я поняла, что больше мне ничто не грозит.

Я вышла из туалета и тут же налетела на Романа.

— Ты в порядке? — поддержав меня за талию, спросил он. — Когда ты не вернулась, я начал волноваться.

— Да... в порядке... э-э... нет... Не знаю, — вцепившись в него, призналась я. — Не знаю, что происходит. Я чувствую себя как-то странно.

— Все о'кей, — заверил он, поглаживая меня по спине. — Все будет хорошо. Ты хочешь уйти?

— Не знаю... — Я слегка отстранилась, посмотрела в его сине-зеленые глаза, утонула в их глубине, и мне стало наплевать на все.

Я не знала, кто начал первым — это мог быть любой из нас, — но мы стали целоваться прямо в коридоре. Объятия становились все крепче. Алкоголь усиливал желание, но притуплял ощущение поглощения энергии. Должно быть, это все же происходило, потому что внезапно Роман резко отстранился и с ужасом посмотрел на меня.

— Странно... — Он провел ладонью по лбу. — Я почувствовал... У меня вдруг

закружилась голова. — Он немного помедлил, а затем снова привлек меня к себе.

Так же, как поступали и все остальные. До них никогда не доходило, что это дело моих рук. Я причиняла им вред, но им было этого мало.

Эта крошечная пауза позволила мне на мгновение развеять пьяный дурман и собрать остатки здравого смысла. Что я делаю? Что себе позволяю? Каждая встреча с Романом заставляла меня выходить за рамки дозволенного. Сначала я сказала, что мы не будем встречаться. Потом согласилась встречаться время от времени. Сегодня вечером поклялась, что не буду пить, а сейчас еле стою на ногах. Целуюсь, нарушая собственное табу. И все это ведет к неизбежному...

Я представила себе, что с нами случится после секса. Роман лежит бледный и измученный, лишенный жизненной силы. Окутывающая меня энергия потрескивает, как электрический ток, а он с недоумением смотрит на меня, не догадываясь, что произошло. Это обойдется ему в несколько лет жизни. Все будет зависеть от того, сколько энергии я украду у него. Не для кого ни секрет, что некоторые небрежные суккубы даже убивали своих жертв, слишком быстро выпивая из них жизнь.

— Нет... нет... не надо.

Я оттолкнула Романа, не желая, чтобы осуществилось то, что рисовало мое воображение, но он не отпускал меня. Внезапно за его плечом я увидела идущего по коридору Сета. Заметив нас, он остановился, однако я была слишком занята, чтобы обратить на это внимание.

Я собралась уже снова поцеловать Романа, увести его туда, где мы окажемся наедине, разденемся и я смогу сделать с ним все, о чем мечтала. Еще один поцелуй... всего один, и я бы не смогла остановиться. Я слишком хотела этого. Хотела быть с тем, кого желала сама. Впервые за долгие годы.

И именно поэтому не могла дать себе волю.

— Джорджина... — не выпуская меня из объятий, начал сбитый с толку Роман.

— Пожалуйста, — шепотом взмолилась я, — отпусти меня. Пожалуйста. Ты должен отпустить меня.

— Что случилось? Я не понимаю...

— Пожалуйста, отпусти, — повторила я. — Отпусти! — Звук собственного голоса добавил мне сил и позволил высвободиться. Роман потянулся ко мне, повторяя мое имя, но я сделала шаг назад истерически завопила, после чего Роман с полным правом посмотрел на меня как на сумасшедшую: — Не прикасайся ко мне! Не! Прикасайся! Ко мне!

Я злилась не на него, а на себя, на собственную жизнь. Гнев и досада, усиленные алкоголем, вырывались из меня. Нет на свете справедливости. Разве честно, что некоторые люди живут счастливо, а все остальные нет? Что могучие цивилизации превращаются в руины? Что дети рождаются такими слабыми? Что я попала в ловушку и теперь должна целую вечность заниматься любовью без любви?

— Джорджина...

— Не прикасайся ко мне. Больше никогда. Пожалуйста, — хрипло прошептала я, а потом сделала единственное, что мне оставалось.

Сбежала. Спаслась бегством. Отвернулась и побежала по коридору, уводившему меня от Романа, Сета и зрительного зала. Я сама не знала, куда бегу, но это должно было спасти и меня, и Романа. Бегство не излечило бы мою боль, но, по крайней мере, не позволило бы причинить ее Роману.

Из-за плохой координации и отчаяния я то и дело сталкивалась с людьми, которые реагировали на это по-разному. Бежал ли за мной Роман? Я не знала. Он был пьян не меньше и тоже едва держался на ногах. Если бы я осталась одна, то смогла бы трансформироваться или стать невидимой и исчезнуть отсюда...

За дверью меня тут же окутал прохладный воздух. Я сделала глубокий вдох и осмотрелась по сторонам. Это была автостоянка позади здания, забитая машинами. Кто-то лениво покуривал марихуану, не обращая на меня никакого внимания. Дверь, через которую я только что прошла, открылась, и я обернулась, ожидая увидеть Романа. Но это оказался Сет. Лицо у него было встревоженное.

— Держитесь от меня подальше, — предупредила я.

Он поднял руки вверх ладонями и медленно пошел ко мне.

— Вы в порядке?

Я сделала два шага назад и начала рыться в сумочке.

— В порядке. Просто мне нужно... нужно убратсья отсюда... убратсья от него. — Я достала мобильник, собираясь вызвать кого-нибудь из вампиров, но телефон выскользнул у меня из рук. Попытки поймать его оказались тщетными, и аппарат с отвратительным стуком грохнулся на асфальт. — Тьфу, дерьмо!

Я опустилаь на колени, подняла мобильник и с отчаянием посмотрела на тарабарщину, высветившуюся на экране.

— Дерьмо, — повторила я.

Сет опустился рядом.

— Чем я могу помочь вам?

Я посмотрела на него. Лицо Сета было словно в тумане.

— Мне нужно убратсья отсюда. Убратсья от него.

— О'кей. Поехали. Я отвезу вас домой.

Сет взял меня за руку и повел к какой-то темной машине, стоявшей в нескольких кварталах от пивоварни. За это время я смогла немного прийти в себя. Он помог мне забратсья внутрь и включил двигатель. Я откинулась на спинку сиденья и сосредоточилась на езде. Вперед, назад, вперед, назад... Инерция сделала свое дело. Меня укачало.

— Остановитесь.

— Что?

— Остановитесь немедленно!

Он послушался, я открыла дверь, и меня вырвало прямо на мостовую. Когда приступ тошноты прошел, Сет немного подождал, а потом спросил:

— Теперь можно?

— Да.

Но через несколько минут я попросила его снова остановиться, и история повторилась.

— Эта езда... убивает меня, — выдохнула я, когда мы тронулись снова. — Я не могу находиться в машине. Лучше пешком...

Сет нахмурился и сделал резкий поворот вправо, от которого меня чуть не вырвало прямо в салоне.

— Прошу прощения, — сказал он.

Мы ехали еще несколько минут. Когда я была готова попросить его снова съехать на обочину, машина остановилась. Сет помог мне выйти, и я оглянулась по сторонам, не узнавая дома.

— Где мы?

— У меня.

Он впустил меня в квартиру и провел прямо в ванную, где я опустилась на колени и отдала дань унитазу. Просто поразительно, сколько жидкости помещается в человеке... Сет стоял сзади и придерживал мои волосы. Я смутно вспомнила, что высшие бессмертные типа Джерома и Картера тоже поддаются влиянию алкоголя, но могут трезветь по собственному желанию. Ублюдки...

Я не знала, сколько времени провела у унитаза, но наконец, Сет бережно помог мне подняться.

— Стоять можете?

— Кажется, да.

— Это... э-э... у вас на волосах и на платье. Наверное, вам следует переодеться.

Я посмотрела на темно-синий креп-жоржет и вздохнула.

— Волнующее...

— Что?

— Ничего. Не обращайтесь внимания. — Я спустила бретельки, собираясь снять платье.

Сет поднял брови и быстро отвернулся.

— Что вы делаете? — деланно небрежно спросил он.

— Хочу принять душ.

Раздевшись догола, я неловко забралась в ванну и включила воду. Сет, не глядя на меня, отступил к двери.

— Вы не упадете?

— Надеюсь, нет.

Я шагнула под струю, ахнула и прислонилась к стене. Поток горячей воды тут же привел меня в чувство. Подняв глаза, я увидела, что Сет ушел из ванной, закрыв за собой дверь. Я вздохнула и закрыла глаза, борясь с желанием встать на колени и отключиться. Роман... Ах, как было сладко целовать его. Что он теперь обо мне подумает? После того, что я сделала?

Когда я выключила воду и вылезла из ванны, дверь со скрипом открылась.

— Джорджина... Возьмите.

Сет просунул в щель полотенце и майку огромного размера, а потом снова закрыл дверь. Я вытерлась и надела красную майку с изображением группы «Блэк Саббат». Красиво...

Тут у меня зазвенело в ушах, и я снова почувствовала приступ тошноты.

— Нет! — простонала я, снова устремившись к унитазу.

Дверь открылась.

— Вы в порядке? — Сет вошел и снова стал придерживать мои волосы.

Я подождала, но ничего не вышло. Потом я неловко поднялась.

— В порядке. Мне нужно лечь.

Сет отвел меня в спальню с неразобранной кроватью королевского размера, и я рухнула на нее. Лежать пластом было приятно, хотя комната продолжала кружиться. Сет пристроился на краю кровати и стал неуверенно следить за мной.

— Извините, — сказала я. — Извините за то, что вам... пришлось все это делать.

— Не извиняйтесь.

Я закрыла глаза.

— Связи засасывают человека. Вот почему я ни с кем не встречаюсь. Это только

причиняет людям вред.

— Самое лучшее в жизни всегда связано с риском причинить кому-то вред, — философски ответил он.

Я вспомнила письмо Сета о старой подруге, которую он бросал, когда писал книги.

— Вы бы сделали это еще раз? Стали бы встречаться с той девушкой? Даже если бы знали, что все кончится также?

Последовала пауза.

— Да.

— А я нет.

Я открыла глаза и посмотрела на него.

— Однажды я была замужем. — Признаться в этом можно было только спяну. — Вы знали это?

— Нет.

— И никто не знает.

— И у вас не получилось? — после минутной паузы спросил Сет.

Я горько рассмеялась. Не получилось? Слишком мягко сказано. Я была слабой, глупой и поддавалась физическому желанию, которое чуть не довело меня до катастрофы с Романом. Но в случае с Аристом я не могла сослаться на то, что пьяна. Нет, я была абсолютно трезвой и, честно говоря, давно собиралась сделать это. Точнее, это собирались сделать мы оба.

Однажды он пришел ко мне, но в тот раз мы почти не разговаривали. Думаю, к тому времени стадия бесед прошла. Мы не находили себе места, расхаживали, отпускали короткие реплики, но не слушали друг друга. Я была сосредоточена на физических ощущениях, вызванных его присутствием. В воздухе чувствовалось такое сексуальное напряжение, что мы с трудом могли двигаться.

Я подошла к окну и уставилась в пространство, слыша, как Аристон бродит по дому. Через минуту он вернулся и остановился у меня за спиной. Внезапно его руки легли на мои плечи, это было его первое сознательное прикосновение ко мне. Мужские пальцы жгли меня огнем. Я вздрогнула, после чего их хватка стала еще сильнее.

— Лета, — сказал он мне на ухо, — понимаешь... понимаешь, я все время думаю о тебе. Думаю о том, что было бы, если бы мы... были вместе.

— Мы и так вместе.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Аристон повернул меня лицом к себе, посмотрел в глаза, и от этого взгляда я почувствовала, как по телу разливается тепло. Он провел руками по моей шее и взял в ладони лицо. Потом наклонился, и его рот оказался в волоске от моего. Затем он слегка прошелся языком по моей нижней губе. Это была самая нежная из ласк. Мои губы раскрылись, и я устремилась к нему, желая большего. Но Аристон слегка улыбнулся и отстранился. Его рука потянулась к пряжке на моем плече и расстегнула ее. Хитон скользнул на пол, и я осталась обнаженной.

Его глаза вспыхнули и стали изучать мое тело. Я должна была ощущать стыд и смущение, но почему-то не чувствовала их. Я была прекрасной. Желанной. Обожаемой. Могущественной.

— Я отдал бы все на свете за то, чтобы быть с тобой, — прошептал он. Его руки погладили мои плечи, грудь, талию и легли на бедра. Мать всегда говорила, что бедра у меня

слишком узкие, но теперь они казались полными и женственными. — Ради тебя я мог бы убить. Дойти до края света. Сделал бы все, о чем ты попросишь. Все, лишь бы почувствовать, как ты обхватываешь меня ногами.

— Еще никто не говорил мне этого. — Я сама удивилась тому, как спокойно звучал мой голос, все внутри таяло.

За тысячу с лишним лет, прошедших с тех пор, я слышала те же слова от сотен мужчин, но тогда они казались новыми и неизбитыми.

Аристон горько усмехнулся.

— Кириакос наверняка повторяет это каждую ночь. — Зависть, звучавшая в его голосе, заставила меня вспомнить, что, хотя эти двое были старыми друзьями, их дружба больше напоминала скрытое соперничество.

— Нет. Он любит меня глазами.

— А мне этого мало.

И тут я поняла, что у женщин есть власть над мужчинами. Это было весело и одновременно удивительно. Женщины правили не в стране, не в доме, а в спальне. Среди мокрых от пота простынь. Осознание этого возбудило меня сильнее любовного эликсира. Я затрепетала от наслаждения. Наверное, именно это открытие позже позволило силам ада сделать меня суккубом.

Я протянула дрожащие руки и начала снимать с него тунику. Пока я раздевала Аристона, он стоял неподвижно, но каждая клеточка его тела сгорала от желания. Когда я стала изучать, чем его тело отличается от тела Кириакоса, дыхание Аристона участилось. Я гладила его кончиками пальцев, слегка прикасаясь к загорелой коже, рельефным мускулам и соскам. Потом мои руки спустились к паху. Аристон негромко застонал, но не сдвинулся с места, продолжая ждать моего согласия.

Я оторвала взгляд от этой чудесной картины и посмотрела ему в глаза. Он действительно сделал бы для меня все. Это открытие только усилило мое желание.

— Делай со мной что хочешь, — наконец, произнесла я.

Это звучало как уступка, но на самом деле я сама хотела этого. Мои слова разрушили сковывавшие нас чары. Это напоминало взрыв. Выдох после долго сдерживаемого вдоха. Побег из тюрьмы. Я бросилась к нему так, словно с меня, наконец, сняли оковы. Теперь было ясно, что нам следовало сделать это давным-давно.

Язык Аристона проник в мой рот, он обхватил мои ягодицы, поднял меня и прижал спиной к стене. Он вошел в меня одним сильным рывком. Не знаю почему, но я ощутила сладкую боль. Я вскрикнула от изумления, но он не обратил на это внимания. Аристом овладела страсть, то животное стремление в крови, которое обеспечивает продление рода. Теперь он сосредоточился только на собственном удовольствии, вонзаясь в меня все глубже и глубже и заставляя меня стонать от наслаждения. Я не думала, что такой грубый секс может довести меня до экстаза, однако испытала это, причем не однажды. Каждый из них был волной потрясающих ощущений, начинавшейся глубоко внутри, распространявшейся по всему телу и затоплявшей каждый нерв, каждую клеточку. Потом волна дробилась на кусочки, оставляя меня без сил. Казалось, кто-то вновь и вновь разбивал только что вставленное стекло. Это было чудесно. Это возбуждало Аристона все сильнее, и, наконец, он тоже достиг пика наслаждения. На этот раз я сама поторопила его, глубоко вонзив ногти в его спину, отчего он задрожал всем телом.

Но на этом дело не кончилось, потому что вскоре Аристон снова был готов к бою. Он

отнес меня на кровать и поставил на колени.

— Я слышал, как старухи говорили, что это лучшая поза для зачатия, — прошептал он.

Не успела я опомниться, как он снова овладел мной, так же грубо и жадно. Аристон раз за разом вонзался в меня, а я думала, что, возможно, отцом моего ребенка суждено стать ему, а не Кириакосу. Мысль была странной, соблазнительной, но грустной.

Когда потом мы, сытые и измученные, лежали на простынях, Аристон не испытывал никаких угрызений совести. В окно врывались лучи теплого предвечернего солнца.

— Причина может быть не в тебе, а в Кириакосе, — объяснил он. — Сегодня я овладел тобой столько раз, что ты просто не можешь не забеременеть. — Аристон обхватил губами мочку моего уха, обнял сзади и положил ладони на мои груди. — Я наполнил тебя, Лета.

Его голос звучал глухо и таинственно. Казалось, он обрел что-то большее, чем секс. И тут я засомневалась, что в спальне правят женщины.

Я лежала рядом с ним и думала, что делать дальше. Разве можно снова стать чьей-то женой, если до того ты была богиней? Но найти ответ мне так и не удалось. Снаружи раздавался голос Кириакоса, вернувшегося с работы раньше обычного. Мы с Аристоном вздрогнули и сели. Я сбросила с себя простыню. У меня дрожали руки. Нужно было найти хитон, но его здесь не оказалось. Он остался в другой комнате. Может быть, мне удастся найти его прежде, чем нас застанет Кириакос. Возможно, я окажусь быстрее. Но я ошибалась...

— Да, — вернувшись в настоящее, сказала я Сету. — Не получилось. Ничего не получилось. Я его обманула.

— Ох... — Последовала пауза. — Почему?

— Потому что была дурой.

— И поэтому вы ни с кем не встречаетесь?

— Все это причиняет слишком сильную боль. Поделом мне.

— Откуда вы знаете, что в следующий раз не будет лучше? Все меняется.

— Только не для меня. — Я закрыла глаза, пытаюсь скрыть слезы. — Я хочу спать.

— Ладно.

Я так и не узнала, ушел он или остался. Просто уснула мертвым сном. Провалилась словно в пропасть.

Глава пятнадцатая

Иногда человек просыпается и сразу забывает, что видел во сне. Но иногда сновидение невозможно отличить от реальности, и порой кажется, что существуешь в двух измерениях одновременно. Так случилось и со мной. Я открыла глаза. Голова болела, а в руках было что-то теплое и пушистое. От яркого солнечного света я зажмурилась, но когда сумела сконцентрировать взгляд, то поняла, что смотрю прямо на Кейди и О'Нила.

Я рывком села, хотя моей голове это очень не понравилось. Конечно, я ошиблась. Конечно... Но они были. Рядом с кроватью, на которой я сидела, стоял большой дубовый письменный стол, окруженный досками объявлений. На досках висели вырезки из журналов и фотографии. Лица изображенных людей отражали все черты героев романов Сета. Один раздел даже назывался «НИНА КЕЙДИ». На нем красовались фотографии по меньшей мер двадцати стройных блондинок с короткими волнистыми волосами, в то время как в другом разделе с названием «БРАЙАН О'НИЛ» собрались мрачные брюнеты лет тридцати с небольшим. Кое-что было вырезано из известных рекламных объявлений, которые я помнила, хотя раньше не обращала внимания на их сходство с героями Сета. Кроме того, здесь имелись изображения второстепенных персонажей, хотя и менее отчетливые, чем портреты главных героев.

На чистых досках были наброски и отдельные слова, на мой взгляд, не имевшие никакого смысла. *«Рабочее название: Лазурные надежды. Уточнить впоследствии. Добавить Иону, гл. 7. Почистить 3–5. К и О в Тампе или в Неаполе? Проверит статистику. Дон Маркое в 8...»* Таких записей оказалось множество. Я смотрела на них во все глаза, понимая, что вижу скелет нового романа Сета. Внутренний голос приказывал мне отвернуться, чтобы не разрушить волшебство, но видеть, как рождается новый мир, было слишком соблазнительно.

В конце концов, меня отвлек от созерцания письменного стола запах жарившегося бекона. Мне требовалось собраться с мыслями и постараться понять, как я сюда попала. Я зажмурилась, вспомнив, как по-дурацки вела себя с Дагом, Романом и даже с Сетом, но голод заглушил угрызения совести. Казалось странным, что я могу ощущать голод после вчерашнего, но я приходила в себя так же быстро, как Хью после побоев.

Выпутавшись из простыни и избавившись от плюшевого медвежонка, невесть как оказавшегося у меня в руках, я пошла в ванную, прополоскала горло и изучила хмурого и растрепанного подростка в майке, отразившегося в зеркале. Но тратить энергию на трансформацию мне не хотелось. Я рысью выбежала из ванной и устремилась туда, где шипел бекон и слышались звуки «Радара любви» в исполнении группы «Золотая серьга».

Сет стоял на светлой, современно обставленной кухне и следил за сковородкой, стоявшей на плите. Цветовая гамма была яркой и веселой. Полки, сделанные из клена, хорошо смотрелись на фоне небесно-голубых стен. Увидев меня, Сет приглушил музыку и заботливо взглянул.

— Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

— Как ни странно, хорошо. — Я прошла к столику на две персоны и села, натянув майку на колени. — Только голова немного побаливает.

— Может, вам выпить лекарство?

— И так пройдет. — Я замешкалась, услышав запах, примешивавшийся к запаху сала, —

Это... кофе?

— Да. Хотите чашечку?

— Он настоящий?

— Угу. — Сет взял кофейник, наполнил кружку дымящимся напитком и принес ее мне вместе с сахарницей и молочником.

— Я думала, вы такой не пьете.

— Не пью. Держу на случай, если в моей спальне проснется какая-нибудь девушка, помешанная на кофеине.

— И часто такое случается?

Сет таинственно улыбнулся и вернулся к плите.

— Проголодались?

— Умираю с голоду.

— Какие яйца вы предпочитаете?

— Почти вкрутую.

— Правильный выбор. А бекон? Вы случайно не вегетарианка?

— Я настоящее плотоядное. И люблю плотно позавтракать... конечно, если это не нахальство с моей стороны. — Я испытывала смущение: Сет уже и так сделал для меня слишком много. Но, казалось, это его ничуть не заботило.

Такого роскошного завтрака я не ожидала: яйца, бекон, тост, два вида джема, кофейное печенье и апельсиновый сок. Я съела все, думая о мучениях Питера, все еще сидевшего на низкоуглеводной диете.

— Я объелась, — позже сказала я Сету, помогая мыть посуду. — Мне придется прилечь, чтобы переварить пищу. Вы едите так каждый день?

— Нет. Только тогда, когда ко мне приходят вышеупомянутые девушки. Плотный завтрак не позволяет им слишком быстро уйти.

— Это не проблема. Учитывая, что больше мне надеть нечего.

— Неправда. — Он показал пальцем в сторону гостиной. Я посмотрела туда и увидела свое чистое платье, висевшее на вешалке, мои трусики-бикини были прицеплены к крючку вешалки. — На ярлыке написано, что его следует сдавать в химчистку, но я включил стиральную машинку на режим деликатной стирки, и все получилось. Как и с... э-э... другой вашей вещью.

— Спасибо, — пробормотала я, не зная, как относиться к тому, что он стирал мое белье. — Спасибо за все. Я искренне благодарна вам за то, что вы сделали для меня вчера вечером. Наверное, вы подумали, что я последняя дрянь...

Он пожал плечами.

— Пустяки. Но... — Сет посмотрел на часы. — Знаете, скоро мне придется вас покинуть. Помните, я звал вас в гости? Праздник начнется в полдень. Кстати, приглашение остается в силе.

Я повернулась и тоже посмотрела на часы. Они показывали одиннадцать сорок пять.

— В полдень! Почему вы не разбудили меня раньше? Вы же опоздаете!

Он опять равнодушно пожал плечами.

— Я решил, что вам нужно выспаться.

Я положила полотенце, которое держала в руках, и помчалась в гостиную за платьем.

— Я вызову такси, а вы идите. Не волнуйтесь за меня.

— Честное слово, нет проблем, — возразил он. — Я даже могу подвезти вас до дома

или... если хотите, можете пойти со мной.

Наступила неловкая пауза. Я не желала идти в гости к незнакомым. Нужно было вернуться домой и решить, как вести себя с Дагом и Романом. Но... Сет был так добр ко мне. Кроме того, он давно приглашал меня. Разве я не в долгу перед ним? Конечно, пойти можно. Вряд ли праздник, начинающийся в полдень, затянется надолго.

— Нам нужно будет что-нибудь принести с собой? — спросила я. — Вино? «Бри»?

Он покачал головой.

— Вряд ли. Хозяйкой будет моя восьмилетняя племянница.

— Ах, вот как? Значит, вино не понадобится?

— Нет. А если говорить о сыре, то, думаю, она предпочитает «гауду».

Я посмотрела на платье.

— Оно слишком нарядное. Может быть, у вас есть что-нибудь, что можно накинуть сверху?

Через семь минут мы сели в машину Сета и поехали в сторону Лейк-форест-парка. На платье из креп-жоржета я накинула мужскую фланелевую рубашку в белую, серую и темно-синюю клетку и застегнула ее на две пуговицы. Уже по дороге я заплела французскую косу, затем достала из сумки косметику и начала лихорадочно краситься.

Мы остановились у дома, к которому я подвозила Сета несколько недель назад. К почтовому ящику были привязаны розовые воздушные шары, женщина в джинсах и свитере помахала рукой маленькой девочке, убежавшей в дом, и вернулась к машине, в которой могла бы уместиться целая футбольная команда.

— Ух ты, — опешила я. — Я еще никогда не была на таких сборищах.

— Наверняка были. Но в детстве, — ответил Сет, припарковываясь на подъездной аллее.

Мы подошли к двери. Сет вошел без стука. К нему тут же бросились четыре маленькие светловолосые девочки и чуть не сбили с ног.

— Дядя Сет! Дядя Сет!

— Дядя Сет пришел!

— Это мне? Это мне?

— Полегче, полегче. Спустите пары, — добродушно сказал Сет, освободившись от одной особенно настырной девчонки, которая пыталась оторвать его левый рукав.

Другая девочка со светлыми кудряшками и огромными голубыми глазами, увидев меня, дерзко спросила:

— Привет. Вы кто? — Не успела я открыть рот, как она выбежала из прихожей с криком: — Дядя Сет привел девушку!

Сет скорчил гримасу.

— Это Морган. Ей шесть лет. — Сет показал на ее сестру-клона. — А это Маккенна, ее близнец. Там Кейла, ей четыре. А вот это Кендалл, — он взял на руки — самую высокую из четырех девочек, отчего та весело захихикала, — сегодняшняя именинница. Думаю, Бренди тоже где-то здесь, но она слишком взрослая, чтобы набрасываться на меня так же, как остальные.

За прихожей начиналась просторная гостиная. Еще одна светловолосая девочка, на несколько лет старше Кендалл, смотрела на нас из-за дивана. За ее спиной носились и вопили другие дети — видимо, гости.

— Я здесь, дядя Сет.

Сет поставил Кендалл на пол и взъерошил Бренди волосы, что вызвало у нее досаду. Как любой подросток, она была исполнена чувства собственного достоинства. Тут вернулась Морган, таща за собой высокую блондинку.

— Видишь? Видишь? — кричала малышка. — Я же тебе говорила!

— Ты всегда устраиваешь такие сцены? — спросила женщина, обнимая Сета.

Она выглядела счастливой, но усталой. О причине можно было догадаться.

— Мне очень повезло. Мои поклонники вполнину спокойнее. Андреа, это Джорджина. Джорджина, Андреа. — Не успели мы пожать друг другу руки, как в комнату вошел еще один Сет, только помоложе и пониже ростом. — А это мой брат Терри.

— Добро пожаловать в наш бедламчик, — сказал Терри, когда нас представили друг другу. Он посмотрел на детей, носившихся по дому. — Сомневаюсь, что Сет правильно поступил, приведя вас сюда. Во второй раз вы уже не придете.

— Эй! — крикнула мне Кендалл. — Разве это не та рубашка, которую мы подарили дяде Сету на Рождество?

Взрослые неловко замолчали, не смея смотреть друг другу в глаза. Наконец, Андреа откашлялась и сказала:

— Ладно, давайте во что-нибудь поиграем.

Я подозревала, что детский праздник — вещь шумная, но действительность превзошла мое воображение. Удивительнее всего было то, что брату и невестке Сета как-то удавалось управлять ордой вопивших и скакавших созданий, которые умудрялись находиться сразу всюду. Терри и Андреа что-то добродушно говорили им, в то время как мы с Сетом лишь наблюдали и время от времени задавали вопросы. Я только качала головой. Неужели такое можно терпеть изо дня в день? Это невероятно.

Увидев, что я осталась одна, Терри перевел дух и заговорил со мной.

— Хорошо, что вы приехали, — сказал он. — Я не знал, что Сет с кем-то встречается.

— Мы просто друзья, — уточнила я.

— Конечно. И все же приятно, что он общается с человеком из плоти и крови. С кем-то, кого он не придумал.

— Это правда, что он чуть не пропустил вашу свадьбу?

Вместо ответа Терри скорчил гримасу.

— Вы только представьте себе, он был моим шафером. И появился за две минуты до начала церемонии. Мы уже собирались начать без него.

Я невольно рассмеялась. Он покачал головой.

— Если вы собираетесь иметь с ним дело, держите его на коротком поводке. Мой брат гений, но иногда ему нужна крепкая рука.

После игр наступила очередь именинного торта, а потом пришел черед подарков. Кендалл подняла подарок Сета и потрясла его.

— Книги, — уверенно произнесла она.

Бренди, самая старшая, а потому самая спокойная из всех, посмотрела на меня и объяснила:

— Дядя Сет всегда дарит нам книги.

Но это Кендалл ничуть не расстроило. Она разорвала бумагу и очень обрадовалась лежавшим внутри трем книжкам про пиратов.

— Про пиратов, вот как? — спросила я Сета. — А это политически корректно?

Его глаза лукаво блеснули.

— Кендалл мечтает стать пираткой.

Когда праздник пошел на убыль и за детьми стали приезжать родители, Кендалл попросила Сета почитать, и я вслед за остальными пошла в гостиную. Тем временем родители именинницы пытались навести порядок на кухне. Сет читал так же прекрасно, как на презентации. Я сидела в кресле и радовалась, что могу слушать и наблюдать. И тут ко мне на колени забралась маленькая Кейла.

Самая младшая из девочек, она могла только радостно кричать, но говорила очень мало. Кейла уставилась на меня своими голубыми глазами, с любопытством потрогала мою французскую косу, затем прильнула ко мне и стала слушать Сета. Понимала ли она хоть слово? Вряд ли. Но тельце у нее было нежное, теплое и душистое. Я погладила ее шелковые кудри, а потом незаметно для себя стала заплетать их в такую же косу.

Когда Сет закончил рассказ, Маккенна заметила, чем я занимаюсь, и сказала:

— Я следующая.

— Нет, я! — с жаром заявила Кендалл. — Это мой день рождения!

Кончилось тем, что я заплела косы всем четверым младшим девочкам, Бренди застеснялась. Не желая повторяться, я придумала для каждой малышки свой фасон, что им очень понравилось. Сет продолжал читать, время от времени поглядывая на меня и дело моих рук.

Когда настала пора уходить, я была вымотана и физически, и морально. Дети всегда заставляли меня грустить, близкий контакт с ними вызывал у меня хандру, причины которой я не понимала.

Пока Сет прощался с братом, я ждала у дверей. В коридоре стоял книжный шкаф. Я начала изучать корешки и обнаружила книгу под названием «Новейшая аннотированная Библия Берберри. Ветхий и Новый Завет». Вспомнив слова Романа о том, что Библия короля Якова плохо переведена, я достала книгу и открыла ее на шестой главе «Бытия».

Текст почти совпадал. Временами он звучал более правильно и современно, но в основном оставался неизменным. За одним исключением. В четвертом стихе Библии короля Якова было написано: *«В то время были на земле исполины, особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим...»* Здесь же вместо слова «исполины» стояло «нефилимы».

Нефилимы? Рядом с этим словом стояла цифра, означавшая номер сноски. Я нашла соответствующий комментарий:

«Нефилимы иногда переводится как исполины или падшие. В разных источниках приводятся противоречивые сведения об этих отпрысках ангелов. Иногда их просто называют соседями хананеев, а иногда — титаноподобными созданиями, напоминающими древнегреческих героев (Харрингтон, 001)».

Я с досадой нашла раздел «Библиография», обнаружила там ссылку на книгу Роберта Харрингтона «Библейские загадки и мифы», запомнила автора и название и сунула Библию на место как раз в тот момент, когда в коридор вышел Сет.

Обратно мы ехали молча. В конце осени в Сиэтле темнеет быстро. В обычных условиях тишина в машине показалась бы мне странной или неловкой, но сейчас я была довольна. Я могла спокойно подумать о нефилимах. Я решила, что мне понадобится книга Харрингтона.

— У них не было мороженого, — внезапно сказал Сет, прервав мои мысли.

— Что?

— У Терри и Андреа был только торт. Не хотите мороженого?

— Вам на сегодня еще недостаточно сладкого?

— Одно другому не мешает.

— На улице всего-навсего десять градусов, — предупредила я, когда Сет свернул к кафе.

Есть мороженое в такую погоду я не привыкла. — И ветер сильный.

— Вы шутите? В Чикаго все такие заведения давно закрыты. А здесь настоящий рай земной.

Мы вошли в кафе. Сет заказал двойную порцию мятного мороженого с шоколадом. Мой выбор оказался более причудливым: мокко с миндалем и творожное с подливкой из голубики. Мы сели за столик у окна и стали заправляться сладостями. Молчание продолжалось.

Наконец он сказал:

— Вы сегодня очень тихая.

Я с удивлением посмотрела на него, на время забыв о нефилимах.

— Мы с вами поменялись местами.

— В каком смысле?

— Обычно я считаю, что это вы слишком тихий. Мне приходится говорить за двоих.

— Я заметил. Э-э... я не хотел этого. Так вышло. Просто вы очень хорошо говорите.

Всегда знаете, что нужно сказать. И делаете это очень вовремя.

— Только не вчера вечером. Вчера я наговорила кучу ужасных вещей. И Дагу, и Роману.

Они никогда не простят мне этого, — пожаловалась я.

— Еще как простят. Даг отличный парень. Романа я знаю плохо, но...

— Но что?

Внезапно Сет смутился.

— По-моему, вас очень легко прощать.

Мгновение мы смотрели друг на друга, а потом мои щеки порозовели. Нет, не потому что в жилах закипела кровь. Просто мне было тепло и уютно. Как под одеялом.

— Знаете, это выглядит ужасно.

— Что именно?

Он показал на мое мороженое.

— Такая комбинация.

— Не говорите, пока не попробуете. Творог и кофе хорошо сочетаются.

Но это его не убедило.

Я придвинулась ближе и протянула ему свою порцию.

— Отведайте и того, и другого.

Сет наклонился и послушно зачерпнул ложечкой мокко и творог. К несчастью, при этом кусочек творога выпал из его рта. Я инстинктивно протянула руку, чтобы помешать этому. Он так же инстинктивно попытался поймать кусочек языком и в результате лизнул мои пальцы.

Ощущение было очень эротичным. Я посмотрела Сету в глаза и поняла, что он испытал то же самое.

— Вот, — быстро сказала я, потянувшись за салфеткой и борясь с желанием снова коснуться его губ.

Сет вытер подбородок, но впервые не дал воли своей застенчивости. Наоборот, нагнулся ко мне.

— От вас чудесно пахнет. Гардениями.

— Туберозами, — машинально поправила я, удивленная его смелостью.

— Туберозами, — повторил он. — И, кажется, ладаном. Я еще никогда не чувствовал такого аромата. — Он наклонился еще ближе.

— Это «Майкл» от Майкла Корса^[48]. Эти духи можно купить в парфюмерном отделе любого хорошего универмага. — Я чуть не застонала. Что за чушь? Нервы разыгрались. — Может быть, такой аромат подойдет для Кейди.

Но Сет оставался серьезным.

— Нет. Это ваш запах. Только ваш. И ничей больше.

От этих слов я вздрогнула. Я пользовалась этими духами, потому что остальные бессмертные считали, что они подходят к моей ауре. «Ваш запах». Сет сказал это случайно, но казалось, что он заглянул в мою душу и раскрыл мою тайну.

Какое-то время мы сидели неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям. Я знала, что Сет не станет пытаться поцеловать меня. В отличие от Романа, ему было достаточно одного взгляда. Он любил меня глазами.

Внезапно дверь кафе распахнул порыв ветра. Пряди волос упали мне на лицо. Я инстинктивно прижала руками все, что находилось на нашем столике, но в воздух взметнулись салфетки и листы бумаги, лежавшие на других столах. Со стойки упала чашка с пластмассовыми ложечками, и они рассыпались по полу. Продавец, стоявший за прилавком, бросился к двери, закрыл ее на засов и обвел кафе грустным взглядом.

Чары разрушились. Вскоре мы с Сетом собрали вещи и вышли наружу. Я попросила подвезти меня к книжному магазину. Мне хотелось извиниться перед Дагом — на случай если он окажется там — и взять книгу Харрингтона.

— Не хотите зайти и с кем-нибудь поздороваться? — У меня были дела, однако расставаться с Сетом мне не хотелось.

Он покачал головой.

— Прошу прощения, но мне пора. Я должен кое с кем встретиться.

— Ох... — Мне стало не по себе. Теперь я знала, что он может встречаться с женщинами. А почему бы и нет? Я была не единственной его знакомой, кроме того, я наотрез отказывалась от его приглашений. В кафе я вела себя как последняя дура, особенно после истории с Романом. — Ладно. Еще раз спасибо за все. Я этого не забуду.

Он небрежно махнул рукой:

— Не за что. Кроме того, вы уже отблагодарили меня, сходяв со мной на день рождения.

Я покачала головой.

— Я ничего там не делала.

Сет только улыбнулся.

— До скорой встречи.

Я вышла из машины, но тут же спохватилась:

— Мне нужно было задать этот вопрос раньше. Вы уже подписали мою книгу? «Пакт Глазго»?

— О господи... Еще нет. Как я мог забыть? Книга у меня дома. Я подпишу ее и принесу вам. Прошу прощения. — Он искренне смутился.

— О'кей. Нет проблем. — Иначе я устрою в его квартире погром.

Мы еще раз попрощались, и я вошла в магазин. Если я правильно запомнила расписание, то Пейдж сегодня работала в утреннюю смену, а Даг — в вечернюю. Так и

вышло. Даг стоял у стола консультанта и наблюдал за Тамми, обслуживавшей покупателя.

— Эй... — неловко сказала я, жалея о собственной грубости. — Можно тебя на минутку?

— Нет.

Вот тебе и раз... Я знала, что он обидится, но не думала, что до такой степени.

— Сначала ты должна позвонить своему другу.

— Что?

— Этому парню, — объяснил Даг. — Пластическому хирургу. Который водит дружбу с тобой и Коди.

— Хью?

— Да. Ему самому. Он звонил уже сто раз и оставлял сообщения. Очень беспокоился. — Выражение лица Дага слегка смягчилось. Он покосился на мое платье и фланелевую рубашку. — И я тоже.

Я нахмурилась, пытаюсь понять настойчивость Хью.

— О'кей, я позвоню ему немедленно. А потом поговорим?

Даг кивнул. Я полезла в сумку за мобильником и только тут вспомнила, что вчера вечером разбила его. Идти в кабинет не хотелось, поэтому я села на край стола и позвонила прямо из торгового зала.

— Алло...

— Хью?

— О господи, Джорджина! Где ты была, черт побери?

— Э-э... нигде.

— Мы искали тебя весь вчерашний вечер и сегодняшний день.

— Меня не было дома, — объяснила я. — А мобильник разбился. Что случилось? Только не говори, что произошло еще одно нападение.

— Увы, ты права. Только на этот раз не дружеское поколачивание, а новое убийство. Когда мы с вампирами не смогли взять твой след, то решили, что он добрался и до тебя тоже. Правда, Джером сказал, что чувствует, будто ты в порядке.

Я проглотила слюну.

— Кто... кто это был?

— Ты сидишь?

— Типа того.

Я собралась с силами, готовая к чему угодно. Демон. Бес. Вампир. Суккуб.

— Люсинда.

У меня полезли глаза на лоб.

— Что? — Моя гипотеза о мстителе силам зла рассыпалась на кусочки. — Но это невозможно. Она... она...

— ...ангел, — закончил за меня Хью.

Глава шестнадцатая

— Джорджина...

— Я здесь.

— Хреново, правда? Похоже, твоей гипотезе насчет ангела крышка.

— Не уверена.

На смену разочарованию пришла новая идея, возникшая на задворках моего сознания в тот момент, когда я читала отрывок из Библии у Терри и Андреа. Кажется, теперь я знала, с кем мы имеем дело. Конечно, если это действительно ангел. Перед моим мысленным взором предстали строки из «Бытия»: *«В то время были на земле исполины... Это сильные, издревле славные люди».*

— Что об этом говорит Джером?

— Ничего. А ты ждала чего-то другого?

— Но все остальные в порядке?

— Насколько я знаю, пока да. Что ты собираешься делать? Надеюсь, никаких глупостей?

— Мне нужно кое-что проверить.

— Джорджина... — предупредил Хью.

— Да?

— Будь осторожнее. Джером в страшном гневе из-за случившегося.

Я невольно рассмеялась.

— Могу себе представить.

После этого наступило неловкое молчание.

— Что еще ты хочешь мне сообщить?

Он слегка помедлил.

— Это сюрприз для тебя, правда? В смысле Люсинда...

— Да, конечно. А что?

Последовала еще одна пауза.

— Ну, ты должна признать, что все это странно. Сначала Дьюан...

— Хью!

— А потом, когда никто не мог с тобой связаться...

— Говорят тебе, мой мобильник разбился! Ты что, серьезно?

— Нет-нет. Просто... Не знаю. Я позвоню позже.

Я дала отбой.

Люсинда мертва? Люсинда в вязаной юбке, с неизменным пучком волос? Это было невозможно. Я чувствовала себя ужасно, мы виделись с ней совсем недавно. Я назвала ее набожной сучкой, но не желала ей смерти. Так же, как и Дьюану.

Да, мысли у Хью были странные. Более странные, чем мне хотелось признавать. Я ссорилась и с Дьюаном, и с Люсиндой, и вскоре после этого они умерли. Но Хью... он-то при чем? И тут я вспомнила издевательские слова Люсинды: «Какая между вами может быть дружба?.. Насколько я слышала, он очень потешался, рассказывая всем и каждому о твоей плетке и крыльях». Перед нападением на беса я действительно сказала Хью пару теплых слов. Небольшая стычка закончилась небольшим мордобоем. Его не убили, а слегка проучили.

Я вздрогнула. Что все это значит? И тут вернулся Даг.

— Ну что, поговорили?

— Да. Спасибо. — Я неловко переступила с ноги на ногу и решила покаяться. — Даг, я...

— Не обращай внимания, Кинкейд. Это пустяки.

— Я не имела права так говорить. Я была...

— Пьяна в стельку. Такое случается.

— И все равно я не имела права. Ты пытался помочь мне, а я накинулась на тебя, как последняя сука и психопатка.

— На психопатку ты не тянула.

— А на суку?

— Ну... — Он слегка улыбнулся и отвел глаза.

— Прости меня, Даг. Прости, пожалуйста.

— Перестань. Обойдемся без сантиментов.

Я нагнулась, сжала руку Дага и положила голову ему на плечо.

— Ты хороший парень, Даг. Очень хороший. И отличный друг. Я прошу прощения за то, что произошло... и за то, что не произошло, тоже.

— Забудь об этом, Кинкейд. Чего не бывает между друзьями... — Наступила неловкая пауза, чувствовалось, что этот разговор ему не по душе. — Э-э... все прошло нормально? Я потерял тебя после концерта. Твой нынешний наряд выглядит странновато.

— Ты ни за что не догадаешься, чья это рубашка, — поддразнила его я, а потом рассказала историю с Сетом и последовавшим днем рождения.

Когда я закончила рассказ, у Дага чуть не случилась истерика.

— Мортенсен хороший парень, — продолжая смеяться, выдавил он.

— Он говорит о тебе то же самое.

Даг улыбнулся.

— Знаешь, он... О господи, эти телефонные звонки заставили меня обо всем забыть. — Он повернулся к столу, перебрал книги и бумаги и, наконец, нашел маленький белый конверт. — Тебе записка. Пейдж сказала, что нашла ее вчера вечером. Надеюсь, новости окажутся хорошие.

— Да. Я тоже.

Однако меня терзали сомнения. Я взяла конверт так осторожно, словно могла обжечься. Бумага и почерк были теми же, что и в предыдущий раз. Открыв конверт, я прочитала:

«Вы заинтересовались падшими ангелами, не правда ли? Ну что ж, сегодня вечером состоится небольшой практический опыт. Он окажется более познавательным, чем ваши последние попытки. Вам не понадобится спать со своим боссом, чтобы получить помощь, нужную для экстраполяции^[49]. Впрочем, следить за тем, как вы ведете себя, словно последняя шлюха, было довольно забавно».

Я подняла глаза и увидела любопытный взгляд Дага.

— Волноваться не из-за чего, — небрежно сказала я, сложив записку и бросив ее в сумочку. — Новость устарела.

Согласно отчету Хью, Люсинду убили вчера вечером, если верить словам Дага, записку оставили мне еще до того. Но предупреждение не было принято во внимание. Либо этот тип не знал о моих планах, либо они не хотели, чтобы я что-то предприняла заранее. Тактика более чем пугающая.

Чем бы они ни руководствовались, намекая мне на смерть Люсинды, это было цветочками по сравнению со вторым намеком. При мысли о том, что кто-то следил, как мы с Уорреном занимались сексом, у меня по спине побежали мурашки.

— Что собираешься делать? — спросил Даг.

— Ты не поверишь. Мне нужно найти книгу.

— Что ж, ты оказалась в нужном месте.

Мы вернулись к столу консультанта, у которого стояла Тамми. Мне понравилось, что Даг готовит ее к этой работе, в преддверии Рождества нам понадобятся универсалы.

— Упражнение, — сказала я. — Скажите, где можно найти эту книгу.

Я продиктовала фамилию автора. Тамми набрала ее на компьютере и нахмурилась.

— У нас ее нет. Сделать заказ?

Теперь до меня дошло, почему люди злились, когда я говорила им то же самое.

— Отлично, — пробормотала я. — Где я могу достать ее сегодня вечером? — Возможно, она была у Эрика, но его магазин уже закрылся.

— Ненавижу давать такие советы, — пошутил Даг, — но она наверняка есть в какой-нибудь библиотеке.

— Может быть... — Я посмотрела на часы.

Интересно, до какого часа работают местные библиотеки?

— Э-э... Джорджина, — неуверенно начала Тамми. — Я знаю место, где она есть. И там еще не закрыто.

Я с удивлением посмотрела на нее.

— Серьезно? Где? О боже... Нет. Только не там.

— Мне очень жаль. — Ее голубые глаза просили прощения за дерзость. — Но когда я работала последний день в «Пинцете», там было три экземпляра. Они не могли продать их за это время.

Я застонала и потеряла виски.

— Я не могу пойти туда. Даг, ты мне не поможешь?

— Мне нужно закрывать магазин, — напомнил он. — Куда тебе не хочется идти?

— В «Хрустальный пинцет». То самое место, где работает «старая ведьма».

— Ни за какие деньги.

— Я бы съездила туда, но мне тоже нужно закрывать магазин, — откликнулась Тамми. — Одно утешение: она бывает там не всегда.

— Да, — с готовностью поддержал ее Даг. — Ни один заведующий не работает от звонка до звонка. У нее должны быть заместители.

— Если только они не испытывают недостатка в кадрах, — пробормотала я. — Шутка.

Я вышла из магазина, села в машину и поехала в «Хрустальный пинцет», по дороге обдумывая две вещи, которые успела узнать за сегодняшний день.

Во-первых, ссылка на нефилимов. В Библии короля Якова не только упоминались отпрыски ангелов, но и сообщалось, что они сильно отличались от простых людей. Однако мне никогда не приходило в голову, что на свете могут существовать полуангелы. Комментарий в книге Терри и Андреа не добавлял к этому почти ничего нового, но у меня в мозгу что-то щелкнуло. Кто может убивать и ангелов, и демонов, как не ублюдок полубога?

Конечно, своим открытием я была обязана стиху о падших ангелах, на который мне указал Эрик. Если только это не ложный след. Вполне возможно, что настоящим преступником является обычный бессмертный, который свихнулся и начал убивать

представителей обеих сторон. В конце концов, я еще не полностью исключила Картера из списка подозреваемых и не объяснила, почему убийца прикончил Дьюана и Люсинду, но пощадил Хью.

Еще один фрагмент информации, полученной сегодня, а именно записка, не содержал для меня ничего нового. Просто я обнаружила ее слишком поздно, чтобы воспользоваться своим знанием. А если за мной следил соглядатай, то я ничего не могла с этим поделать.

Однако возникал законный вопрос: почему он за мной следит. Судя по всему, я была единственной, кто привлекал к себе такое внимание. Единственной, кто получал записки. Кроме того, приходилось признать неприятную правду: каждый, с кем я ссорилась, впоследствии становился жертвой...

Неподалеку от «Хрустального пинцета» я свернула на пустынную улицу. Тамми и Даг не догадывались, что я уже придумала, как провести Елену. Сняв с себя платье и рубашку Сета, чтобы не испортить их, я стала высокой и гибкой тайландкой в льняном платье. Иногда я пользовалась этим телом во время охоты.

Когда я вошла, в магазине не было никого, кроме двух задумчивых покупателей. За кассой стоял уже знакомый мне мальчишка. Слава богу, Елены видно не было. Я не горела желанием встречаться с этой чокнутой даже под маской.

Я подошла к молодому человеку, улыбнулась и спросила, где могу найти книгу. Идиотски улыбнувшись в ответ — что ж, внешность у меня была очень привлекательная, — он повел меня в секцию их довольно таинственной системы хранения и тут же нашел нужное. Тамми оказалась права: у них действительно имелись три экземпляра.

Мы вернулись к кассе, и я с облегчением вздохнула, решив, что сумею уйти отсюда незамеченной. Но не тут-то было. Дверь конференц-зала открылась, и оттуда выплыла Елена в мантии цвета фуксии, на которую падали десять фунтов ее обычных ожерелий. Проклятие, похоже, эта стерва действительно обладала шестым чувством.

— Как дела, Роджер? — хрипловато спросила она.

— Все в порядке. — Мальчишка энергично закивал головой, видимо, довольный тем, что его назвали по имени.

Потом Елена повернулась ко мне и продемонстрировала свою улыбку примадонны.

— Здравствуйте, дорогая. Сегодня у вас удачный вечер, не правда ли?

Довольная ее любезным тоном, я заставила себя улыбнуться и вежливо ответить:

— Да, пожалуй.

— Я так и думала, — степенно ответила она, когда я протянула юноше деньги. — У вас отличная аура.

Я широко раскрыла глаза, как бы на моем месте сделал непрофессионал.

— Серьезно?

Она кивнула, довольная моей реакцией.

— Очень яркая. Очень сильная. Масса цветов. Вы получили хорошие новости. — В «Изумрудном городе» она сулила мне прямо противоположное. Увидев название, Елена смерила меня пристальным взглядом: книга была серьезная, научная и разительно отличалась от той макулатуры, которую она продавала. — Странно... Вам следует читать книги, которые позволяют человеку развивать свой дар. Раскройте свой потенциал. Если хотите, могу порекомендовать несколько названий.

О господи, неужели это никогда не кончится?

— Хотелось бы, — учтиво ответила я, — но у меня нет с собой таких денег. — С этими

словами я кивнула на свою сумку.

— Понимаю, — серьезно ответила Елена. — И все же позвольте показать вам кое-что. Когда придете в следующий раз, будете знать, на что обратить внимание.

Что легче? Пойти с ней или возобновить распрю в другом обличье? Посмотрев на часы, я поняла, что магазин закрывается через пятнадцать минут. Это не отнимет у меня много времени.

— Что ж, с удовольствием.

Елена широко улыбнулась и повела к стеллажам новую жертву ее чар. Как и следовало ожидать, мне показали книги об использовании сильнейших частей ауры, о связи с высшими сущностями при помощи кристаллов и даже о том, как визуальное представление помогает реализовать то, чего нам больше всего хочется. Это было так мучительно, что мне хотелось биться головой о стену.

— Не стоит недооценивать силу визуализации^[50], — прошептала Елена. — Так можно управлять собственной судьбой, создавать свои законы и правила. Я чувствую в вас огромный потенциал. Использование этих принципов поможет вам его реализовать и получить все, что нужно для полной и счастливой жизни. Карьеру, дом, мужа, детей.

Внезапно я вспомнила племянницу Сета, забравшуюся ко мне на колени, и поспешно отвернулась. У суккубов детей не бывает. Какое бы будущее ни сулили мне книги, у меня его не было.

— Мне пора идти. Спасибо за помощь.

— Конечно, — солидно ответила она и протянула мне список с названиями и ценами. — Позвольте вручить вам несколько брошюр с описанием предстоящих мероприятий, которые пройдут в нашем центре.

Казалось, этому не будет конца. Я освободилась только тогда, когда Елена нагрнула меня кучей хлама. На автостоянке эта макулатура отправилась в контейнер для мусора. О боже, как я ненавидела эту женщину! Конечно, Елена, корчившая из себя знатока оккультизма, была лучше Елены — злобной ведьмы, вопившей в «Изумрудном городе», но, честно говоря, разница была невелика. Ладно... Книгу я все-таки получила, а это главное.

По дороге домой я вернула себе обычный облик и заехала в свой любимый китайский ресторанчик. Дожидаясь цыпленка в кисло-сладком соусе, я достала книгу и начала читать статью о нефилимах.

«Впервые нефилемы упоминаются в стихе четвертом шестой главы книги „Бытие“, где их называют „исполинами“ и „падшими“. Независимо от перевода происхождение нефилимов становится ясным из текста: это полубожественные потомки ангелов и смертных женщин. Тот же четвертый стих называет их „сильными“ и „издревле славными“. В остальных частях Библии о происхождении нефилимов от ангелов почти не упоминается, но встречи с исполинами и „славными людьми“ часто описываются в „Числах“, „Второзаконии“ и „Книге Иисуса Навина“^[51]. В некоторых из них содержится намек на то, что „великое развращение“, ставшее причиной потопа (Бытие, 6), на самом деле стало результатом отрицательного влияния нефилимов на человечество. В некоторых апокрифах (например, в первой главе книги Еноха) детально описывается жизнь падших ангелов и их семей. В частности, указывается, что падшие ангелы учили своих жен „чарам и колдовству“, в то время как их потомки рыскали по земле, убивая людей и сея между ними вражду. Нефилемы, одаренные такими же сверхъестественными возможностями, как древнегреческие герои, но проклятые Господом и брошенные своими родителями,

странствовали по миру, нигде не находя покоя, и, в конце концов, были уничтожены ради блага человечества».

У меня перехватило дыхание. Я никогда об этом не слышала. Я была права, когда говорила, что единоверцы Эрика ничего не смыслили в христианстве. Будь по-другому, кто-нибудь уже давно рассказал бы мне об этом. Потомки ангелов. Неужели нефилимы существовали? Неужели они дожили до нашего времени? Или я очутилась в тупике, пойдя по ложному следу и перестав искать бессмертных моего ранга и выше вроде Картера? В конце концов, нефилимы являлись наполовину людьми, они не могли быть такими могущественными.

Оплатив счет, я пошла к машине и по дороге разломала печенье с предсказанием, врученное мне в ресторане. Внутри оказалось пусто. Замечательно. Моросил дождь. Я чувствовала усталость. Ничего удивительного в этом не было: за последние двадцать четыре часа произошло слишком многое.

Вернувшись в свой район, я не нашла места для парковки, судя по всему, неподалеку должно было состояться какое-то уличное шоу. Пришлось оставить машину в семи кварталах от дома. Я хмуро дала клятву никогда не снимать квартиру в таких местах. Ветер, доставивший нам с Сетом столько хлопот, утих, для Сиэтла это редкость. Однако дождь усилился. От этого мое настроение только ухудшилось.

Преодолев половину пути и услышав за собой шаги, я обернулась, но не увидела никого и ничего, кроме мокрой мостовой, отражавшей свет уличных фонарей. Я хотела пойти дальше, но тут же опомнилась и просто стала невидимой. Джером был прав: я до сих пор мыслила как человек.

Однако переулок мне не нравился, он выглядел слишком пустынно. Я решила пройти оставшееся расстояние по бульвару Королевы Анны.

Но едва я свернула за угол, как кто-то сильно ударил меня по затылку. Я по инерции пролетела пару метров и от страха снова стала видимой.

Я хотела повернуться и дать отпор напавшему, но после нового удара по голове упала на колени. Похоже, меня били кулаком, а не бейсбольной битой. Бандит ударил меня еще раз, но на этот раз попал в лопатку. Я закричала, надеясь, что меня кто-нибудь услышит. Последовал новый удар в голову, от чего я упала навзничь. Я прищурилась, пытаюсь увидеть того, кто это сделал, но различила лишь наклонившуюся надо мной темную бесформенную фигуру. Новый удар пришелся в подбородок. Я не могла прийти в себя. Не могла бороться с болью, которая пронизывала меня сильнее, чем струи дождя.

Внезапно я увидела яркий свет. Такой ослепительный, что стало больно глазам. Теперь я была не одна. Мой обидчик отпрянул, и я услышала странный пронзительный звук, донесшийся откуда-то сверху. Бессильная бороться с соблазном, я посмотрела на свет.

Когда я увидела приближавшегося к нам ангела, мозг затопила нестерпимая боль. Ангел состоял из света и тьмы, был прекрасен и ужасен, многоцветен и бесцветен одновременно, крылат и вооружен мечом, его черты постоянно менялись. Следующий крик, который я услышала, был моим собственным. Это был крик боли. Увиденное опалило все мои чувства. В глазах сначала полыхнуло, а потом потемнело.

Затем наступила тишина.

Я сидела и рыдала, чувствуя физические и душевные муки. Послышались шаги, и кто-то присел рядом со мной. Несмотря на слепоту, я чувствовала, что это не тот, кто напал на меня.

- Джорджина, — окликнул меня знакомый голос.
- Картер... — выдохнула я и протянула к нему руки.

Глава семнадцатая

Я пришла в себя от мурлыканья. Почувствовав мое состояние, Обри подошла и стала лизать мою щеку под ухом. Ее усы терлись о мою кожу. Было щекотно. Я слегка пошевелилась, открыла глаза и, к собственному изумлению, увидела свет, цвет и фигуры — правда, смазанные и искаженные.

— Вижу, — пробормотала я Обри и попыталась сесть.

Тут же мое тело пронзила боль. Двигаться было трудно. Я лежала на диване, укрытая старым афганским пледом.

— Конечно, видишь, — известил меня холодный голос Джерома. — Хотя слепота хороший урок тебе. О чем ты думала, глядя на ангела во славе?

— Нет. — Я прищурилась и посмотрела на расхаживавшую передо мной фигуру в темной одежде. — В смысле ни о чем не думала.

— Оно и видно.

— Перестань, — лаконично сказал Картер откуда-то сзади.

Я выпрямилась, осмотрелась и увидела его нечеткую фигуру, прислонившуюся к стене. Питер, Коди и Хью тоже находились в комнате. Полная семейная идиллия. Я невольно рассмеялась.

— И вы здесь, и вы здесь...

Коди сел рядом, нагнулся и стал внимательно изучать мое лицо. Он потрогал кончиком пальца мою скулу и нахмурился.

— Что случилось?

Я перестала смеяться.

— Что, так ужасно?

— Нет, — солгал он. — Хью досталось сильнее. — Бес, стоявший в другом конце комнаты, только крякнул.

— Я уже знаю, что случилось, — бросил Джером. Даже не видя лица демона, можно было сказать, что он злобно смотрит на меня. — Но не понимаю, почему. Ты нарочно создала самую опасную ситуацию из всех возможных? «Посмотрим, посмотрим... темный переулок, никого вокруг...» Так, да?

— Нет! — выпалила я. — Я об этом не думала. И вообще не думала ни о чем, кроме возвращения домой. — Постаравшись изо всех сил, я описала события вечера.

Начиная с шагов за моей спиной и заканчивая появлением Картера.

Когда я замолчала, Хью сел в кресло напротив и задумчиво спросил:

— Значит, с перерывами?

— Что?

— Ты сама сказала, что тебя били с перерывами. Первый удар, пауза, второй удар, пауза, а затем третий. Верно?

— Да, а что? Разве дерутся как-то по-другому? Наносят удар, потом отводят руку и наносят следующий. Кроме того, эти перерывы продолжались не больше секунды. Вздохнуть не успеешь.

— Со мной было не так. Непрерывный поток ударов. Выше человеческих сил. Что-то сверхъестественное.

— И со мной было то же самое, — возразила я. — Поверь мне, я не могла с этим

бороться. Если ты намекаешь, что меня бил смертный, то ошибаешься. — Хью только пожал плечами.

Последовало молчание. Я повернула голову, прищурилась и посмотрела на беса.

— Они многозначительно смотрят друг на друга, верно?

— Кто?

— Картер и Джером. Я это чувствую. — Внезапно я испугалась, что моя вечерняя поездка оказалась напрасной. — Ты не спас заодно мой пакет?

Ангел подошел к стойке, взял пакет и бросил мне. Я, еще не пришедшая в себя, не смогла поймать его. Пакет ударился о диван, упал на пол, и из него выскользнула книга. Джером тут же схватил ее и прочитал название.

— Ну, Джорджина, мать твою... И из-за этого ты таскалась по темным углам? Из-за этого тебя чуть не убили? Я же велел тебе перестать заниматься самодеятельностью!

— Хватит! — бросился на мою защиту Коди. — Никто из нас больше не верит в охотника на вампиров. Мы знаем, что это делает ангел...

— Ангел? — В голосе демона послышались изумление и насмешка.

— Ни один смертный не смог бы сделать со мной такое! — выпалила я. — Или с Хью. Или с Люсиндой. Или с Дьюаном. Это был нефилим.

— Нефи-кто? — изумился Хью.

— Это что, персонаж из сериала «Улица Сезам»? — впервые подал голос Питер.

Какое-то мгновение Джером молча смотрел на меня, а потом спросил:

— Кто тебе рассказал? — Не дожидаясь ответа, он повернулся к ангелу. — Знаешь, тебе не следовало...

— Это не я, — спокойно ответил Картер. — Похоже, она сама догадалась. Ты не слишком веришь в своих людей.

— Я действительно дошла до этого сама, но мне помогли.

Я коротко пересказала все.

— Дерьмо, — пробормотал Джером, выслушав мою речь. — Следопытка хренова...

— О'кей, — сказал Питер. — Расследование расследованием, но ты еще не ответила, кто такой этот нефилопогус.

— Нефилим, — поправила я, а потом нерешительно посмотрела на Джерома. — Можно?

— Ты спрашиваешь у меня разрешения? Небывалый случай.

Расценив это как знак согласия, я робко начала:

— Нефилимы — потомки ангелов и людей. Помните тот отрывок из Библии, где говорится, что падшие ангелы брали в жены дочерей человеческих? Нефилимы — результат таких браков. Они обладают определенными способностями... какими именно, точно не знаю... силой и властью... как древнегреческие герои.

— Скорее как главные нарушители общественного порядка, — горько добавил Джером. — Не забывай.

— Как это? — спросил Хью.

Когда Джером не ответил, я продолжила:

— Ну... в той книге говорится, что они вызывали распри и войны между людьми.

— Да, но этот тип охотится не на смертных, — напомнил Питер.

Картер пожал плечами:

— Они непредсказуемы. Не подчиняются никаким правилам. Честно говоря, мы не

знаем, каковы его намерения. Ясно только одно: он играет с нами в какую-то игру. Нападает на отдельных бессмертных и при этом посылает Джорджине записку.

— Две записки, — уточнила я. — Вторую он послал мне еще до смерти Люсинды, но я всю ночь провела у Сета и получила ее только на следующий день.

Хью и вампиры уставились на меня во все глаза.

— Ты провела ночь у Сета? — поразился Коди.

— А это еще кто? — спросил Хью.

— Писатель, — буркнул Питер.

Бес с интересом посмотрел на меня.

— И что ты там делала всю ночь?

— Вопрос, конечно, интересный, но, может быть, мы перестанем обсуждать личную жизнь Джорджины? — Джером смерил меня взглядом. — Если только этот Сет не обладает высокими моральными принципами и ты не решила воспользоваться его жизненной силой для выяснения мотивов преступника.

— Первое верно, второе — нет.

— Черт побери, мне нужно выпить.

— Хозяйничайте сами.

Джером подошел к мини-бару и начал исследовать его содержимое.

— И как мы можем обнаружить этого нефилима? — спросил Коди, возвращая нас к теме разговора.

Я нерешительно посмотрела на Картера и Джерома. Подробности были мне неизвестны.

— Вы никак, — жизнерадостно ответил ангел.

— Значит, они тоже могут становиться невидимыми. Как высшие бессмертные.

Картер кивнул мне.

— Да, они обладают худшими чертами обоих родителей. Огромной силой и псевдоангельскими способностями, к которым примешиваются мятежность, любовь к физическому миру и неумение владеть собой.

— Какой силой? — спросила я. — Они ведь наполовину люди, верно? Следовательно, и силы у них должна быть только половина.

— Необязательно. — С бокалом джина в руке Джером выглядел совсем не таким мрачным. — Разброс такой же большой, как у самих ангелов. Ясно одно: нефилимы унаследовали куда больше половины силы своих отцов, хотя могут и не проявлять ее. Однако ее вполне достаточно, чтобы прибить каждого из вас. Именно это я и пытался вдолбить в ваши глупые башки.

— Но не каждого из вас. — Слова Питера прозвучали не как вопрос, а как утверждение, хотя и не слишком уверенное.

Ангел и демон промолчали. В моем мозгу что-то щелкнуло, и еще один кусок головоломки встал на свое место.

— Вот поэтому вы и маскируетесь. Вы тоже прячетесь от него, — сказала я.

— Это всего лишь необходимая предосторожность, — возразил Джером.

— Он убежал от вас, — напомнила я Картеру. — Наверное, вы сильнее, чем он.

— Возможно, — согласился он. — Честно говоря, меня больше волновала твоя судьба, так что в этом вопросе я не разобрался. Ангел во славе может напугать большинство бессмертных, а смертного это зрелище просто убьет. Так что кто из нас сильнее, сказать

трудно.

Этот ответ, мне не понравился. Совсем не понравился.

— Кстати, как вы там оказались?

На лице ангела появилась саркастическая улыбка, его товарный знак.

— А ты как думаешь? Я следил за тобой.

Я вздрогнула.

— Что? Значит, я была права... в тот день у Эрика...

— Боюсь, что так.

— О боже, — с изумлением сказал Питер. — Джорджина, выходит, ты не ошиблась. По крайней мере, в том, что он следил за тобой.

Я почувствовала себя наполовину отомщенной, несмотря на то, что теперь считать Картера преступником было нельзя. Хью оказался прав, обвиняя меня в пристрастности. Я действительно хотела, чтобы виновником нападений считали Картера, это стало бы ему наказанием за бесконечные насмешки надо мной. То, что ангел возник в темном переулке, только изменило к худшему мое мнение о нем. Картер объяснил:

— Когда я понял, что первую записку прислал тебе нефилим, то решил, что имеет смысл походить за тобой, поскольку наш друг, кажется, проявлял к тебе особый интерес. Я собирался застать его — или ее — врасплох, а не помогать тебе, однако рад, что сумел сделать это. Кроме того, тогда у Эрика...

Картер посмотрел на демона. Тот развел руками.

— Конечно. Почему бы и нет? Скажи им. Скажи им все. Они уже и так слишком много знают.

— У Эрика, — напомнила я.

— Этот тип... нефилим... — Картер сделал задумчивую паузу. — Он поразительно много знает о нас и о сообществе бессмертных.

— А разве было не так, как вы говорили? — спросил Питер. — Нефилим нашел одного из нас, отправился за ним и обнаружил остальных.

— Нет. Точнее, это возможно, но факты доказывают, что он знает о нас куда больше, чем мог бы выяснить с помощью простой слежки...

— Ради Христа, — бросил Джером, — если уж ты начал, то рассказывай все. Не говори загадками. — Демон повернулся к нам. — Он хочет сказать, что этот нефилим пользуется утечкой информации. Кто-то снабжает его сведениями о здешнем сообществе.

Мы с Коди одновременно поняли намек.

— Вы думаете, что это делает Эрик?

— Он — подозреваемый номер один, — смущенно признался Картер. — Эрик живет здесь много лет, и у него нюх на бессмертных.

— И все это время был с вами в хороших отношениях, — с ужасом пробормотала я. — Нет, вы ошибаетесь. Это не он. Не Эрик.

— Не торопись его защищать, Джорджи. Он не единственный. Есть и другие.

— Думаешь, мне это нравится? — добавил ангел. — Но такую возможность исключить нельзя. Мы должны нейтрализовать угрозу со стороны нефилима, причем как можно раньше. Добраться до него мы не можем. Приходится анализировать его связи, а это всегда головная боль.

— Тогда почему вы не позволяете вам помогать? — воскликнула я. — К чему эта секретность?

— Ты что, глухая? Это делается для твоей же безопасности. Встреча с нефилимом могла кончиться для тебя Армагеддоном! — Джером залпом допил свой джин.

Но я не обратила на это внимания. На кону стояло нечто куда большее, чем наши жизни. Джером все еще чего-то не договаривал.

— Да, но...

— Заседание окончено, — ледяным тоном прервал он. — Прошу остальных оставить нас с Джорджиной наедине.

О, черт... Я беспомощно посмотрела на своих друзей, надеясь, что они останутся и защитят меня, однако все быстро удрали. Трусы, подумала я, но тут же опомнилась. Когда Джером говорил таким тоном, никто не мог ему перечить. В том числе и я.

Но Картер не ушел. Похоже, к нему приказ не относился.

— Джорджи, — осторожно начал Джером, когда мои друзья ушли, — в последнее время мы сталкиваемся с тобой чаще, чем раньше. Мне это не нравится.

— Это нельзя назвать столкновениями, — заметила я и слегка поежилась, вспомнив о представлении в больнице и угрозу загнать меня в тартарары. — Просто в последнее время мы расходимся во мнениях.

— Из-за этого расхождения тебя могут убить.

— Джером, может быть, дело вовсе не в этом...

— Хватит.

В меня ударила волна энергии и прижала к спинке дивана. Это напоминало аттракцион, в котором люди стоят у стенок круглой площадки, которая вращается все быстрее и быстрее, пока инерция не прижимает человека к стене. Пошевелиться было невозможно. Я даже дышала с трудом, чувствуя себя Атлантом, держащим на своих плечах всю тяжесть мира.

Голос Джерома гремел у меня в голове, я проклинала его дешевые фокусы и в то же время трепетала от страха.

— Я хочу, чтобы ты выслушала меня без своих обычных пререканий. Перестань всюду совать свой нос. Ты только привлекаешь к себе внимание, а этот нефилим и так проявляет его к тебе предостаточно. Мне не нужен новый суккуб. Я привык к тебе, Джорджина, и не хочу тебя потерять. До сих пор я относился к тебе намного снисходительнее, чем следовало. Позволял то, чего не позволил бы ни один архидемон. Пока что я смотрел на твои выходки сквозь пальцы, но могу передумать. Особенно если ты будешь продолжать нарушать субординацию. Могу отправить тебя в другое место, где ты не сможешь поддерживать удобную иллюзию человеческой жизни. Могу связаться с Лилит и сообщить ей о твоём поведении. Я уверен, что она с удовольствием займется твоей переподготовкой.

При упоминании о королеве суккубов у меня сжалось сердце. Я видела ее только однажды, когда вступила в ряды ее подданных. Эта встреча и созерцание Картера во всей его ангельской славе не относились к тем моментам, которые мне хотелось бы пережить еще раз.

— Ты поняла меня?

— Д-да.

— Это точно?

Давление усилилось, и я только слабо кивнула. Внезапно психическая сеть распалась, я качнулась вперед и начала жадно хватать ртом воздух. Но прикосновение его силы продолжало ощущаться, как временная слепота после фотовспышки.

— Я рад, что ты меня поняла. И все же я верю тебе не до конца. Ложь у нас в натуре.

— Вы хотите заслать меня в тартарары?

Он негромко хмыкнул. Это прозвучало угрожающе.

— Нет. Пока еще нет. Честно говоря, я думаю, что за тобой нужно немного присмотреть. Я не убежден, что эта твоя встреча с нефилимом последняя.

Я готова была возразить, но прикусила язык: кожу еще саднило.

— Я попросил бы сделать это одного из твоих друзей, но тебе ничего не стоит обвести их вокруг пальца. Нет, тебе нужна сиделка понадежнее. Та, которая не клюнет на твои фокусы.

— Фокусы? И кто же это? — Какое-то мгновение я думала, что Джером имеет в виду самого себя, но потом заметила наглую улыбку Картера. О боже... — Вы шутите.

— Джорджи, это заставит тебя образумиться. Более того, сохранит тебе жизнь.

— Понимаешь, в данный момент ты наша главная ниточка, — объяснил Картер. — Этот нефилим проявляет к тебе явный интерес, хотя в последнее время перешел от записок к нападению.

— Если он попытается завершить начатое, Картер будет наготове. Он также защитит твою квартиру от чужих глаз.

— Но нефилим почувствует его, когда мы выйдем на улицу... — слабо возразила я.

— Не сильнее, чем ты сама, — напомнил мне Картер. — Я буду невидимым. Призраком. Ты даже не узнаешь, что я рядом.

— Джером, пожалуйста, не надо...

— Надо. Или ты предпочитаешь, чтобы я поговорил с Лилит?

Проклятие... Встреча с Лилит была страшнее угрозы отправить меня в тартарары, и он это знал.

— Вот и хорошо. Дискуссия закончена. Я уйду и предоставляю вам самим во всем разобраться. — Джером взглянул сначала на Картера, а потом на меня. — Да, кстати... Не забудь посмотреться в зеркало.

Я насупилась, вспомнив, как пристально Коди рассматривал мои повреждения.

— Спасибо за напоминание.

— Не забывай, что ты суккуб. Синяки — проявление твоей веры в то, что ты человек. А ты им не являешься. Ты должна их чувствовать, но носить не обязана.

С этими словами демон исчез, оставив после себя слабый запах серы. Я не сомневалась, что это было сделано для показухи.

— Можно занять диван? — весело спросил Картер.

— Идите к черту, — огрызнулась я и пошла смотреть на свое отражение.

— Разве можно так обращаться со своим новым соседом по квартире?

— Я вас не звала...

Я застыла как вкопанная. Последние две недели я подозревала Картера в убийстве и других ужасных вещах. Полвека я ненавидела его как личность. Но он спас мне жизнь, а я даже не поблагодарила его.

Я повернулась, боясь того, что мне предстояло сказать.

— Извините.

Выражение его лица стало таким же, как было у Джерома, когда я попросила у демона разрешения.

— Серьезно? За что?

— За то, что не поблагодарила вас раньше. Вы спасли меня. Да, слезка никому не

доставляет удовольствия, но я рада, что вы оказались там. И, конечно, за... свою невежливость.

Лицо ангела осталось непроницаемым.

— Был рад помочь.

Не зная, что сказать еще, я повернулась и пошла дальше.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

Я снова остановилась.

— Посмотреть на себя в зеркало и лечь спать. Я устала. И схлопотала по морде.

— Значит, никакого ночного девичника? Никакого попкорна и переодеваний?

— Знаете, не обижайтесь, но переодеться вам не мешало бы. Вы выглядите как беженец.

Почему... — Я обвела его взглядом, проглотила слюну и попыталась найти нужные слова. — Когда я увидела вас там, на улице, вы были... вы были прекрасны. Ничего прекраснее я не видела за всю свою жизнь. — Я перешла на шепот.

Лицо Картера стало серьезным.

— Знаешь, Джером такой же. В своем подлинном виде. Он тоже прекрасен. Ангелы и демоны — близкая родня. Он сознательно выбрал себе внешность Джона Кьюсака.

— Зачем? Зачем он это делает? А вы зачем выбрали себе внешность наркомана или бродяги?

Уголки губ ангела приподнялись.

— Зачем женщине, утверждающей, что она избегает внимания хороших парней, выбирать себе внешность, которая заставляет каждого мужчину смотреть ей вслед?

Я снова проглотила слюну, чувствуя, что тону в его глазах. Но это отличалось от ощущения, которое я испытывала, когда смотрела в глаза Романа или Сета. Просто ангел видел меня насквозь, его взгляд пронизывал до глубины души. Точнее, до ее остатков. Усилием воли я отвела глаза и пошла к спальне.

— Ни одно наказание не длится вечно, — мягко сказал он.

— Да? А мне говорили по-другому. Спокойной ночи.

Я вошла в спальню и закрыла за собой дверь. Когда она захлопнулась, до меня донесся голос Картера:

— Кто будет готовить завтрак?

Глава восемнадцатая

Телефон зазвонил около десяти утра, прогнав сон, в котором я ела медузу и мятное мороженое с шоколадной подливкой. Перекатившись на бок, я сняла трубку и обнаружила, что тело болит гораздо меньше, чем вчера вечером. Лечение ангела подействовало.

— Алло?

— Привет. Это Сет.

Сет! Я тут же вспомнила вчерашние события. День рождения. Мороженое. Духи. Интересно, с кем он хотел встретиться после того, как подвез меня к книжному магазину?

— Привет, — выдавила я и села. — Как дела?

— Неплохо. Я приехал в «Изумрудный город», но вас не увидел... Мне сказали, что вы взяли отгул.

— Да. Я выйду завтра.

— О'кей... Может быть, встретимся сегодня? Сходим на ленч? Или в кино? Конечно, если у вас нет других планов...

— Нет... никаких... — Я прикусила язык, боясь согласиться.

Я все еще чувствовала странное, неопределимое словами влечение к Сету и ощущение, будто давно с ним знакома. Мне хотелось увидеться с ним, но я уже пыталась придерживаться политики дружеских встреч с Романом, а чем это кончилось?

Влечение влечением, но начинать ту же игру с Сетом не следовало. Кроме того, я не забыла о своем ангеле-телохранителе. Что хорошего, если он будет таскаться за нами следом? Пусть Картер как можно чаще сидит дома.

— Но я... я болею.

— Серьезно? Мне очень жаль.

— Да, понимаете... устала. — Это было не совсем ложью. — Сегодня у меня нет сил куда-то идти.

— Ох... О'кей. Вам что-нибудь нужно? Может быть, принести продукты?

— Нет... нет, — быстро сказала я, представив, как Сет кормит меня куриным бульоном, а я сижу в это время в постели. Отогнать эту картину оказалось труднее, чем я думала. — Я и так доставила вам множество хлопот. Но за предложение спасибо.

— Не за что. Мне это ничего не стоило.

— Если не станет хуже, я выйду на работу завтра. Тогда и увидимся. Может быть, выпьем кофе. Точнее, я буду пить кофе, а вы... что-нибудь без кофеина.

— О'кей, с удовольствием. В смысле без кофеина... Вы не станете возражать, если я позвоню позже и узнаю, как вы себя чувствуете?

— Конечно. — Общаться по телефону безопаснее.

— О'кей. Но если вам что-нибудь понадобится до того...

— Я знаю, как с вами связаться.

Мы попрощались. Положив трубку, я выбралась из постели и пошла посмотреть, чем занимается озорник Картер. Он был на кухне, сидел на табуретке и одной рукой кормил Обри сосиской, а в другой держал что-то вроде сэндвича. На стойке рядом с ним лежал огромный пакет с надписью «Макдональдс».

— Я приготовил завтрак, — сказал он, не сводя глаз с Обри.

— Зачем вы ее кормите такой дрянью? — отчитала я ангела. — Кошкам это вредно.

— На воле кошки не едят сухой корм.

— На воле Обри не выжила бы.

Я почесала ее за ухом, но Обри была поглощена слизыванием жира с сосиски. Открыв сумку, я обнаружила там набор сэндвичей и жареные пирожки с мясом.

— Я не знал, что ты любишь, — объяснил Картер, когда я достала сэндвич с ветчиной, яйцами и сыром.

Тронутая заботой, я вгрызлась в сэндвич. Какое счастье, что мне можно не думать о лишнем весе и избытке холестерина...

— Эй, подождите... Вы действительно ходили в «Макдональдс»?

— Угу.

Я проглотила кусок.

— Значит, вас не было? Вы только что вернулись?

— Угу.

— Что же вы за телохранитель? А вдруг нефилим вернулся бы и повторил нападение?

Он посмотрел на меня и пожал плечами.

— По-моему, ты выглядишь нормально.

— Вы не слишком хорошо справляетесь со своими обязанностями.

— Кто звонил?

— Сет.

— Писатель?

— Да. Хотел куда-нибудь сходить со мной. Я сказала ему, что болею.

— Ты разбиваешь ему сердце.

— Лучше сердце, чем что-нибудь другое. — Я доела сэндвич и потянулась за вторым.

Обри смотрела на меня с надеждой.

— Что мы будем делать?

— Ничего. По крайней мере, я сегодня никуда выходить не собираюсь. Если вы это имеете в виду.

— Так ты не привлечешь к себе внимание нефилима. — Картер обвел взглядом квартиру и скорчил гримасу, не услышав ответа. — Выходит, день нам предстоит длинный. Надеюсь, у тебя есть кабельное телевидение?

Остаток утра мы провели, пытаясь не путаться друг у друга под ногами. Я позволила Картеру воспользоваться моим ноутбуком, и он погрузился в Интернет. Что именно он искал, сказать невозможно. Я предпочла остаться в пижаме, только накинула на нее халат и решила, что так сойдет. Однажды я попыталась позвонить Роману, понимая, что рано или поздно нам придется встретиться, но сумела оставить только голосовое сообщение. Потом тяжело вздохнула и прилегла на диван с книгой, которую Сет рекомендовал прочесть в одном из своих электронных посланий.

Едва я поняла, что переварила плотный завтрак и нуждаюсь в ленче, как Картер оторвался от ноутбука, словно гончая, почуявшая дичь.

— Мне пора, — лаконично сказал он и встал.

— Что? Что вы имеете в виду?

— Нефилим.

Я рывком села.

— Что? Где?

— Не здесь.

С этими словами он исчез.

Я сидела и неловко осматривалась по сторонам. Если раньше присутствие ангела заставляло меня напрягаться, то его внезапное исчезновение оставило после себя зияющую пустоту. Я чувствовала себя уязвимой. Когда прошло несколько минут, а он так и не появился, я попыталась вернуться к книге, но отложила ее, прочитав одно и то же предложение пять раз подряд.

Есть хотелось ужасно. Я позвонила и заказала пиццу, надеясь, что Картеру тоже перепадет. Вообще-то решение было не из лучших, потому что придется открывать дверь. Когда раздался звонок, я была уверена, что за дверью стоит целая армия нефилимов. Но там оказался унылого вида посыльный, потребовавший от меня пятнадцать долларов и семь центов.

Я жевала пиццу и безуспешно пыталась смотреть телевизор. Потом выключила его, проверила электронную почту и обнаружила послание Сета, как обычно, куда более забавное, чем наша предыдущая беседа. Но надолго его не хватило. Когда я была готова взяться за раскраску, Картер снова появился в гостиной.

— Что за чертовщина? Где вы были?

Ангел хитро ухмыльнулся.

— Полегче. Разве ты не слышала, что нужно уважать тайны своего сожителя? Об этом было написано в книге, которую ты поторопилась отвергнуть.

— Прекратите. Нельзя просто сказать человеку слово «нефилим», а потом исчезнуть.

— Еще как можно. — Он нашел на стойке холодную пиццу и вонзил в нее зубы. Потом прожевал кусок и продолжил: — У этого нефилима извращенное чувство юмора. Время от времени он снимает маску и, если так можно выразиться, засвечивается. На этот раз сигнал пришел из западного Сиэтла.

— Вы можете ощущать его на таком расстоянии?

— Мы с Джеромом можем. Поймать мерзавца нам не удастся, но проверять все же приходится. Он играет с нами в кошки-мышки.

И тут до меня дошло.

— Если так, то почему вы уходите? А вдруг он нарочно выманивает вас? Отвлекает внимание, а потом примчится сюда и сцапает меня?

— Не примчится. Нефилимы не могут передвигаться как высшие бессмертные, к счастью, в этом отношении они не отличаются от тебя. Чтобы попасть сюда, нефилиму, как и всем прочим, понадобится воспользоваться машиной, а это не самый быстрый способ передвижения. Тебя защищают мили пробок.

— Странно...

— Говорят тебе, они непредсказуемы. Им нравится нарушать статус-кво только для того, чтобы посмотреть на нашу реакцию.

— Странно, — повторила я. — Может быть, он знает, что его появление заставляет вас бросать все и лететь за ним?

— Если нефилим достаточно близко, он может почувствовать телепортацию, но не более того. Когда мы надеваем маску, наши возможности, сила и все прочее остаются скрытыми. Следовательно, когда он раскрывается, то знает, что двое высших бессмертных проверят это и ничего больше.

— Значит, он следит и ждет, — сделала вывод я. — Как извращенец. О господи, до чего мне это надоело...

— И не говори. Мне тоже осточертело разыгрывать из себя рыцаря плаща и кинжала^[52]. Я заморгала.

— Подождите... Что происходит? Вы хотите убить его? Уничтожить?

Картер наклонил голову набок и с любопытством посмотрел на меня.

— А что еще с ним делать? Припаять десять лет с правом досрочного освобождения за примерное поведение?

— Я... не знаю. Я только подумала... Это что, ваше основное занятие? Вы, ангелы, постоянно искореняете зло?

— Искореняем, как ты изволила выразиться. По мере необходимости. Хотя это больше по части демонов. Честно говоря, Нанетта предлагала приехать и заняться этим нефилимом. — Он имел в виду архидемоницу Портленда^[53]. — Но я сказал Джерому, что помогу ему.

— А почему Джером не хочет сделать это сам?

— Ты бы отказалась, если бы тебе предложили помощь? — ответил вопросом на вопрос Картер. Ответ был неудовлетворительный. Поняв это, он негромко рассмеялся. — Я забыл, что Джорджина вечно торопится туда, куда боятся заходить ангелы.

— Да-да, я знаю, что означает эта поговорка. — Я встала и потянулась. — Ну, если потеха закончена, я приму ванну.

— Обычное поведение суккуба. Мне бы твои заботы.

— Что ж, вакансии есть. Впрочем, чтобы стать инкубом^[54], вам пришлось бы слегка похорошеть. И проявить немного обаяния.

— Неправда. Смертные женщины обожают уродов и нахалов. Сам видел.

— Туше^[55].

Я ушла, приняла ванну и переделалась в джинсы и майку. Вернувшись в гостиную, я включила телевизор и обнаружила, что начинается «Африканская королева»^[56]. Картер закрыл ноутбук и присоединился ко мне. Я всегда любила Кэтрин Хэпберн, но пришлось признаться, что день выдался скучный. Сидеть дома было бессмысленно. Тем более что завтра Картер все равно увяжется за мной. Мое добровольное заключение только оттягивало неизбежное. Может быть, после окончания фильма сходить куда-нибудь пообедать? В целях борьбы с клаустрофобией. Не успела я открыть рот, как Картер вскочил, снова почувствовав нефилима.

— Дважды за день?

— Такое бывает.

— Где теперь?

— Линвуд^[57].

— Этот малый не сидит на месте.

Но я говорила в пустоту: Картер уже исчез. Я вздохнула и стала досматривать фильм. После объяснения Картера мне стало немного легче. Нефилим был в Линвуде и дразнил Джерома и Картера. Не ближний свет. Ни один нефилим не может опередить ангела. Если так, то мне пока ничто не грозит. Паниковать не из-за чего.

Но когда через несколько минут зазвонил телефон, я чуть не выпрыгнула из штанов. Поднимая трубку, я была уверена, что из нее выскочит нефилим.

— Алло?

— Привет. Это снова я.

— Сет? Привет.

— Надеюсь, что не потревожил. Просто хотел узнать, как вы...

— Лучше, — честно ответила я. — Мне понравилось ваше электронное письмо.

— Серьезно? Я рад.

Затем наступила наша обычная пауза.

— Вы... хорошо поработали сегодня?

— Вообще-то да. Написал страниц десять. Конечно, кажется, что это не так много, но...

Раздался стук в дверь, и у меня по спине побежали мурашки.

— Вы... вы можете минутку подождать?

— Конечно.

Я неохотно пошла открывать, двигаясь на цыпочках, как взломщик. Так, словно медленные и осторожные движения могли спасти меня от безумно сильного сверхъестественного существа. Добравшись до двери, я осторожно заглянула в глазок.

Роман.

Я с облегчением перевела дух и открыла дверь, борясь с желанием броситься в его объятия.

— Привет...

— Это вы мне? — послышался из трубки голос Сета.

— Привет, — так же неуверенно, как и я, ответил Роман. — Можно войти?

— Нет. То есть да. Войти можно. Да, теперь я говорю с вами. — Я отошла в сторону, пропуская Романа. — Слушайте, Сет, я перезвоню вам позже, ладно? Или... лучше увидимся завтра, о'кей?

— Да... Наверное. У вас все в порядке?

— Да. Спасибо за звонок.

Я дала отбой и получила возможность уделить Роману все свое внимание.

— Сет Мортенсен, знаменитый писатель?

— Сегодня я неважно себя чувствовала, — повторила я то, что сказала Сету. — Он спрашивал, как мое здоровье.

— Ужасно мило с его стороны. — Роман сунул руки в карманы и начал расхаживать по комнате.

— Мы просто друзья.

— Конечно. Потому что вы не встречаетесь, верно?

— Роман... — Я поспешила предотвратить ссору, сменив тему. — Угостить тебя чем-нибудь? Кофе? Минеральной?

— Я не могу остаться. Получил твое сообщение и подумал... Сам не знаю, что я подумал. Это было глупо.

Роман повернулся к двери, но я схватила его за руку.

— Подожди. Не уходи. Пожалуйста.

Он повернулся и посмотрел на меня сверху вниз. Сегодня от его обычного веселья не осталось и следа. Борясь с ощущением, которое у меня всегда вызывала его близость, я с удивлением увидела, что выражение его лица смягчилось.

— Ты действительно неважно выглядишь, — с легким недоумением заметил он.

— П-почему ты так говоришь? — После напоминания Джерома я слегка трансформировалась и удалила синяки, хотя боль в тех местах, где они были, еще ощущалась.

Он протянул руку и осторожно погладил меня по щеке. Затем его пальцы стали

решительнее.

— Не знаю. Просто... ты немного бледная.

Я хотела сказать, что не стала краситься, но вовремя вспомнила про ссылку на неважное самочувствие.

— Наверное, простудилась.

Он опустил руку.

— Я могу тебе чем-то помочь? Мне не нравится... твоё состояние...

О боже, неужели я действительно выгляжу как пугало?

— Все в порядке. Просто мне нужно отдохнуть. После субботнего вечера...

— Извини, — прервал меня Роман. — Я не должен был тебя торопить...

Я уставилась на него во все глаза.

— Ты тут ни при чем. Это я. Я свихнулась и не смогла с собой справиться.

— Нет, это моя вина. Я знал, что ты не хочешь серьезных отношений, но все равно целовал тебя.

— А я тебя. Все это пустяки. Проблема в другом. Я напилась и наделала глупостей. Мне не следовало так себя вести.

— Ерунда. Честное слово. Я рад, что ты в порядке. — В его глазах затеплилась улыбка, и я вспомнила слова Сета о том, что меня легко прощать. — Послушай, раз уж мы оба чувствуем себя виноватыми, может быть, помиримся? Сходим на этой неделе куда-нибудь и...

— Нет. — От холодной решимости, прозвучавшей в моем голосе, мы оба вздрогнули.

— Джорджина...

— Нет. Роман, мы больше не будем встречаться... и притворяться друзьями тоже. — Я проглотила комок в горле. — Наверное, нам лучше расстаться...

— Джорджина! — широко раскрыв глаза, воскликнул он. — Ты что, шутишь? Мы с тобой...

— Знаю. Знаю. Но не могу. Не сейчас.

— Ты порываешь со мной?

— Ну, мы же толком и не встречались...

— Что с тобой случилось? — резко спросил он. — Почему ты боишься близости с другим человеком? Что заставляет тебя бежать? Кто причинил тебе вред?

— Послушай, все не так просто. И не имеет никакого значения. Ты же сам говорил, что прошлое нужно оставлять позади. Просто я не могу сейчас с тобой встречаться, вот и все.

— У тебя есть кто-то другой? Даг? Или Сет?

— Никого у меня нет. Но я не могу быть с тобой.

Мы ходили по кругу, повторяя одно и то же разными словами, и напряжение нарастало. Казалось, это длилось вечно, хотя на самом деле прошло всего несколько минут. Он проявлял настойчивость, я отказывала. Роман не злился, не выходил из себя, но было видно, что он расстроен. А я чувствовала, что заплачу сразу же, как только за ним закроется дверь.

Наконец, Роман посмотрел на часы и мрачно провел рукой по темным волосам. В его бирюзовых глазах горела обида.

— Мне пора уходить. Но мы еще поговорим.

— Нет. Не думаю, что это имеет смысл. Так лучше. Мне действительно было хорошо с тобой...

Он горько рассмеялся и пошел к двери.

— Не говори так. Не подслащай пилюлю.

— Роман... — Я чувствовала себя ужасно. На его лице отразились гнев и боль. — Роман, пойми...

— Еще увидимся, Джорджина. А может быть, и нет.

Едва он хлопнул дверью, как по моим щекам полились слезы. Я пошла в спальню, упала на кровать и хотела как следует выплакаться, но ничего не вышло. К отчаянию примешивалось облегчение. Хотелось побежать за Романом и вернуть его, но внутренний голос предупреждал меня, что я не только не должна делать это, но и обязана порвать с Сетом, пока события не вышли из-под контроля.

О боже, почему я всегда причиняю боль людям, которые мне дороги? Что заставляет меня вечно повторять пройденное? У меня перед глазами еще стояло обиженное лицо Романа, но я успокаивала себя тем, что его душевная травма не так сильна, как травма Кириакоса. Далеко не так.

...Узнав о моем романе с Аристоном, меня прокляли обе семьи, за этим последовал развод без возврата приданого. Я думала, что смогу совладать с насмешками и даже с ненавистью. Но справиться с тем, что случилось с Кириакосом, мне не удалось. Я хотела, чтобы он выплеснул на меня свой гнев, но у него не осталось даже его. Вообще никаких чувств. Я его уничтожила.

Через несколько дней после нашего расставания я увидела, как Кириакос сидел на скале, нависшей над морем. Несколько раз я пыталась заговорить с ним, но он не отвечал. Только смотрел в бескрайнюю голубую даль. Его лицо было бесстрастным.

Я стояла рядом с ним, испытывая противоречивые чувства. Мне нравилось утолять запретное желание с Аристоном и в то же время хотелось, чтобы Кириакос любил меня. Но иметь и то, и другое было невозможно.

Я хотела вытереть Кириакосу слезы, но он резко отстранил мою руку. Чуть не ударил. Такое случилось впервые.

— Не надо. — Он вскочил. — Больше не прикасайся ко мне. Никогда. Меня от тебя тошнит.

Я тоже заплакала, хотя его гнев означал, что Кириакос еще жив.

— Пожалуйста... Это была ошибка. Я не знаю, как это случилось.

Он негромко засмеялся. Смех оказался страшным и беспощадным.

— Не знаешь? Когда-то хорошо знала, и он тоже.

— Это была ошибка.

Кириакос повернулся ко мне спиной, подошел к краю утеса и стал смотреть на море. Потом протянул руки назад, откинул голову и подставил грудь ветру. Рядом кричали чайки.

— Ч-что ты делаешь?

— Лечу, — ответил он. — Если я перелечу через этот край, то снова буду счастлив. Или вообще не буду ничего чувствовать. Больше не буду думать о тебе. Не буду думать о твоём лице, глазах, улыбке и запахе. Больше не буду любить тебя. И ощущать боль.

Я медленно направилась к нему, одновременно боясь, что мое присутствие заставит его броситься в пропасть.

— Перестань. Ты пугаешь меня. Ты этого не сделаешь.

— Не сделаю?

Кириакос посмотрел на меня. В его глазах не осталось ни гнева, ни осуждения. Только боль. Скорбь. Отчаяние. Черное, как безлунная ночь. Это было ужасно. Я хотела, чтобы он

снова накричал на меня.

Пусть бы даже ударил, это означало бы, что он жив. Но жизнь в нем уже не теплилась. Осталась только тьма.

Он мрачно усмехнулся. Это была усмешка мертвеца.

— Я никогда не прощу тебя.

— Пожалуйста...

— Лета, ты была моей жизнью... но это осталось в прошлом. Все закончилось.

Он отошел от края скалы. Мое сердце разбилось, и все же я вздохнула с облегчением. Я хотела побежать за ним, но не решилась. Я села на его место, притянула колени к груди и уткнулась в них лицом, мечтая умереть.

— Знаешь, он вернется, — внезапно прозвучало у меня за спиной. — Притяжение слишком велико. И в следующий раз он может прыгнуть.

Я вздрогнула и рывком подняла голову. Шагов слышно не было. Мужчина, стоявший позади, был мне незнаком. Для деревни, в которой все знают друг друга, это казалось странным. Он был стройным, вежливым и носил самую нарядную одежду, которую мне доводилось видеть.

— Кто ты?

— Меня зовут Нифон, — с легким поклоном ответил он. — А ты Лета, дочь Мартанеса, бывшая жена Кириакоса.

— Я все еще его жена.

— Это ненадолго.

Я отвернулась.

— Чего ты хочешь?

— Помочь тебе, Лета. Помочь справиться с бедой, в которую ты попала.

Я медленно повернулась и посмотрела в яркие глаза щеголя.

— Мне не до шуток.

— Уверяю тебя, я говорю серьезно.

Внезапно я поняла, что он говорит правду, хотя поверить в это было невозможно. Позже я узнала, что Нифон являлся бесом, но в тот момент ощущала лишь окутывавшую его странную ауру, намек на силу, говоривший, что этот человек способен выполнить обещанное.

— Как?

Его глаза заблестели так же, как у Хью, когда тот предвкушал крупную сделку.

— Стереть память о том, что ты сделала, не так легко. Это кое-чего стоит.

— А меня ты тоже сможешь заставить забыть?

— Нет. Но могу сделать так, чтобы об этом забыли все остальные. Твоя семья, твои друзья, твоя деревня, Он.

— Не знаю... Вряд ли я смогу вернуться к ним. Даже если они забудут, я буду помнить. Я не смогу смотреть в глаза Кириакоосу. Если только... — Я замешкалась, подумав, что навсегда расстаться с дорогими людьми ничуть не лучше. — Ты можешь заставить их забыть меня? Так, словно я вообще не существовала?

Нифон шумно и радостно выдохнул:

— Да. О да. Но такая услуга... такая услуга стоит еще дороже...

И тут он объяснил мне, что именно я должна отдать за возможность совершенно исчезнуть из памяти тех, кого любила. Свою душу. Эта душа будет оставаться моей, пока я

хожу по земле, но, если так можно выразиться, она будет дана мне взаймы. Это обычная цена за любое вмешательство сил ада. Но ад хочет от меня большего: вечной службы злу. Я буду до конца жизни соблазнять мужчин, выполнять их фантазии ради собственной выгоды и выгоды тех, кому я буду служить. После того, что со мной случилось, это выглядело как ирония судьбы.

Вдобавок я получу возможность принимать любое обличье, которое захочу, непобедимое очарование и, конечно, вечную жизнь. Бессмертие и неуязвимость. Многие продали бы душу только за одно это.

— Ты справишься с этим. Станешь одной из лучших. Я чувствую. — Бес умел заглядывать людям в душу. — Почти все думают, что желание гнездится в теле, но на самом деле оно и здесь тоже. — Он коснулся моего лба. — И ты никогда не умрешь. Останешься молодой и красивой, пока существует этот мир.

— А потом?

Он улыбнулся.

— Лета, до этого очень далеко. А сейчас на кону стоит жизнь твоего мужа.

Это решило все. Знание того, что я могу спасти Кириакоса, дать ему новую жизнь, возможность снова стать счастливым и освободить от воспоминаний обо мне. А я смогу избежать позора и получить заслуженное наказание. Моя душа — в то время я вообще не знала, что она такое — была небольшой платой за это. Я согласилась на сделку, сначала скрепив ее рукопожатием, а потом сделав отметку на бумаге, которую не могла прочитать. Нифон ушел, а я вернулась в деревню. Все оказалось до ужаса просто.

Когда я вернулась, вышло именно так, как он обещал. Желание было уже выполнено. Никто меня не узнавал. Прохожие, которых я знала всю свою жизнь, смотрели на меня как на чужую. Сестры проходили мимо. Я мечтала найти Кириакоса и удостовериться, что он тоже забыл меня, но мне не хватило смелости. Я не хотела, чтобы он снова видел мое лицо. Даже если не узнает его. Поэтому я пробродила весь день, пытаюсь привыкнуть к мысли о том, что стала всем чужой. Это оказалось труднее, чем я думала.

Когда наступил вечер, я снова ушла за деревню. Ночевать было негде. Ни родных, ни подруг у меня не осталось. Я сидела в темноте, смотрела на луну и звезды и думала, что делать дальше. Ответ нашелся быстро.

Она появилась как из-под земли. Сначала в виде тени, а потом засветилась и приняла вид женщины. Окутывавшая ее аура дрожала от силы, и внезапно я почувствовала приступ удушья. Я попятилась, трепеща от ужаса, мои легкие перестали принимать воздух. Откуда-то налетел ветер, разметавший мои волосы и пригнувший траву.

Она предстала передо мной, и снова наступила темнота. Лилит. Королева суккубов. Богиня Ночи. Первая Женщина.

Я ощутила самый большой страх в жизни и... желание. Раньше меня никогда не тянуло к женщинам, но Лилит оказывала такое влияние на всех. Это было ее сущностью. Никто не мог ей сопротивляться.

В ту ночь она была высокой и стройной, гибкой и красивой. Ее кожа казалась бледной, словно у аристократки, для нас, постоянно работавших в поле, это было нереально. Ее волосы, черные как смоль, падали блестящими волнами и достигали лодыжек. А ее глаза... Напомню только, что в старых мифах суккубов называли огненноглазыми. Ее глаза, прекрасные, но мертвые, обещали выполнить любое твоё желание, достаточно только позволить ей помочь. Я до сих пор не могу вспомнить их цвет, хотя в ту ночь не могла

отвести от них взгляда.

— Лета, — представ передо мной, проворковала она. Воздух между нами потрескивал, и я снова затрепетала — на сей раз от желания. Я хотела бежать, но вместо этого опустилась на колени — в знак уважения, да и просто потому что не было возможности устоять на ногах. Она подошла, подняла мне подбородок и заставила снова смотреть себе в глаза. Острые черные ногти больно вонзались в мою кожу, но это казалось чудесным. — Теперь ты станешь моей дочерью и будешь до конца своих дней сеять вражду и вызывать страсть. Станешь искушением и наказанием, мечтой и кошмаром одновременно. Смертные сделают для тебя все, лишь бы получить одно твое прикосновение. Тебя будут любить и желать, пока земля не превратится в прах.

От ее близости я застонала, но Лилит придвинулась еще ближе и подняла меня. Царственные губы коснулись моих губ, и от их прикосновения я испытала оргазм. Этот поцелуй заглушил мои стоны. Я закрыла глаза, не в силах смотреть на нее и не в силах отвернуться. Мое тело сводили сладостные судороги. Я изнывала от блаженства, но одновременно со мной происходило что-то еще.

Я становлюсь бессмертной.

Это напоминало разрушение, казалось, я превращалась в пыль на ветру. Я думала, что так умирают. Ты становишься ничем. Растворяешься без остатка. А потом я так же быстро снова стала самой собой. Но теперь во мне была сила, отличавшаяся от той, которая наполняла смертных. Мое бессмертие сияло как звезда в ночи, холодная и чистая. Мне больше не грозила старость. Не грозили болезни. Отныне меня не пугала мысль, что время коротко, а потому я обязана оставить свой след на земле. Оставить потомство.

Я открыла глаза, и неистовое наслаждение исчезло. А вместе с ним исчезла и Лилит. Я стояла во тьме одна, дрожа от собственной новоявленной силы. И от того, что пришло вместе с ней: сладострастного зуда. Зуда, говорившего, что моя кожа может стать какой угодно, стоит только захотеть. Я родилась заново. Я могла все.

И была голодна...

— Что случилось?

Я смахнула слезы и посмотрела на Картера, стоявшего на пороге спальни. Он с участием смотрел на меня, придерживая рукой волосы, падавшие на глаза.

— Ничего, — пробормотала я, зарывшись лицом в подушку. — Никаких нефилимов?

— Никаких нефилимов. — Наступила неловкая пауза. — Послушай, ты уверена, что ничего не случилось? Вид у тебя неважный.

— Я же сказала. Ничего.

Однако он не отставал.

— Я понимаю, у нас с тобой не такие близкие отношения, но если бы ты рассказала...

— Вы все равно не поймете! — злобно ответила я. — Потому что у вас нет сердца. Вы не знаете, что это такое, так что можете не притворяться.

— Джорджина...

— Уйдите. Пожалуйста.

Я снова уткнулась в подушку, ожидая новых возражений. Но их не последовало. Когда я решила поднять глаза, ангел уже исчез.

Глава девятнадцатая

На следующее утро Картер принес мне нарциссы. Я не могла понять, где он умудрился их достать в это время года. Наверное, телепортировал с другого континента.

— Что это значит? — сердито спросила я. — Вы что, решили поухлестывать за мной?

— Будь так, я бы принес розы. — Впервые за все время нашего знакомства ангел выглядел смущенным. — Не знаю... Вчера вечером ты была расстроена, и я подумал... подумал, что цветы поднимут тебе настроение.

— Спасибо... очень мило. А насчет вчерашнего вечера... я набросилась на вас...

Он помахал рукой.

— Не переживай. У каждого из нас бывают минуты слабости. Имеет значение только то, как мы их преодолеваем.

Я поставила нарциссы в вазу и стала думать, куда ее деть. На стойке стоял уже увядший букет Романа, а красные гвоздики, которые я купила в вечер убийства Дьюана, давно отправились на помойку. Соперников цветам Романа не требовалось, поэтому я отнесла нарциссы в спальню и пристроила их на подоконник.

Постепенно у нас установился распорядок. Мы с Картером так и не стали лучшими друзьями, но ладили неплохо. Вместе обедали, ходили в кино, а временами даже вместе готовили. Причем ангел управлялся на кухне гораздо лучше, чем я.

Он ходил со мной в книжный магазин и выполнял свое обещание оставаться невидимым. Я не знала, что он делал, когда я работала. Наверное, бродил по залу и наблюдал за людьми. Может быть, даже листал книги. Я знала, что чаще всего Картер дежурил в моем кабинете — даже в мое отсутствие, — надеясь, что нефилим пришлет новую записку. Но записки не было. Правда, иногда злодей давал о себе знать, и Картер на время исчезал. Он либо не предупреждал меня вообще, либо слегка прикасался к моей щеке после возвращения, либо говорил несколько слов, звучащих только в моем мозгу.

У меня вошло в обычай перед началом смены пить кофе с Сетом. В первый день меня ждала чашка мокко с белым шоколадом. К моему изумлению, он заказал себе то же самое.

— Брюс сварил мне чашечку без кофеина, — объяснил Сет.

Отказаться от такого предложения было невозможно, поэтому я села и поговорила с ним. Это повторилось и на второй день, и на третий... Как я и ожидала, полностью порвать с ним оказалось трудно, но я продолжала решительно отказываться встречаться с ним где-то кроме работы. Но вскоре возникла довольно любопытная ситуация.

Я все еще переживала из-за Романа, а потому двигалась неуклюже, говорила очень мало и думала только о собственных несчастьях. Должно быть, Сет чувствовал это. Не желая, чтобы наши беседы в кафе прекратились, он стал брать инициативу в свои руки. Сначала разговоры были слегка натянутыми, но когда Сет немного освоился, выяснилось, что говорит он не хуже, чем пишет. Перемена была разительной. Время, проведенное с Сетом, доставляло мне удовольствие, а переживания из-за Романа утикли.

«Он действительно славный парень, — однажды утром заметил Картер, когда я рассталась с Сетом и пошла к столу консультанта. — Не знаю, зачем тебе страдать по тому малому, если у тебя есть этот».

«Дело не в том, славный Сет или нет, — огрызнулась я. Мне было слегка не по себе от мысленной связи, которой так охотно пользовались бессмертные высшего ранга. — И

никаких новых малых я не ищу. Вы даже не знаете Романа, а говорите».

«Ну, ты тоже знаешь его не так давно. Что тебя в нем привлекло?»

«Очень многое. Во-первых, он веселый. Во-вторых, умный. А в третьих, красивый».

«Что ж, у большинства нет и этого. И все же я ставлю на Сета».

«Отстаньте. Мне нужно работать».

Ангелы... Что они понимают?

Когда на четвертый день я возвращалась с работы, Картер мысленно спросил:

«Не хочешь навестить Эрика?»

Я наморщила лоб. Сегодня я работала в утреннюю смену, но вечером мне нужно было снова быть в магазине, чтобы провести заключительный урок танцев для сотрудников. До возвращения оставалось два часа, и я предпочла бы по недавно возникшей привычке посмотреть с Картером какой-нибудь старый фильм.

— Что у вас на уме? — вслух спросила я, когда мы вошли в квартиру.

Картер материализовался рядом.

— Хочу провести разведку. Нефилим затаился. Ни записок. Ни нападений. Да, мы знаем, что этот малый еще здесь, потому что время от времени он посылает нам сигналы. Но почему? В чем заключается его игра?

Я вынула из холодильника банку пива и села на табуретку.

— Вы не считали, что утечка информации идет через Эрика.

— Нет, не считал. Я уже говорил, что очень не хотел бы этого, но в здешних краях Эрик единственный человек, который располагает информацией о бессмертных.

— И, — мрачно закончила я, — если он общается с нефилимом, то может кое-что знать о его планах. Что вы собираетесь делать? Взять Эрика за грудки и как следует потрясти? Если так, то я в этом участвовать не собираюсь.

— Это не в моем духе. Я могу определить, когда люди лгут, но выпытывать у них сведения не мастер. Ты сама недавно сказала, что для этого мне не хватает обаяния. Зато у тебя его навалом.

Направление, которое принимал наш разговор, мне не нравилось.

— И что я должна буду сделать?

— Уверяю тебя, ничего особенного. Просто поговорить с ним, как обычно. Как во время вашей последней беседы. Напомни ему о нефилимах и посмотри, что будет. Ты ему нравишься.

— А что станете делать вы?

— Стоять рядом. Только я буду невидимым.

— Времени мало. Нам нужно успеть вернуться к уроку танцев.

— Не беспокойся. Я тебя телепортирую.

— Тьфу... — За прошедшие годы высшие бессмертные телепортировали меня несколько раз. Ощущение было не из приятных.

— Перестань, — чувствуя мое настроение, велел Картер. — Неужели ты не хочешь положить этому конец?

— Ладно-ладно. Только переоденусь. Просто я не уверена, что нам это удастся.

Картер сделал несколько замечаний в стиле Джерома о моем желании восхищаться собой, но я пропустила его слова мимо ушей. Когда я привела себя в порядок, мы стали невидимыми, и ангел взял меня за запястья. На тысячную долю секунды меня подхватил ветер, а потом я очутилась в магазине Эрика. Легкий приступ тошноты, похожий на тот,

который бывает после изрядной выпивки, быстро прошел.

Не заметив никого вокруг, я стала видимой.

— Привет...

Через несколько мгновений из задней комнаты выглянул владелец магазина.

— Мое почтение, мисс Кинкейд. Я не слышал, как вы вошли. Рад снова видеть вас.

— Взаимно. — Я одарила его фирменной улыбкой суккуба.

— Я вижу, вы принарядились, — сказал он, глядя на мое платье. — Какой-то особый случай?

— Прямо от вас я поеду на танцы. Вообще-то я ненадолго.

— Понимаю. На чаепитие времени хватит?

Я замешкалась, но Картер шепнул мне на ухо: «Да».

— Да.

Эрик пошел ставить чайник, а я начала убирать со стола. Каждый из нас играл свою роль. Когда старик вернулся с чайником, я убедилась, что это очередная травяная смесь, на этот раз называвшаяся «Ясность».

Я хвалила чай, все время улыбалась и изо всех сил старалась быть очаровательной. Даже сказала несколько светских фраз перед тем, как перейти к выполнению своей миссии.

— Я хотела поблагодарить вас за цитату из Библии, на которую вы сослались в прошлый раз, — объяснила я. — Она помогла мне понять, кто такие падшие ангелы, но, признаюсь, после этого... мои мысли стали работать в странном направлении.

— Да? — Эрик приподнял густые седые брови и поднес чашку к губам.

Я кивнула.

— Там говорилось, что падшие ангелы женились и имели потомство. Так называемых нефилимов.

«Ну, ты даром времени не тратишь», — иронически заметил Картер.

Старик кивнул с таким видом, словно я сделала самое обычное замечание.

— Да-да, нефилимы. Тема прелюбопытнейшая. Для специалистов по Библии это камень преткновения.

— Как это?

— Ну, некоторым сторонникам религии не нравится, что ангелы, чистейшие из чистых, отдавали дань физиологии. Даже падшие. А то, что по земле до сих пор бродят их полубожественные незаконные потомки, пугает их еще больше. У многих искренне верующих это вызывает гнев.

— Так, значит, это правда? Что нефилимы появляются среди нас?

Эрик снова лукаво улыбнулся.

— Вы снова задаете мне вопрос, ответ на который просто обязаны знать.

«Видишь? Так же он разговаривает и со мной. Увиливает от ответа».

«Вы с Джеромом тоже увиливаете от наших вопросов», — бросила я ангелу.

А Эрику ответила:

— Ну, я уже признавалась, что мой кругозор не слишком широк. — Он только хмыкнул, и я продолжила: — Так как же? Появляются они или нет?

— Мисс Кинкейд, вы говорите так, словно речь идет об инопланетянах. По иронии судьбы, одни специалисты в области теории заговоров утверждают, что космические наблюдатели на самом деле являются нефилимами, а другие говорят, что все наоборот. Но хочу вас обрадовать... или огорчить. Да, они действительно появляются.

— Иноземные наблюдатели или нефилимы? — пошутила я, пытаясь придать беседе непринужденный характер, но понимая, что речь идет именно о нефилимах.

Я уже знала, что они существуют, однако обрадовалась, что Эрик подтвердил этот факт. Если бы он был союзником нефилима, то постарался бы скрыть это.

— И те и другие. Если бы вы провели больше времени на моей прежней работе, то не сомневались бы.

Я громко расхохоталась. В «Хрустальном пинцете» действительно имелись горы книг, посвященных контактам с инопланетянами.

— Да, я забыла. Знаете, в последнее время у меня было несколько стычек с вашим бывшим боссом.

Эрик прищурился.

— Серьезно? Из-за чего?

— Так, ерунда. Профессиональные разногласия. Я увела у нее двух сотрудниц. Тамми и Джейнис. Елене это не слишком понравилось.

— Могу себе представить. И что она сделала?

— Пришла в мой магазин, подняла шум и предсказала мне очень мрачное будущее. Пустяки.

— Она интересная женщина, — заметил Эрик.

— Слишком мягко сказано. — Я поняла, что мы отклонилась от темы, и приготовилась к выговору от Картера, но его не последовало. — Вы не знаете, как можно увидеть нефилима? Вычислить, где он появится потом?

Эрик странно смотрел на меня и молчал. У меня засосало под ложечкой. А вдруг он знает о нашем нефилиме, но не хочет говорить? Я надеялась, что нет.

— Нет, — наконец, ответил он. — Определить местонахождение бессмертного не так легко.

— Однако возможно.

— Да, конечно. Но некоторые из них прячутся лучше остальных. Нефилимы в этом отношении рекордсмены, потому что их постоянно преследуют.

— Даже когда они никому не причиняют хлопот? — с удивлением спросила я.

Ни Картер, ни Джером об этом не говорили.

— Даже тогда.

— Это очень грустно.

Я вспомнила аннотацию на обложке книги Харрингтона, в которой говорилось, что нефилимы отвергнуты и небом, и адом. Возможно, если бы я оказалась на их месте, то тоже постаралась бы насолить обеим сторонам. Во всяком случае, дала бы понять, что их поведение мне не нравится.

Больше рассказать о нефилимах Эрику было нечего, и наша беседа постепенно сошла на нет. К моему удивлению, прошел почти час, а Картер так и не остановил меня. Я извинилась перед Эриком, сказала, что мне пора, и, как обычно, купила у него чай. А он, как обычно, пригласил заходить к нему в любое время.

Когда я пошла к двери, Эрик неохотно окликнул меня.

— Мисс Кинкейд... Насчет нефилима...

Я покрылась гусиной кожей. Он и в самом деле что-то знал. Проклятие...

— Не забудьте, они бессмертны. Они живут здесь очень долго, но, в отличие от остальных бессмертных, не имеют ни планов, ни конкретных целей. Многие просто

пытаются выжить и ведут самую обычную жизнь.

Я вышла наружу, размышляя над этим странным замечанием. Нефилим, ведущий самую обычную жизнь... Это плохо сочеталось с ужасными картинами, которые возникали в моем мозгу.

Давно настал вечер, и на автостоянке было пусто. Я стала невидимой и начала ждать телепортации. А та все не наступала. Я ждала. Ждала...

— Ну? Из-за чего задержка? — пробормотала я.

Ответа не последовало.

— Картер?

Снова тишина.

И тут до меня дошло: Картер отправился на очередную охоту за нефилимом. Я была одна. Отлично. И что мне делать? Машины нет. Хотя Картер говорил, что в такие моменты мне ничто не угрожает, стоять одной в темноте оказалось неуютно. Я приняла видимый облик и вернулась в магазин. Эрик с удивлением посмотрел на меня.

— Ничего, если я подожду, пока за мной приедут?

— Конечно.

Ну вот, теперь придется просить у кого-то помощи... Я достала новый мобильник и задумалась. Идеальным выбором был бы Коди, но он жил слишком далеко от магазина, а я находилась на севере. Наверное, он уже ехал на урок танцев. Обратись я к нему, в результате опоздали бы мы оба. Мне нужен был человек, живший неподалеку, но я не знала никого, кроме... Господи, ведь Сет живет около университета! Оттуда рукой подать до Лейк-сити. Вопрос заключался в том, дома ли он или все еще торчит в районе Королевы Анны.

Я набралась храбрости и позвонила ему на мобильник.

— Алло...

— Это Джорджина. Где вы?

— Э-э... дома...

— Отлично. Вы не могли бы заехать за мной?

Сет прибыл к Эрику через пятнадцать минут.

Я ждала, что к этому времени появится Картер, но его не было. Я поблагодарила Сета и села в его машину.

— Большое спасибо. Похоже, человек, который обещал меня подвезти, проспал.

— Не за что. — Он помедлил, покосился на меня и сказал: — Вы чудесно выглядите.

— Спасибо. — На мне было красное платье без рукавов и топ в виде корсета.

— Но к такому наряду может потребоваться фланелевая рубашка.

Я не сразу вспомнила про ансамбль, который носила у его брата. И еще через несколько секунд поняла, что рубашку ему я так и не вернула.

— Прошу прощения, — пробормотала я. — Скоро отдам.

— Ничего страшного. Я сам перед вами в долгу, потому что так и не вернул книгу. Зуб за зуб. Только поносите мою рубашку подольше, чтобы она пропиталась запахом вашей кожи и духов...

Внезапно он умолк, видимо, испугавшись, что сказал лишнее. Я хотела пошутить над этой фразой, чтобы помочь ему побороть смущение, но вместо этого представила себе, как он подносит рубашку к лицу и вдыхает мой запах. Картина была такой сексуальной и вызывающей, что у меня участилось дыхание. Я отвернулась и стала смотреть в окно, пытаясь скрыть свои чувства.

Остаток пути прошел в мертвой тишине. «Бесстыжая тварь, — думала я. — Только что плакала по Роману, а теперь мечтаешь лечь в постель с Сетом. Потаскушка. Посылаешь мужчинам непонятные сигналы, бегаешь от одного к другому, притягиваешь их и отталкиваешь одновременно. Ну да, энергия, полученная тобой от Мартина, подходит к концу, поэтому все мужчины начинают казаться тебе симпатичными, и все же... Стыда у тебя нет. Сама не знаешь, кого и чего хочешь».

Когда Сет припарковался у «Изумрудного города», но отказался пойти со мной на танцы, я почувствовала угрызения совести. Он наверняка решил, что я считаю его извращенцем или фетишистом. Позволить Сету переживать из-за этого было выше моих сил. Требовалось расставить все по своим местам.

Я наклонилась, надеясь, что корсет сделает за меня половину дела.

— Вы помните ту сцену из «Стеклянного дома», где О'Нил приходит в гости к официантке?

Он поднял бровь.

— Да. Была такая сцена.

— Кажется, там он говорит, что покинуть женщину в платье с декольте — это позор?

Сет смотрел на меня с непроницаемым выражением, но, в конце концов, на его лице появилась улыбка.

— О'Нил сказал: «Мужчина, который бросает женщину в таком платье, вовсе не мужчина. Женщина в таком платье не желает оставаться одна».

Я многозначительно посмотрела на него.

— И что дальше?

— Вы о чем?

— Не заставляйте меня объяснять. Я как раз в таком платье и не желаю оставаться одна. Пойдемте со мной. Вы забыли, что должны мне танец.

— А вы забыли, что я не танцую.

— По-вашему, О'Нила это остановило бы?

— По-моему, О'Нил иногда совершает необдуманные поступки. Не умеет вовремя остановиться.

Я сокрушенно покачала головой и отвернулась.

— Ладно, — сдался Сет. — Я иду с вами.

— Где тебя носит? — спросил меня Коди, когда мы чуть ли не бегом поднялись в кафе закрывшегося магазина.

Я обняла его, Коди и Сет обменялись дружелюбными кивками, после чего писатель смешался с толпой сотрудников.

— Долгая история.

— Это правда? — прошептал мне на ухо Коди. — Картер действительно здесь?

— Нет. Он был со мной, но смылся. Поэтому я и опоздала. Пришлось звонить Сету и просить заехать за мной.

Молодой вампир слегка успокоился.

— Похоже, вам обоим пришлось пойти на большую жертву.

Не обращая внимания на подколы, я повернулась к сотрудникам и начала урок. Как и в прошлый раз, они старались изо всех сил. Мы не разучивали ничего нового, просто повторяли старые па и закрепляли навыки. Как и сказал Сет, он не танцевал. Правда, сопротивляться ему стало труднее, потому что теперь служащие магазина его прекрасно

знали. Его приглашали многие женщины, но он был неумолим.

— Если его пригласишь ты, он согласится, — шепнул мне Коди.

— Сомневаюсь. Он отказывается весь вечер.

— Да, но ты умеешь убеждать.

— Картер говорит на то же самое. Не знаю, с чего вы взяли, что мы подходим друг другу.

— Просто пригласи его, и все.

Я возвела глаза к небу и подошла к Сету, заметив, что он не сводит с меня глаз.

— Ладно, Мортенсен, даю вам последний шанс. Вы готовы превратиться из вуайериста^[58] в эксгибициониста?^[59]

Он наклонил голову и с любопытством посмотрел на меня.

— Мы все еще говорим о танцах?

— Как посмотреть. Кто-то однажды сказал, что мужчины танцуют так же, как занимаются сексом. Если вы хотите, чтобы все присутствующие считали, что вы можете только сидеть, то...

Он встал.

— Давайте танцевать.

Хотя слова Сета прозвучали решительно, он сильно нервничал. Его ладонь, державшая мою руку, вспотела, а вторая очень неохотно легла на мое бедро.

— Моя рука совсем утонула в вашей, — слегка поддразнила я. — Расслабьтесь. Слушайте музыку и считайте про себя. Следите за моими движениями.

Когда мы начали танец, у меня сложилось впечатление, что Сет уже тренировался. Он хорошо помнил вариацию. Ему было трудно сочетать шаги с музыкой, я же делала это инстинктивно. Сет действительно считал про себя и заставлял ноги двигаться в такт. Поэтому он больше смотрел вниз, чем на меня.

— После урока выйдем вместе? — небрежно спросила я.

— Прошу прощения. Я не могу разговаривать и считать одновременно.

— Ох... Ладно. — Я с трудом скрыла улыбку.

Мы молча продолжали танцевать, пока не закончился урок. Держаться естественно Сет так и не научился, но он не пропускал ни одного па, все делал прилежно и старательно, хотя при этом обливался потом. В его объятиях мне снова почудилось что-то знакомое, в разделявшем нас пространстве потрескивало электричество.

По окончании урока мы с Коди обошли всех учеников и попрощались с ними. Сет оказался одним из последних. Когда мы с Коди пошли к служебному выходу, он подошел к нам.

— Отлично поработали сегодня, — сказал ему Коди.

— Спасибо. На кону стояла моя репутация. — Сет повернулся ко мне. — Надеюсь, я оправдал ваше сравнение танцев с сексом.

— Да, пару раз я заметила некоторое сходство, — ответила я, состроив постную физиономию.

— Всего пару раз? А как быть со вниманием к деталям, терпением, пролитым потом и стремлением во что бы то ни стало хорошо сделать свое дело?

— Лично я пришла к выводу, что во время секса вы молчите. — Вряд ли следовало так говорить, но соблазн был слишком велик.

— Да. Потому что у моих губ есть более серьезное дело.

Тут у меня пересохло во рту.

— Мы все еще говорим о танцах?

Сет пожелал нам спокойной ночи и ушел. Я грустно смотрела ему вслед.

— Неужели это может кому-то доставить удовольствие?

— Конечно, — весело прозвучал у нас за спиной голос Картера.

Мы с Коди вздрогнули.

— О боже! — воскликнула я. — Когда вы вернулись?

— На разговоры нет времени. Держитесь, ребятки.

Ангел быстро оглянулся, убедился, что мы одни, и внезапно схватил нас за запястья. Я снова ощутила легкий приступ тошноты и очнулась в элегантно обставленной гостиной. Я никогда здесь не была, но мне очень понравилось. Со вкусом подобранная кожаная мебель, дорогие картины на стенах. Роскошь. Стиль. Пышность.

Проблема заключалась только в одном: здесь царил разгром. Шикарная мебель была изрезана, столы перевернуты, а картины висели криво. На стене красовался незнакомый мне символ, сделанный с помощью баллончика: круг с вертикальной полосой, которую под углом пересекала другая. От такого надругательства над красотой я онемела.

— Добро пожаловать во дворец Джерома, — объявил Картер.

Глава двадцатая

— Прошу прощения за выбор доставки, — продолжил Картер. — Джером начинал выходить из себя из-за того, что я так надолго оставил вас одних.

— Я не выходил из себя никогда в жизни. Точнее, за все мое существование... В общем, называйте как хотите, — задумчиво ответил Джером, расхаживавший по комнате.

Глядя на него, можно было в это поверить. Как обычно, безукоризненно одетый, он держал в руке бокал с мартини и чувствовал себя в этом бедламе совершенно непринужденно.

— Симпатичное место, — сказала я ему, все еще напуганная разгромом. — Настоящее жилище светского человека.

Моя шутка заставила демона улыбнуться.

— Джорджи, рад тебя видеть. — Он сделал глоток мартини. — Да, сейчас здесь слегка неуютно, но не беспокойся, скоро все будет в порядке. Тем более что это не единственное место моего проживания.

Джером никогда не говорил о том, где живет, и я подозревала, что только благодаря вмешательству Картера мы здесь очутились. Сам демон нас вряд ли пригласил бы. Я подошла к окну в виде фонаря и полюбовалась великолепным видом на озеро Вашингтон, за которым светились огни Сиэтла. Я была готова побиться об заклад, что мы находимся в Медине, одном из самых фешенебельных восточных предместий города. Наш Джером любил только самое лучшее.

— Так что все-таки здесь случилось? — наконец, спросила я, когда стало ясно, что никто не собирается затрагивать эту тему. — Это было нападение нефилима или вечеринка, на которой гости дали себе волю? Если верно последнее, я буду ужасно жалеть, что нас не пригласили.

— Жалеть тебе не придется, — с улыбкой ответил Картер. — Наш друг нефилим слегка порезвился здесь, а потом вспышкой дал нам знать, что дело закончено. Именно поэтому я и бросил тебя у Эрика. Мне следовало тебя предупредить, но когда я почувствовал, что он здесь... — Картер многозначительно посмотрел на Джерома.

— ...То подумал, что мне угрожает опасность? — насмешливо ответил демон. — Ты сам знаешь, что это невозможно.

Картер издал какой-то нечленораздельный звук.

— Да? А это что? — Он указал головой на символ, нарисованный с помощью баллончика.

— Граффити, — равнодушно ответил Джером. — Это ничего не значит.

Я отошла от окна и внимательно осмотрела символ. Ничего подобного мне раньше не попадалось, хотя я знала кучу магических знаков, использовавшихся в разные эпохи и в разных местах.

— Это должно что-то значить, — возразила я. — Иначе не стоило огород городить. Он мог бы написать «ты дерьмо» или что-нибудь в этом роде.

— Может быть, он сделал это в другой комнате, — предположил Коди.

— Мысль, достойная самой Джорджи. Я вижу, ты учишься у нее не только танцам.

Не обращая внимания на попытки демона сменить тему, я повернулась к Картеру и потребовала ответа.

— Что это? Вы должны знать, что это значит.

Какое-то мгновение ангел изучал меня, и я поняла, что до сих пор ни разу не обращалась к нему за настоящей помощью. До того как мы поселились в одной квартире, наши отношения оставляли желать лучшего.

— Это предупреждение, — медленно сказал он, не глядя на своего друга и оппонента. — Предупреждение о предстоящей катастрофе. О том, что скоро сражение перейдет в активную фазу.

И тут у Джерома лопнуло терпение. Он со стуком поставил бокал на перевернутый стол и вспыхнул.

— Господи, Картер, ты что, спятил?

— Ты прекрасно знаешь, что это не имеет значения. Скоро все выяснится.

— Нет, — ледяным тоном прошипел демон, — не все.

— Тогда расскажи им. — Картер обвел рукой символ. — Объясни все сам, чтобы я не сказал лишнего.

Джером свирепо посмотрел на него, и они, как обычно, уставились друг другу в глаза. Я видела это сотни раз, но, поразмыслив, поняла, что раньше таких разногласий между ними не было.

— Когда-то это действительно что-то значило, — наконец, признался Джером, пытаюсь успокоиться. — Но теперь все изменилось. Я уже говорил, теперь это чушь собачья. Старый каббалистический знак, который теряет свою силу, если в него никто не верит.

— Если так, то зачем им пользоваться вообще? — громко спросила я. — Это что, проявление свойственного нефилимам странного чувства юмора?

— Что-то в этом роде. Он хотел напомнить мне, с кем мы имеем дело. Как будто я могу это забыть. — Джером взял свой бокал с мартини и залпом допил. Потом он устало вздохнул и посмотрел на Картера. — Если хочешь, можешь рассказать им про остальные.

Такая уступчивость слегка удивила ангела. Он посмотрел на испачканную стену.

— Этот символ — второй из трех. Первый — объявление войны, заключающееся в оказании психического воздействия на противника с помощью предупреждения о предстоящих событиях. Он похож на этот, но не имеет диагональной полосы. Последний символ означает победу. Он имеет две диагональных полосы и вывешивается после разгрома врага.

Я проследи да за его взглядом.

— Подождите... Если это второй символ, значит, первый вы уже видели?

Джером вышел из комнаты, быстро вернулся и протянул мне лист бумаги.

— Джорджи, не тебе одной посылают любовные записки.

Я развернула листок. Бумага оказалась та же, что и на моих записках. На ней была черной тушью нарисована эмблема, украшавшая стену Джерома, но без диагонали. Первый символ, согласно Картеру, означавший объявление войны.

— Когда вы ее получили?

— Перед смертью Дьюана.

Я восстановила в памяти то, что произошло несколько недель назад.

— Так вот почему вы не слишком давили на меня? К тому времени вы прекрасно знали, чьих это рук дело.

Вместо ответа демон только пожал плечами.

— Подождите минутку! — Коди подошел и через мое плечо посмотрел на записку. —

Если это первое предупреждение... Вы хотите сказать, что случившееся с Дьюаном, Хью, Люсиндой и Джорджиной — это только психологическое воздействие? — Не услышав ответа от высших бессмертных, он заволновался еще сильнее. — Куда же дальше? Что же тогда активная фаза? Он ведь уже напал на четверых бессмертных!

— На четверых бессмертных низшего ранга, — уточнила я. И тут меня осенило. Я посмотрела на Джерома и Картера. — Верно?

Ангел улыбнулся мне и поджал губы.

— Верно. Вы, ребята, были лишь разминкой перед главным ударом. — Он снова пристально посмотрел на Джерома.

— Прекрати! — бросил демон. — Он охотится не за мной.

— Ты уверен? На моей стене не оставили знака.

— Никто не знает, где ты живешь.

— Ну, твоего адреса в «желтых страницах» тоже нет. Его цель — ты.

— Не обязательно. Он не может прикоснуться ко мне.

— Ты этого не знаешь...

— Знаю. И ты тоже. Он не может быть сильнее меня. Это исключено.

— Нам нужно подкрепление. Вызови Нанетту...

— О да! — насмешливо фыркнул Джером. — Можно подумать, никто не обратит внимания на то, что я вытащил ее из Портленда. Ты представляешь, что начнется после этого? Все станут волноваться, задавать вопросы...

— А если так? Эка невидаль.

— Тебе легко говорить. Что ты знаешь о?..

— Перестань. Я знаю вполне достаточно. У тебя паранойя...

Начался спор, Джером утверждал, что никакой проблемы не существует, Картер доказывал обратное. Я уже упоминала, что до сих пор противоречий между ними не было. Мне это не нравилось. Особенно, когда они стали повышать голос. Мне не хотелось присутствовать при том, как они начнут обмениваться энергетическими ударами или проявят силу. В последние недели я видела это слишком часто. Я медленно повернулась и вышла в коридор. Коди все понял и последовал за мной.

— Терпеть не могу, когда мама с папой ругаются, — сказала я, когда мы отошли подальше от места ссоры и стали искать более безопасное место. В коридор выходили двери ванной, спальни и комнаты для гостей. Странно... Я не могла представить себе человека, который мог приехать к демону с ночевкой.

— А тут неплохо, — заметил Коди, когда мы добрались до малой гостиной.

Висевший на стене поразительно тонкий плазменный экран окружали кожаные кресла. В стратегически важных местах стояли чудесные стереоколонки, а в стеклянной витрине красовались сотни видеодисков. В этой комнате также царил разгром, как и во всех остальных. Я вздохнула, села в распоротое кресло, а Коди начал изучать аудиосистему.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросила я. — Не о малой гостиной, а о том, какой оборот приняло дело?

— А что тут думать? Все предельно ясно. Этот нефилим разогрелся на низших бессмертных и решил дотянуться до высших. Конечно, этот малый — псих и извращенец, но здесь есть свой плюс. Может быть, теперь, когда он переключился на Джерома и Картера, нам ничто не угрожает.

— Не знаю. — Я откинула голову и задумалась. — Что-то тут не так. Кажется, мы что-

то упускаем. Ты слышал их разговор? Почему Джером упирается как последний идиот? Почему он не слушает Картера?

Молодой вампир перестал разглядывать диски и лукаво улыбнулся.

— Не думал, что доживу до того дня, когда ты начнешь защищать Картера. Похоже, за эту неделю вы сумели поладить.

— Не строй иллюзий, — предупредила я. — Я сыта ими по горло. Просто Картер оказался не так плох, как я думала.

— Картер — ангел. Он не может быть плохим.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Надо признаться, в его словах есть смысл. Джером обязан принять необходимые меры. Нефилим разгромил его апартаменты и оставил предупреждения. Может быть, это действительно полная чепуха, не имеющая никакой магической силы, но почему Джером так убежден в собственной безопасности?

— Потому что считает себя сильнее нефилима.

— Откуда он это знает? Никто из них не был уверен в этом. Даже Картер в тот вечер, когда спас меня.

— Джером не станет что-то отвергать без причины. Если он говорит, что он сильнее, то... Мать честная! Ты только глянь! — Он вдруг захохотал.

Я встала, подошла и присела на корточки рядом с ним.

— Что?

Он показал на нижний ряд дисков. Я стала читать названия. «Высшая преданность». «Состоятельный мертвец». «Скажи что-нибудь». «Выстрел в Гросс-пойнте». Все фильмы Джона Кьюсака.

— Я знала, — выдохнула я, вспомнив сходство демона с актером. — Знала, что Джером его поклонник. Но он всегда отрицал это.

— Посмотрим, что он запоет, когда об этом узнают Хью и Питер, — буркнул Коди и взял с полки «Состоятельного мертвеца». — Этот лучший фильм Джона Кьюсака.

Я достала «Быть Джоном Малковичем», и мое настроение сразу улучшилось.

— Неправда. Лучший — этот.

— Он слишком странный.

Я посмотрела на плазменный экран, в котором красовалась огромная дыра.

— В обычных условиях я предложила бы решить спор с помощью просмотра, но думаю, что в ближайшее время здесь никаких зрелищ не предвидится.

Коди проследил за моим взглядом и скорчил гримасу.

— Какой кошмар... Этот нефилим настоящий ублюдок.

— Несомненно, — подтвердила я и встала. — Ничего удивительного, что...

Я застыла на месте. И все остальное тоже. «Настоящий ублюдок».

— Джорджина? — тревожно окликнул меня Коди. — Что с тобой?

Я закрыла глаза. Голова кружилась.

— О боже... — «Настоящий ублюдок».

Я вспомнила всю последовательность действий нефилима начиная с первого, после которого Джером велел нам залечь на дно. С виду это делалось для нашей безопасности, но разве он рассказал нам про опасность со стороны нефилима, разве объяснил, что собой представляет наш противник? Нет, он молчал, словно воды в рот набрал, и беспричинно злился, когда кто-то из нас слишком близко подбирался к теме. Когда Коди впервые выдвинул гипотезу «ангела-мошенника», я решила, что противник хочет заморочить нам

голову. Но нефилиму скрывать было нечего. В отличие от нас.

Щелк, щелк. Костяшки домино, скрывавшиеся в моем мозгу, падали одна за другой. Я вспомнила фразу из книги Харрингтона: *«Падшие ангелы учили своих жен „чарам и колдовству“, в то время как их потомки рыскали по земле...»* Чары. Такие же, как магический символ на стене Джерома. «Он хотел напомнить мне, с кем мы имеем дело. Как будто я могу это забыть», — небрежно объяснил демон.

Картер сказал мне, что основная задача демонов — охота на нефилимов. Нанетта хотела приехать и помочь нам справиться с этим типом, но Джером ей не позволил. Это уменьшало число причастных к делу. Он предпочел воспользоваться помощью Картера. «А почему Джером не хочет сделать это сам?» — поинтересовалась я, но ангел уклонился от ответа.

Костяшки продолжали падать. «Нефилимы унаследовали куда больше половины силы своих отцов, хотя могут и не проявлять ее», — опять же небрежно сказал нам Джером на прошлой неделе, но только после нападения на меня. Всего несколько минут назад я удивлялась уверенности Джерома в том, что он сильнее нефилима, и спрашивала себя, почему он так в этом убежден. Конечно, он был убежден. Соотношение сил определялось происхождением того и другого.

— Джорджина, ты куда? — воскликнул Коди, когда я вышла из комнаты в коридор, где все еще слышались сердитые голоса.

— Послушай, — говорил Картер, — никому не причинит вреда, если...

— Это ваш! — крикнула я, пытаясь смотреть на Джерома сверху вниз. Задача была не из легких, поскольку он был намного выше меня. — Этот нефилим — ваш!

— В смысле это моя проблема?

— Нет! Вы знаете, что я имею в виду. Ваш ребенок. Ваш сын... или дочь... или кто угодно.

Воцарилось молчание. Джером сверлил меня черными глазами, проникая в самую глубину души. Я ждала, что сейчас снова окажусь прижатой к стене. Но он всего-навсего спросил:

— Ну и что?

Испуганная его спокойствием, я проглотила слюну.

— То... то... Почему вы ничего не сказали нам? С самого начала? К чему такая секретность?

— Представь себе, это не та тема, которая доставляет мне удовольствие. Вопреки широко распространенному мнению, я тоже имею право на тайну частной жизни.

— Да, но... — Теперь, когда все вышло наружу, я не знала, что сказать. — Что будет дальше? Что вы собираетесь делать?

— То же самое, что делали прежде. Мы найдем эту тварь и уничтожим ее.

— Но если... он или она... ваш ребенок...

Я, с ревностью следившая за развивавшейся беременностью Пейдж и племянницами Сета, не могла смириться с таким равнодушием к судьбе собственного отпрыска.

— Не имеет значения, — просто ответил демон. — Это помеха, источник опасности для всех нас. Моя родственная связь с ним тут ни при чем.

— Вы продолжаете называть его «это». Неужели это существо вам настолько безразлично, что вы не можете назвать его по имени или хотя бы сказать «он» или «она»? Кто это? Сын или дочь?

Джером на мгновение замешкался, и я заметила, что за его спокойствием скрывается

неловкость.

— Не знаю.

Я уставилась на него во все глаза.

— Что?

— Меня не было там, когда оно родилось. Когда я узнал, что она... моя жена... беременна, то ушел. Я знал, что будет дальше. Я стал не первым и не последним, женившимся на смертной женщине. От таких браков родилось множество нефилимов, которые впоследствии были уничтожены. Мы знали, на что они способны. Правильнее всего уничтожать их сразу после рождения. — Он сделал паузу и бесстрастно добавил: — Я не мог решиться на такое. Ушел, чтобы не иметь с ним ничего общего и не решать его судьбу. Конечно, это было проявлением трусости.

— После этого вы видели ее? Свою жену?

— Нет.

Я лишилась дара речи и попыталась представить себе эту женщину. Неужели Джером когда-то являлся ангелом, совершившим ради нее грехопадение? Он никогда не проявлял эмоций и ни к кому не привязывался. Какой должна была быть женщина, если ради нее Джером отвернулся ото всего, что для него свято? Но любовь его не остановила. Он ушел и больше никогда не видел ее. Она была мертва уже тысячи лет. Он ушел, чтобы спасти их ребенка, чтобы не запятнать руки его кровью. История была душераздирающая. Мне хотелось что-то сделать — может быть, обнять демона, — но я знала, что он не поблагодарит меня за это. Джером и без того был смущен, что мы раскрыли его тайну.

— Значит, вы никогда его не видели? Тогда откуда вы знаете, что это именно ваш отпрыск?

— Аура. Когда я почувствовал ее, то понял, что половина этой ауры принадлежит мне, а половина... ей. Никакое другое создание не могло обладать тем же сочетанием.

— И вы чувствовали это каждый раз?

— Да.

— Вот это да... И ничего другого вы о нем не знаете?

— Верно. Я уже сказал, что ушел задолго до его рождения.

— Тогда... очень возможно, что вы действительно его мишень. — Я показала на стену. — Даже если все это тут ни при чем. У нефилима есть особая причина злиться на вас.

— Спасибо за поддержку.

— Я имела в виду совсем не это. Просто... у всех нефилимов есть веские причины для гнева. Все их ненавидят и пытаются убить. А этот... Люди тратят тысячи долларов на лечение душевных травм, нанесенных отцами. Представьте себе, какой невроз может развиваться за тысячи лет.

— Джорджи, ты предлагаешь устроить семейную встречу?

— Нет, конечно, нет. Хотя... Не знаю. Вы пытались поговорить с ним? Выяснить его намерения? — Я вспомнила фразу Эрика: нефилимы хотят, чтобы их оставили в покое. — Может быть, вы смогли бы найти с ним общий язык.

— Хватит. Наш разговор теряет смысл. — Джером повернулся к Картеру. — Ты не мог бы доставить их домой?

— Я останусь с тобой, — лаконично ответил ангел.

— Ох, ради бога! Я думал, мы обо всем договорились...

— Картер прав, — вмешалась я. — Фаза предупреждения закончилась. Мне больше

ничто не грозит.

— Мы не знаем...

— Кроме того, теперь, когда ваши семейные проблемы вышли наружу, Картеру больше не имеет смысла их охранять. Уже слишком поздно. Я устала от своего сторожа. Пусть теперь он сторожит вас, а все мы будем спать спокойно. Даже в том случае, если разразится катастрофа.

— Хорошо сказано! — фыркнул Картер.

Джером продолжал возражать, и мы еще немного поспорили. Решение пришлось принимать Картеру. Джером не имел права ему приказывать. И в самом деле, если бы Картер захотел за ним последовать, демон ничего не смог бы с этим поделаться. Они сердились, но не собирались друг с другом воевать.

Картер согласился телепортировать нас обратно, хотя я подозревала, что он делает это только для того, чтобы мы с Коди не могли снова найти обиталище Джерома. Доставив домой вампира, Картер телепортировал меня в мою собственную гостиную, но перед уходом немного задержался.

— Думаю, будет лучше, если я останусь с Джеромом, — сказал он. — Я знаю, что нефилим не может быть сильнее его. И все же происходит что-то странное. Я не убежден, что тебе не угрожает опасность, но то, что происходит с тобой, имеет совсем другую природу. — Он пожал плечами. — Но мне хотелось бы, чтобы Джером согласился принять помощь со стороны. Конечно, не слишком большую.

— Не волнуйтесь, я справлюсь, — заверила я. — Вы же не можете быть повсюду одновременно.

— Ты права. Когда все закончится, придется спросить нефилима, как ему это удастся.

— Разве можно задавать вопросы мертвым?

— Смотря кому, — мрачно возразил Картер. — Тебе нельзя. А мне можно. — Он повернулся, собираясь уйти.

— Странно... — медленно начала я. — Неужели Джером действительно кого-то любил? И пал из-за этого?

Картер подарил мне одну из своих усмешек, от которых появились мурашки.

— Джорджина, ангелов заставляет пасть вовсе не любовь. Наоборот, она может оказать на них противоположное влияние.

— И что это значит? Что, если Джером снова кого-то полюбит, он превратится в ангела?

— О нет. Все не так просто. — Увидев мое удивление, он хмыкнул и потрепал меня по плечу. — Береги себя, дочь Лилит. Если понадобится помощь, обращайся.

— Обращусь, — заверила я, и он исчез.

Вообще-то иметь дело с высшими бессмертными было бы нелегко. Джером почувствовал бы, если бы мне причинили вред, но болтать с ним было намного труднее.

Вскоре после этого я легла спать. Усталость оказалась настолько велика, что я совсем не думала о возможности нападения нефилима. Завтра мне предстояла вторая смена, а потом два выходных. Перерыв был необходим.

На следующее утро я проснулась позже обычного. Как ни странно, живая и здоровая. По дороге в магазин я столкнулась с Сетом, который нес ноутбук и был полностью готов к рабочему дню. Воспоминание об уроке танцев заставило меня на время забыть о нефилиме.

— Принесли мою книгу? — спросила я, когда Сет открыл мне дверь.

— Нет. А вы принесли мою рубашку?

— Нет. Кстати, ваша сегодняшняя майка мне нравится. — На ней красовался логотип мюзикла «Отверженные». — Моя любимая песня как раз оттуда.

— Серьезно? — спросил он. — Какая?

— «Мне снился сон».

— Она очень грустная. Ничего удивительного, что вы ни с кем не хотите встречаться.

— А у вас какая самая любимая? — Я спрашивала об этом Романа, но не Сета.

— «Ультрафиолет». Группа «Ю-Ту». Знаете?

Мы подошли к стойке бара. Брюс, уже бывший на месте, стал варить мне мокко, не дожидаясь заказа.

— Я знаю некоторые их песни, но эту не помню. О чем она?

— О любви, конечно. Как все хорошие песни. О том, что любовь не только ранит, но и лечит. Она немножко более оптимистична, чем ваша.

Я вспомнила фразу, сказанную Картером вчера вечером. «Заставляет ангелов пасть вовсе не любовь».

Мы с Сетом сидели и беседовали, теперь это удавалось нам без всякого труда. «Неужели когда-то мы ощущали неловкость? — думала я. — С ним так спокойно...»

Наконец, вспомнив, что нужно приступать к работе, я проверила, пришли ли сотрудники, и направилась к себе в кабинет. Хотелось заглянуть в электронную почту: сегодня у меня было подходящее, настроение для этого. Когда я села в кресло, то увидела слишком хорошо знакомый белый конверт со своим именем.

У меня перехватило дыхание. Избежать радара нефилима так и не удалось. Я вздрогнула, взяла конверт и вскрыла его.

Скучаете по мне? Догадываюсь, что вы были со своими бессмертными друзьями и проверяли, все ли живы и здоровы. И что вели очаровательную личную жизнь, не думая обо мне. Это жестоко, учитывая все, что я для вас делал.

Но, может быть, смертные играют в вашей жизни не меньшую роль, чем бессмертные? Впрочем, смерть человека имеет гораздо меньшее значение. В конце концов, что значат каких-то пятьдесят потерянных лет по сравнению с веками бессмертного? Смертные не стоят внимания, но вы притворяетесь, будто они имеют для вас значение. Однако так ли это? Может быть, они просто являются развлечением для существа, которому несколько веков? А как же ваш бойфренд? Это еще одна игрушка, еще одно хобби для того, чтобы убить время? Значит ли он для вас хоть что-нибудь?

Давайте выясним. Убедите меня в этом. Причем сегодня. Постарайтесь обеспечить его безопасность до конца вашей смены. Вы знаете правила. Держите его в укромных местах, в окружении других людей, и т. д. и т. п. Я буду следить за вами. Убедите меня, что он действительно дорог вам, и я пощажу его. Заставьте меня поверить. Если вы потерпите неудачу или обратитесь к кому-нибудь из ваших бессмертных друзей, ему уже ничто не поможет.

Записка выпала из моих похолодевших рук. Мать твою, это еще что за игра такая? Полная бессмыслица. В одной фразе нефилим требует, чтобы я кого-то спасала, в другой — что это не имеет значения, а в третьей — что вообще никакого спасения нет и быть не

может. Глупо мутить воду и нарушать статус-кво только для того, чтобы следить за моими действиями. Я оглянулась и с беспокойством подумала: а вдруг нефилим сейчас здесь? Может быть, этот обиженный отпрыск Джерома стоит рядом и смеется надо мной? Что делать?

И последнее, но самое важное: кто, черт побери, этот мой бойфренд?

Глава двадцать первая

У меня не было бойфренда. Да, в моей жизни существовало много неопределенного, но в этом я не сомневалась. К несчастью, нефилим, похоже, придерживался более оптимистической точки зрения касательно моей личной жизни.

— Я не знаю, о ком ты говоришь! — крикнула я в пустоту. — Ты слышишь меня, сукин сын? Я не знаю, мать твою!

Никто не ответил.

Пейдж, в этот момент проходившая мимо, заглянула в комнату.

— Ты меня звала?

— Нет, — проворчала я. Платье Пейдж обтягивало ее сильно увеличившийся живот, и это тоже не улучшило мое настроение. — Просто разговариваю сама с собой. — Когда начальница проследовала дальше, я закрыла дверь.

Моим первым порывом было побежать за помощью. К Картеру. К Джерому. К кому угодно. Справиться с этим в одиночку я не могла.

«Если вы потерпите неудачу или обратитесь к кому-нибудь из ваших бессмертных друзей, ему не поможет никакая охрана».

Черт побери, я даже не знала, кому «ему»! Я отчаянно пыталась сообразить, кого из моих смертных знакомых нефилим мог по ошибке принять за моего бойфренда. Людям и без того было трудно дружить со мной.

«А возможно, и нет», — как ни странно, но я подумала о Сете. Подумала об отношениях, которые сложились между нами в последнее время. Они были сдержанные, заранее определенные, но, тем не менее, теплые, естественные и непринужденные. А когда мы случайно прикасались друг к другу, у меня перехватывало дыхание.

Нет, это глупо. Мое чувство к нему не могло быть серьезным. Просто я любила его книги, а наша дружба стала следствием моего чувства к Роману. Если даже Сет сейчас слегка увлекся мной, я не сомневалась, что его чувство быстро пройдет. Он больше не проявлял ко мне повышенного внимания. Видимо, мое желание держать его на расстоянии сделало свое дело. Кроме того, Сет продолжал уходить на какие-то таинственные встречи — возможно, с девушкой, о которой он стеснялся мне рассказать. Считать его своим бойфрендом было с моей стороны слишком самонадеянно.

Но... знал ли об этом нефилим? Кто может проникнуть в мысли ублюдка? Если он слышал наши беседы в кафе, то мог вообразить что угодно. Мне стало страшно. Хотелось немедленно побежать вверх и проверить, что с Сетом. Нет. Это напрасная трата времени. Во всяком случае, сейчас. Он пишет, он окружен людьми. В такой обстановке нефилим на него не нападет.

Тогда кто еще? Возможно, Уоррен? Нефилим подглядел, как мы занимались сексом. Это, конечно, могло свидетельствовать о связи? Но, разумеется, нефилим заметил, что больше мы никак не общались. Бедный Уоррен. Секс со мной и так лишал его сил, а если он еще и станет жертвой злобного нефилима, это будет пределом жестокости. К счастью, я видела, что Уоррен пришел в магазин. Сейчас он находится в своем кабинете, это тоже служило гарантией его безопасности. Наверняка Уоррен был один, но его крик в случае нападения нефилима тут же привлек бы внимание.

Даг? Мы с ним всегда дерзко флиртовали. Человеку со стороны его периодические

преследования могли показаться чем-то большим, чем просто дружба. Но в последние недели мы с Дагом почти не разговаривали. Меня отвлекали нападения нефилима, да и отношения с Романом тоже.

Роман... Именно эта мысль и не давала мне покоя. Я избегала ее, потому что она предполагала возобновить отношения с ним, нарушить молчание, которого мне удалось добиться с таким трудом. Между нами не было ничего, кроме жгучего физического влечения и случайного совпадения вкусов. Я не знала, любовь ли это, влюбленность или что-то другое. Но знала — он мне не безразличен. Даже очень. Я тосковала по нему. Справиться с этой тоской и прийти в себя мне удалось только одним способом: полностью отказаться от общения с ним. Я боялась, что возобновление контактов не оставит от моей решимости камня на камне.

И все же... Поскольку Роман был мне дорог, я не могла позволить ему стать жертвой нефилима. Не могла рисковать его жизнью, потому что он являлся самым вероятным кандидатом на роль моего бойфренда. В этом не сомневалась половина сотрудников магазина, так почему нефилим должен думать по-другому? Особенно если вспомнить, как мы вели себя на людях. Любой нефилим-соглядатай решил бы, что нас связывают романтические отношения.

Я взяла мобильник, вздохнула и набрала его номер.

— Дерьмо! — выругалась я, услышав автоответчик. — Привет, Роман, это Джорджина. Я не собиралась больше тебе звонить, однако кое-что произошло... и нам нужно поговорить. Как можно скорее. Это очень важно. Пожалуйста, перезвони мне. — Затем я продиктовала номер своего мобильного и служебного телефона.

Потом дала отбой и задумалась. Что дальше? Повинуясь импульсу, я посмотрела на список телефонов администрации и позвонила Дагу домой. У него сегодня был выходной.

Никакого ответа, как и в случае с Романом. Черт, где их всех носит...

Снова подумав о Романи, я стала ломать голову, куда он мог пойти. Скорее всего, на работу, но я не знала, где именно он работает. Ничего себе бойфренд! Он говорил, что преподает в каком-то городском колледже. Повторял это все время, но в каком именно, я так и не спросила. А сам он не сказал.

Я повернулась к компьютеру, нашла список всех местных колледжей и обнаружила, что в городе их уйма. Многие находились за пределами Сиэтла, в городах-спутниках. Вполне возможно, Роман работал в одном из них. Я распечатала весь список с телефонными номерами и сунула листок в сумку. Нужно было уйти из магазина и начать поиск.

Открыв дверь кабинета, я вздрогнула. На ней висела записка. Я обвела глазами коридор, надеясь кого-нибудь заметить. Никого. Тогда я сняла записку и развернула ее.

«Вы даром теряете время и друзей. Писателя вы уже потеряли. Пора сделать первый ход в „охоте за мусором“»^[60].

— В самом деле охота за мусором, — пробормотала я, скомкав листок. — Ты задница. Но... почему он говорит, что я потеряла писателя? Сета? Я побежала в кафе, по дороге удостоившись нескольких испуганных взглядов. Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

Сета не было. Его угол пустовал.

— Где Сет? — требовательно спросила я Брюса. — Он был здесь!

— Был, — согласился бармен. — Но внезапно собрался и ушел.

— Спасибо.

Мне явно требовалось отлучиться. Я нашла Пейдж в отделе новинок.

— Пойду домой, — сказала я ей. — У меня мигрень.

Пейдж испугалась. У меня был лучший табель из всех служащих. Я никогда не брала отгулы по причине болезни. Поэтому она не могла мне отказать.

Когда меня отпустили, я добавила:

— Возможно, ты вызовешь Дага?.. — Так можно было одним выстрелом убить двух зайцев.

— Возможно, — ответила она. — Но думаю, что мы справимся. Мы с Уорреном будем здесь весь день.

— Уоррен будет здесь весь день?

Пейдж заверила меня в этом, и я слегка успокоилась. О'кей, за Уоррена можно не волноваться. Придя домой, я набрала номер мобильного Сета.

— Где вы? — спросила я.

— Дома. Я забыл кое-какие заметки.

Дома? Один?

— Не хотите позавтракать со мной? — внезапно спросила я, понимая, что его нужно куда-то выманить.

— Но уже почти час.

— Ну, тогда я приглашаю вас на ленч.

— Разве вы не на работе?

— Нет, я дома. Сказала, что приболела и отпросилась..

— Так вы заболели?

— Нет. Давайте встретимся. — Я продиктовала ему адрес и положила трубку.

По дороге я еще раз набрала номер Романа. «Оставьте сообщение». Я достала перечень телефонов городских колледжей и начала с первого.

Господи, что за канитель! Сначала требовалось позвонить в справочное бюро и попытаться найти нужное отделение. В большинстве городских колледжей лингвистического отделения не было, но почти во всех читали курсы основ лингвистики, культурной антропологии или гуманитарных наук.

Я добралась до «Капитолийского холма», успев обзвонить три колледжа, и испытала облегчение при виде стоявшего у дверей Сета. Я припарковалась, бросила монету в счетчик и направилась к нему, пытаясь улыбаться.

Но это не помогло.

— Что случилось?

— Ничего, — жизнерадостно прочирикала я.

Слишком жизнерадостно.

Сет с недоверием посмотрел на меня, но спорить не стал.

— Мы будем есть здесь?

— Да. Но сначала проведем Дага.

Мы зашли в соседний жилой дом и поднялись на нужный этаж. Из квартиры доносилась громкая музыка, я решила, что это хороший знак. Пришлось трижды постучать в дверь, прежде чем нам открыли.

Но это был не Даг, а его сосед. Причем пьяный вдребезги.

— Даг дома?

Он заморгал и почесал в затылке.

— Даг?

— Да. Даг Сато.

— А, Даг... Да.

— Что «да»? Он здесь?

— Нет. Он... — Парень прищурился. О господи, разве можно так напиваться с утра? Я не делала такого даже в шестидесятых. — Он репетирует.

— Где? Где репетирует?

Парень уставился на меня.

— Где репетирует? — повторила я.

— Слушай, чувиха, я еще никогда не видал таких потрясающих буферов. Это как... стихи. Они настоящие?

Я стиснула зубы.

— Где репетирует Даг?

Он оторвал взгляд от моей груди.

— В западном Сиэтле. Где-то у Алки^[61].

— Ты знаешь адрес?

— Это рядом с Калифорнией и Аляской^[62]. — Он заморгал снова. — Да. С Калифорнией и Аляской. Усекла?

— Адрес?

— Зеленый дом. Его не пропустишь.

Поняв, что больше добиться ничего не удастся, мы с Сетом пошли в ресторан.

— Стихи, — задумчиво повторял он всю дорогу и хмыкал. — Наверняка эротические.

Я была слишком занята, чтобы обращать внимание на его слова. Даже земляничные вафли не смогли отвлечь меня от мыслей об этой дурацкой «охоте за мусором». Сет пытался заговаривать, но мои ответы были туманными и рассеянными. Во время трапезы мои мысли явно находились в другом месте. Я безуспешно попыталась дозвониться до Романа, а потом повернулась к Сету.

— Вы вернетесь в магазин?

Он покачал головой.

— Нет. Поеду домой. Я понял, что не смогу написать этот эпизод без дополнительных исследований. Это легче сделать у себя.

Я запаниковала.

— Домой? Но... — Что я могла сказать?

Что дома на него может напасть сверхъестественное существо?

— Побудьте со мной, — выпалила я. — Не уходите.

И тут его терпение лопнуло.

— Джорджина, ради бога, что происходит? Вы отпрашиваетесь с работы под предлогом болезни, хотя вовсе не больны. Вы чем-то сильно взволнованы. Расскажите, в чем дело. Что-то случилось с Дагом?

Я на секунду закрыла глаза, желая оказаться в каком-нибудь другом месте или стать кем-нибудь другим. Наверное, Сет думает, что я сошла с ума.

— Я не могу объяснить вам, что происходит. Просто поверьте мне на слово. — Я сжала его руку и попросила: — Отвезите меня в одно место. Пожалуйста.

Сет накрыл мою руку своею ладонью и кивнул. На его лице отразилось понимание и

сочувствие. На мгновение я забыла про нефилма. Какое мне дело до других мужчин, если Сет так смотрит на меня? Мне захотелось обнять его и ощутить прикосновение его рук...

Я чуть не засмеялась. Кому я морочу голову? Мне никуда не нужно было его вести. Наоборот, я сама оказалась на крючке. Это мне грозила опасность. Опасность продолжить связь, которой я хотела положить конец.

Пришлось быстро опустить глаза.

— Спасибо.

Я попросила отвезти меня в западный Сиэтл. По дороге я продолжала обзванивать колледжи. Когда мы уже почти добрались до шоссе, соединяющего Аляску с Калифорнией, список подходил к концу. Сет слегка притормозил, и мы глазами стали искать зеленый дом. «Его не пропустишь». Совет был дурацкий. Какой зеленый? Я видела светло-зеленый, темно-зеленый и зелено-голубой. У некоторых домов имелась зеленая отделка, зеленые окна или...

— Вот он, — сказал Сет.

За двумя куда более приличными домами стояла какая-то развалюха, выкрашенная в лимонно-мятный цвет.

— Да уж, такое чудовище не пропустишь... — пробормотала я.

Мы припарковались и направились к гаражу. Чем ближе мы подходили, тем громче становилась музыка. Добравшись до открытых дверей, я увидела всю группу «Ночной прием» в полном составе. Увидев меня, Даг, демонстрировавший свой изумительный голос, резко прервал песню.

— Кинкейд?

Когда он побежал ко мне, остальные участники группы уставились ему вслед. Сет вежливо отошел в сторону и стал изучать росшие неподалеку кусты гортензии.

— Что ты здесь делаешь? — удивленно спросил Даг.

— У меня отгул, я заболела. — Ответ прозвучал глупо.

А что мне оставалось?

— Что? Заболела? Ты?

— Н-нет... Просто у меня было одно дело. И осталось. Но я... я волновалась из-за того, что бросила магазин. Сколько ты еще здесь пробудешь? Потом сможешь меня заменить?

— Ты приехала сюда, чтобы попросить подменить тебя? Зачем тебе понадобился отгул? Наконец, решила куда-то отправиться с Мортенсеном?

— Я... нет. Не могу объяснить. Просто пообещай, что заедешь в магазин и узнаешь, не нужна ли им помощь.

Он посмотрел на меня так же, как незадолго до этого Сет. Это был намек, что мне нужно принять успокоительное.

— Кинкейд, не морочь мне голову...

Я воспользовалась тем же приемом, с помощью которого уговорила Сета. Харизма суккуба в действии.

— Пожалуйста. Ты забыл, что в долгу передо мной?

Его глаза потемнели от вполне понятной неловкости. Наконец, он сказал:

— О'кей. Вот только... Я освобожусь лишь через несколько часов.

— Ладно. Но после репетиции отправляйся прямо туда. Нигде не останавливайся. И... не говори им, что видел меня. Они думают, что я заболела. Придумай какую-нибудь причину, которая заставила тебя приехать.

Даг молча покачал головой, и я порывисто обняла его. Когда мы с Сетом уходили, я заметила, что Даг бросил на Сета вопросительный взгляд. Сет развел руками, показывая, что сам ничего не понимает.

Очутившись в машине, я отправила Роману еще одно отчаянное послание и дошла до конца списка телефонов колледжей.

— Что дальше? — спросил Сет, когда я умолкла.

Трудно сказать, что он думал, видя мою тревогу за Дага и Романа. — Я... не знаю.

Я сделала все, что было в моих силах. Позаботилась обо всех, за исключением Романа, до которого не смогла дозвониться. Время шло. Я не знала, где он живет. Кажется, однажды он упомянул Мадрону^[63], но это настоящий город в городе. Не могла же я стучаться во все двери подряд... Нефилим предупредил, что игра не закончится до конца моей смены. С работы я удрала, но можно было предположить, что он имел в виду до девяти часов. Иными словами, оставалось еще три часа.

— Наверное, я возьму машину и поеду домой.

Сет высадил меня у ресторана и поехал за мной в сторону «Королевы Анны». Егс задержал светофор, поэтому я добралась до своей квартиры на минуту раньше, чем он. На моей двери висела еще одна записка.

«Отличная работа. Может быть, дело кончится тем, что всех этих мужчин оттолкнет ваше непостоянство, но я восхищаюсь вашей смелостью. Остался только один. Интересно, насколько быстрым на ногу окажется ваш танцор».

Едва я успела скомкать записку, как меня догнал Сет. Я вынула из сумки ключ и попыталась вставить его в замок, но руки дрожали, и мне это не удалось. Мортенсен взял у меня ключ и открыл дверь.

Мы вошли, и я рухнула на диван. Обри вылезла из-за него и прыгнула мне на колени. Сет сел рядом, обвел взглядом квартиру (в том числе коллекцию его книг, стоявшую в шкафу), а потом с участием посмотрел на меня.

— Джорджина... чем я могу вам помочь?

Я покачала головой, чувствуя себя беспомощной и разбитой.

— Ничем. Просто посидите со мной.

— Я... — Он замялся. — Очень не хочется это говорить, но я не смогу надолго остаться у вас. Мне нужно кое с кем встретиться.

Я подняла глаза. Опять эти таинственные встречи. На смену страху пришло любопытство, но спрашивать я не стала. Он не сказал, что встречается с женщиной. Просто «кое с кем». Что ж, по крайней мере, он будет не один.

— Значит, какое-то время вы побудете с... ними?

Он кивнул.

— Если хотите, я могу прийти позже. Или... попробовать отменить встречу.

— Нет-нет, не беспокойтесь. — К тому времени все закончится.

Он посидел со мной еще несколько минут, пытаясь завязать беседу, в которой я не принимала участия. Когда Сет, наконец, встал, на его лице отражалась тревога, и я пожалела, что впутала его в это дело.

— Завтра утром все выяснится, — сказала я. — Так что не волнуйтесь. К этому времени я уже приду в себя. Обещаю.

— О'кей. Если что-нибудь понадобится, дайте мне знать. Звоните в любое время. Если нет, то... увидимся в магазине.

— Нет. Завтра у меня выходной.

— Ах, вот как... Вы не будете возражать, если я заеду?

— Конечно, нет. Заезжайте. — Я готова была согласиться на что угодно, так как сейчас слишком устала, чтобы соблюдать договор.

Я решила подумать об этом позже.

Сет ушел, окончательно сбитый с толку моей просьбой не торопиться возвращаться домой. Потом я медленно обошла квартиру, не зная, что делать дальше. Может быть, я не смогла связаться с Романом, потому что нефилим уже добрался до него? Это было бы нечестно, у меня не осталось шанса предупредить его. Но вряд ли этого ублюдка заботило соблюдение правил.

Я наобум набрала номер справочного бюро, поняв, что забыла про самый легкий и очевидный способ найти Романа. Увы, это не помогло. Данных о таком человеке у них не имелось.

За два часа до окончания смены я отправила Роману еще одно послание.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, позвони мне, — взмолилась я. — Даже если ты сердись на меня за случившееся. Просто сообщи, что ты жив и здоров.

Ответа опять не последовало. В восемь, когда до окончания срока остался час, я еще раз позвонила ему. У меня начиналась истерика. О боже, что делать? Мне оставалось только одно: бродить по квартире и думать, не пора ли позвонить Роману снова.

Когда часы показали без пяти девять, я схватила сумочку, готовясь выбежать на улицу и помчаться куда глаза глядят. Время почти вышло.

Что могло случиться? Как я узнаю, выполнила ли я требования нефилима или нет? Возможно, в завтрашней газете появится фотография распростертого на земле Романа? Или нефилим подбросит мне еще одну записку? Или придет какой-нибудь зловещий символ? А вдруг он имел в виду совсем не тех людей, о которых думала я? Вдруг речь шла о существах из другого мира?

Я распахнула дверь кабинета и ахнула.

— Роман!

Я чуть не сбила его с ног. Он стоял на пороге, ошарашенный не меньше моего.

Я выронила сумочку, бросилась к Роману и обняла так крепко, что он с трудом сохранил равновесие.

— О боже, — выдохнула я ему в плечо. — Как я рада тебя видеть!

— Догадываюсь. — Он слегка отстранился и посмотрел на меня. В его глазах читалась тревога. — Господи, Джорджина, что случилось? Я получил от тебя около восьмидесяти сообщений...

— Знаю, знаю. — Я все еще не выпускала его из объятий. Стоило мне только взглянуть на него, как с новой силой вспыхнули все чувства, которые я считала давно умершими. Он выглядел чудесно. И пах тоже. — Извини... Я думала, с тобой что-то случилось.

Я снова обняла его и бросила взгляд на свои наручные часы. Девять. Моя смена кончилась. И дурацкая игра нефилима тоже.

— О'кей, все в порядке. — Он неловко похлопал меня по спине. — Что происходит?

— Не могу сказать... — У меня сорвался голос.

Он хотел возразить, но раздумал.

— О'кей. Не будем торопиться. Ты очень бледная. Давай куда-нибудь сходим и перекусим. А потом ты мне все объяснишь.

О да, беседа была бы веселая...

— Нет. Это невозможно...

— Брось. Нельзя отправлять мне эти сумасшедшие послания, а потом возобновлять игру в салочки. Джорджина, я не шучу. Ты ужасно выглядишь. Тебя трясет. В таком состоянии я не могу оставить тебя одну. А тем более после всех этих звонков.

— Нет. Нет. Мы никуда не пойдем. — Я села на диван. Нужно было заставить его уйти, хотя мне очень этого не хотелось. — Давай останемся здесь.

Роман явно обиделся. Он принес мне стакан воды, сел рядом, взял меня за руку и начал говорить о всяких пустяках, пытаясь развеселить. Я постепенно успокаивалась.

К моим истерическим телефонным звонкам Роман отнесся с юмором и ненавязчиво продолжал требовать объяснения, но я уклонялась от ответа. Я лишь сказала, что у меня имелась веская причина волноваться за него. Наконец, он сдался, но лишь на время. Он опять стал меня развлекать: болтать о политике, жаловаться на абсурдные законы и лицемерие властей.

Ближе к концу вечера я расслабилась. Теперь меня смущало только собственное поведение. Черт бы побрал этого нефилима...

— Уже поздно. Я пойду, ладно? — Он стоял со мной у окна гостиной, выходящего на бульвар Королевы Анны.

— Ладно. Так будет лучше.

— Смотря для кого. — Он хмыкнул и провел рукой по моим волосам.

— Спасибо, что пришел. Я знаю... знаю, это выглядит глупо, но, поверь, у меня были основания для опасений.

Он пожал плечами.

— У меня нет выбора. Придется поверить. Кроме того... приятно знать, что ты волновалась за меня.

— Конечно, волновалась. А как же иначе?

— Не знаю. Тебя не разберешь. Я так и не понял, нравился ли тебе... или только помогал провести время. Отвлечься.

У меня в голове застучало. Нужно было обратить внимание на слова Романа, но я реагировала лишь на его близость.

— Роман, ты мне нравишься. Всему остальному можешь не верить, но это правда.

Тут он улыбнулся. Его улыбка была такой прекрасной и искренней, что у меня растаяло сердце. О боже, как я тосковала по этой улыбке, по его насмешливому очарованию! Роман положил ладонь мне на затылок, привлек к себе, и я поняла, что он хочет меня поцеловать.

— Нет... нет... не надо, — пробормотала я, пытаясь выскользнуть из его объятий.

Роман шумно выдохнул и слегка отстранился, но не отпустил меня. На его лице отразилась досада.

— Все еще боишься этого?

— Ты не понимаешь. Извини. Я просто не могу...

— Джорджина, когда мы поцеловались в прошлый раз, не произошло ничего особенного. Ты делаешь из мухи слона.

— Знаю. Но все не так просто.

— Ничего не произошло, — повторил Роман.

Внезапно его тон стал резким.

— Я знаю, но...

Я споткнулась на полуслове. «Ничего не произошло». Нет, в тот вечер на концерте что-то произошло. В тот момент, когда мы целовались в коридоре. Я видела, что после поцелуя Роман зашатался. Но я... что произошло со мной? Что я почувствовала? Ничего. Поцелуй был страстным. Я целовалась с сильным мужчиной, которого отчаянно желала. Это должно было что-то вызвать. Даже если бы на месте Романа оказался Уоррен, после такого поцелуя во мне пробудился бы инстинкт суккуба. Между нами возникла бы связь даже в том случае, если бы перенос энергии был незначительным. А поцелуй с Романом не вызвал во мне отклика вообще.

Тогда я приписала это количеству выпитого. Но объяснение было смехотворное. Пить мне приходилось часто. Хотя, конечно, алкоголь мог притупить мои чувства. Скорее всего, в тот вечер именно так и случилось. Но все же... Все же это не помешало бы мне почувствовать что-то после сексуального или интимного физического контакта, если только...

Если только я не имела дело с другим бессмертным.

Я отпрянула от Романа и вырвалась из его объятий. В первый момент он удивился, но тут же все понял. Его прекрасные глаза опасно блеснули.

— Долго же до тебя доходит, — со смехом сказал он.

Глава двадцать вторая

— Ты притворился... притворился, что мой поцелуй повлиял на тебя... — хрипло выдавила я.

Роман, продолжавший смеяться, шагнул ко мне, и я сморщилась, пытаюсь придумать, как сбежать из собственной квартиры. В комнате, несколько мгновений назад казавшейся уютной и безопасной, внезапно стала тесно и душно. И хотя квартира была маленькой, дверь теперь находилась слишком далеко. Я не могла дышать. Веселый блеск его глаз сменился изумлением.

— В чем дело? Чего ты боишься?

— А ты как думаешь?

Он заморгал.

— Меня?

— Тебя. Ты убиваешь бессмертных.

— Ну да, — подтвердил он, — но тебе я никогда не причинил бы вреда. Ты знаешь это, правда? — Я не ответила. — Неужели не знаешь?

Я попятилась, но знала, что бежать некуда.

Роман все еще удивлялся моей реакции.

— Брось. Ни за что не поверю. Я бы тебя и пальцем не тронул. Можно сказать, я почти люблю тебя. Проклятие, неужели ты не понимаешь, какой вред уже нанесла всей операции?

— Я? Что я сделала?

— Что сделала? Украла мое сердце, вот что. В тот день в магазине, когда ты обратилась ко мне за помощью, я не мог поверить своему счастью. До этого я следил за тобой всю неделю, изучая твои привычки. О боже, я никогда не забуду день, когда увидел тебя впервые. Ты была такой красивой... Тогда я пошел бы за тобой хоть на край света. А позже... когда ты отказалась куда-нибудь пойти со мной после презентации, я с трудом в это верил. Знаешь, по плану ты должна была стать моей первой жертвой. Но я не смог это сделать, после того как поговорил с тобой, и понял, кто ты такая.

Я проглотила слюну. Я была заинтригована против собственной воли.

— Какая?

Он шагнул ко мне и уныло улыбнулся.

— Суккуб, который не хочет быть суккубом. Суккуб, который хочет стать человеком.

— Нет, это неправда...

— Конечно, правда. Мы с тобой — два сапога пара. Ты нарушаешь правила. Тебе надоела система. Ты не соглашаешься играть отведенную тебе роль. О боже, я следил за тобой и не верил собственным глазам. Чем больше интересовалась мной, тем сильнее ты сопротивлялась искушению. По-твоему, это обычное поведение суккуба? Я никогда не видел ничего более удивительного... и более ужасного. Вот почему сегодня я решил все выяснить. Потому что не мог понять, что тобой руководит. То ли нежелание причинить мне вред, то ли интерес к кому-то другому. Вроде Мортенсена.

— Значит, ты придумал эту дурацкую игру только для того, чтобы потешить свое самолюбие?

Роман беспечно пожал плечами, все еще довольный собой.

— В твоём изложении это выглядит слишком мелочным. Что ж, согласен, это было

глупо. И даже слегка по-детски. Но я должен был знать, как велико твое чувство. Ты не представляешь себе, до какой степени меня тронуло, что ты волнуешься за меня. Не говоря о том, что я оказался первым, о ком ты вспомнила. Это доставило мне кайф: значит, ты отдаешь мне предпочтение перед всеми остальными.

Я едва не сказала, что на самом деле моей главной заботой был Сет. Но я сначала позвонила Роману, так как считала, что Сету в данный момент ничто не грозит. К счастью, мне хватило ума вовремя прикусить язык. Пусть Роман думает, что прав.

— У тебя проблемы, — вместо этого неосторожно сказала я. — Ты заставляешь меня прыгать сквозь кольца. Меня и других бессмертных.

— Возможно. Извини, что причинил тебе неудобства. Но остальные? — Он покачал головой. — Это им только на пользу. Джорджина, они нуждаются в уроке. Разве они не злят тебя? Что они тебе дали? Ты явно недовольна своей судьбой, но разве начальство позволяет тебе что-то изменить? Нет. Так же, как не дает покоя мне и моей родне. Эта система порочна. Она закоснела в своем понимании того, что хорошо, а что плохо. Никаких полутонов. Никакой гибкости. Именно поэтому я прихожу и делаю то, что делаю. Им нужно стряхнуть пыль с ушей. Они должны знать: не им одним решать, что такое грех и спасение. Некоторые из нас еще борются.

— Приходишь... И как часто ты это делаешь? В смысле совершаешь убийства?

— Не так часто. Каждые лет двадцать-пятьдесят. Иногда раз в сто лет. На какой-то период это помогает, но через некоторое время система снова начинает доводить меня до белого каления, и я выбираю новое место и новых бессмертных.

— Но действуешь по тому же плану? — Я вспомнила символы в апартаментах Джерома. — Сначала предупреждение, а потом решающее сражение?

Роман оживился.

— Отлично. Я вижу, ты времени даром не теряла. Да, обычно так и бывает. Сначала я выбираю нескольких бессмертных низшего ранга. Это легкая добыча. Правда, я всегда испытываю из-за них угрызения совести. На самом деле они такие же жертвы системы, как и мы с тобой. Но это сбивает с толку высших бессмертных. А потом сцена освобождается для главных действующих лиц.

— Джером, — мрачно произнесла я.

— Кто?

— Джером. Местный архидемон. — Я помедлила. — Твой отец.

— Гм-м... Да.

— Что это значит? Ты говоришь о нем так, словно он мелкая сошка.

— В каком-то смысле так оно и есть.

— Да... но он твой отец.

— Ну и что? Наша связь — точнее, ее отсутствие — ничего не меняет.

Джером говорил о Романи почти то же самое. Сбитая с толку, я опустила на подлокотник кресла, похоже, мое неминуемое уничтожение было совсем не таким неминуемым.

— Но разве он... разве он не реальная цель? Не тот бессмертный высшего ранга, которого ты пришел убить?

Роман покачал головой, его лицо вдруг стало серьезным.

— Ты не понимаешь. Дело не в этом. Покончив с кем-нибудь из низших бессмертных, я переключаюсь на местную шишку. Большого начальника. Это еще сильнее выбивает всех из

колеи. Понимаешь, важнее всего психологический эффект. Если я добираться до самого главного, никто не может чувствовать себя в безопасности.

— Значит, это должен быть Джером.

— Нет, не он, — терпеливо ответил Роман. — Хоть мой папаша и архидемон, он здесь не самый главный. Пойми меня правильно: я получаю удовлетворение, гадя на его территории, если так можно выразиться, но здесь есть тот, по сравнению с кем ваш архидемон — карлик. Вряд ли ты его знаешь. У тебя нет причины с ним общаться.

Тот, по сравнению с кем Джером — карлик? Остается только...

— Картер. Ты ищешь Картера.

— Это его имя? Местного ангела?

— Он сильнее Джерома?

— Намного. — Роман с любопытством посмотрел на меня. — Ты с ним знакома?

— Слышала... о нем, — солгала я. — Ты прав, я с ним не общаюсь.

Мой мозг лихорадочно заработал. Значит, его цель — Картер? Спокойный, ироничный Картер? У меня не укладывалось в голове, что он могущественнее Джерома, впрочем, я почти ничего о нем не знала. Не знала даже, в чем заключается его работа или миссия, которую он выполняет в Сиэтле. Мне было ясно одно (и, похоже, только мне): если ангел действительно намного сильнее Джерома, то Роман ничего не может с ним сделать. Конечно, если действует правило, что сила нефилима не может превышать силу его родителя. В этом случае Роман не причинит вред ни ангелу, ни демону.

Однако я и тут промолчала. Роман не должен догадаться, что я знала Картера лучше, чем он думал. Пусть переоценивает свои возможности. Чем больше он будет питать иллюзий, тем легче мы с ним справимся.

— Вот и хорошо. Вряд ли суккуб может дружить с ангелом, но кто тебя знает... Острый язык не мешает тебе иметь множество поклонников. — Роман слегка расслабился, прислонился к стене и скрестил на груди руки. — Бог свидетель, я уже и так изменил своим принципам, пытаюсь не трогать твоих друзей.

Гнев помог мне справиться со страхом.

— Да ну? А как же Хью?

— Это который?

— Бес.

— Ах да. Ну, этого малого следовало слегка проучить. Он нагрубил тебе. Но я его не убил. — Он посмотрел на меня так, словно искал одобрения. — Это было сделано для твоей же пользы.

Я промолчала и вспомнила, как выглядел Хью в больнице. Груб?

— А остальные? — продолжил он. — Этот нахальный ангел-хранитель? Вампир, который тебе угрожал? Мне захотелось свернуть ему шею, не сходя с места. Я избавился от них ради тебя. По собственной инициативе.

Мне чуть не стало плохо. Я не желала смерти ни Люсинде, ни Дьюану.

— Очень тебе признательна.

— Не стоит благодарности. Я все равно должен был что-то сделать. Но когда я встретил на уроке танцев твоего друга вампира, то не смог заставить себя причинить ему вред. Ты загнала меня в угол. Пришлось обойтись без новых жертв.

— Прошу прощения за доставленные неудобства! — От его притворства я потеряла терпение. — Именно поэтому ты набросился на меня в тот вечер?

Он нахмурился.

— Ты о чем?

— Сам знаешь! — Мысль о нападении заставила меня покопаться в памяти. Это случилось после посещения «Хрустального пинцета», на следующий день после концерта, когда я сбежала от Романа. У него был повод разозлиться и отомстить мне. — Вспомнил? На следующий день после концерта Дага. После вечера, который я провела с Сетом.

— Ах, вот ты о чем...

— И это все, что ты можешь сказать?

— Ну да, признаюсь, это выглядело немного по-детски, но ты не можешь меня осуждать. Думаешь, легко было видеть, что ты любезничала с Мортенсеном, а мне дала от ворот поворот? Накануне я следил за вами и видел, как ты поехала к нему. Я должен был что-то сделать.

Я вскочила с кресла. Мои мрачные предчувствия вернулись.

— Что-то сделать? Избить меня до полусмерти в темном переулке?

Роман поднял бровь.

— О чем ты говоришь? Я же сказал, что никогда не причинил бы тебе вреда.

— А ты о чем говоришь?

— О кафе-мороженом. Я следил за вами весь день, а когда увидел, как вы воркуете, мне стало обидно. Я открыл дверь и устроил небольшой кавардак. Поступил как мальчишка. Вот и все.

— Да... — Я умолкла на полуслове, вспомнив, как порыв ветра распахнул дверь и сдул все, что стояло и лежало на столах и прилавке.

Такой вихрь был для Сиэтла редкостью, но мне и в голову не пришло приписать ему сверхъестественное происхождение. Роман был прав: это выглядело по-детски.

— О каком темном переулке ты говорила? — напомнил он.

Я заставила себя забыть о случае в кафе.

— Позже... в тот же вечер. Я возвращалась домой, а ты... или кто-то другой... напал на меня.

Лицо Романа окаменело, глаза сделались стальными.

— Рассказывай. Рассказывай все, что случилось.

Я сообщила ему, как нашла ссылку на книгу Харрингтона, поехала за ней в «Хрустальный пинцет», оставила машину далеко от дома и пошла пешком. Но про своего спасителя промолчала. Роману не следовало знать, что с Картером меня связывает не просто шапочное знакомство и что я могу помешать осуществлению его планов. Если нефилим будет думать, что мне нет до ангела никакого дела, у меня появится возможность предупредить Картера.

Когда я закончила, Роман прислонился головой к стене и вздохнул, внезапно превратившись из опасного убийцы в усталого человека, которого я почти любила.

— Я так и думал. Я знал, что просить не вмешиваться бесполезно.

— Что... что ты имеешь в виду? — У меня по спине побежали мурашки.

— Ничего. Не обращай внимания. Послушай, прости меня. Я должен был принять меру предосторожности. Я знал... Ты говоришь, на следующий день? После того как я пришел, а ты порвала со мной? Я чувствовал твою боль, хотя ты и трансформировалась. Чувствовал, что причина этой боли сверхъестественная, но мне и в голову не пришло, что... Я думал, это сделал кто-то из бессмертных, входящих в твой кружок. Тот, с кем ты путалась. На тебе еще

оставались слабые следы... влияния кого-то другого... вроде демона...

— Но это не... Ох... Ты имеешь в виду Джерома?

— Опять дорогой папочка? Только не говори мне... не говори мне, что это тоже его рук дело. — Спокойствие Романа оказалось коротким, его лицо снова приняло зловещее выражение.

— Нет-нет! — быстро сказала я, вспомнив психическую атаку Джерома, пригвоздившую меня к спинке дивана. — Все было не так. Просто в тот раз он продемонстрировал мне небольшую часть своей силы. Он не хотел причинить мне вред. И никогда не причинил бы.

— Ладно. То, что случилось в переулке, мне очень не нравится, но с виновной стороной я разберусь. Можешь быть уверена, это больше не повторится. Когда я увидел тебя в тот день, то решил перебить всех бессмертных в этой епархии. Мысль о том, что кто-то посмел причинить тебе вред... — Роман подходил ко мне все ближе и ближе. Когда он сжал мою руку, мне захотелось отпрянуть и одновременно броситься в его объятия. Я не знала, как совместить старое влечение с новым страхом. — Джорджина, ты сама не знаешь, насколько дорога мне.

— Но тогда... там... в переулке...

Не успела я додумать эту мысль, как ей на смену пришла другая, вызванная словами Романа. «Когда я увидел тебя в тот день»... Он находился у меня в то время, когда Картер улетел, среагировав на появление нефилима. Но это было невозможно. Я не могла вспомнить, из какого именно района поступил сигнал, однако он пришел откуда-то издалека. Роман не мог отвлечь Картера и раньше его попасть в мою квартиру.

«Я знал, что просить не вмешиваться бесполезно... С виновной стороной я разберусь».

И тут до меня дошло, почему Роман думает, что может одолеть Картера. Почему превосходство ангела в силе можно не принимать во внимание. От осознания этого у меня защемило в груди. Не знаю, что отразилось на моем лице, но Роман посмотрел на меня с сочувствием.

— Что случилось?

— Сколько? — прошептала я.

— Чего «сколько»?

— Сколько нефилимов в городе?

Глава двадцать третья

— Два, — слегка поколебавшись, ответил он.

— Значит два, — бесстрастно повторила я, подумав про себя, что дело плохо. — Включая тебя?

— Да.

Я потеряла виски. Нужно было как-то предупредить Джерома и Картера, что теперь мы имеем дело с двумя нефилимами. Никому такое и в голову не приходило.

— Кто-то должен был знать об этом, — пробормотала я скорее самой себе, чем Роману. — Кто-то должен был ощутить... разницу аур. Джером же почувствовал тебя. У тебя уникальная аура. Второй такой нет больше ни у кого.

— Ни у кого, — насмешливо улыбнувшись, подтвердил Роман, — кроме моей сестры.

О, черт!

— Но Джером говорил только об одном... Ох... — Внезапно меня осенило. Джером сам признался, что при родах не присутствовал. — Двойняшки? Или... больше? — Насколько я знала, архидемон мог произвести на свет любое количество близнецов.

Роман покачал головой, продолжая посмеиваться над моей сообразительностью.

— Двойняшки. Нас только двое.

— Значит, это дело семейное? Вы вместе бродите по дорогам, переезжаете из города в город, сеете раздор...

— Милая, у тебя слишком романтическое воображение. Такими вещами занимаюсь только я. Моя сестра старается не высовываться. Работает, живет собственной жизнью и приключений не ищет.

— Тогда зачем ты ее привлек? — Я снова подумала о словах Эрика, говорившего, что большинство нефилимов просто пытается выжить.

— Она живет здесь. В Сиэтле. Мы находимся на ее территории, вот я и попросил ее принять участие в последнем убийстве. В нападениях на низших бессмертных она не участвовала.

— Кроме нападения на меня, — напомнила я.

— Мне очень жаль. Думаю, она сильно разозлилась на тебя.

— Но я ее даже не знаю! — воскликнула я.

Интересно, что лучше: любовь нефилима или его вражда?

Он только улыбнулся.

— Не уверен. — Роман небрежно потянулся ко мне, но я отпрянула. Увидев это, он перестал улыбаться. — Что теперь?

— А ты как думаешь? По-твоему, можно вывалить это на меня и считать, что мы помирились?

— А почему нет? В конце концов, тебе больше не о чем беспокоиться. — Я хотела возразить, но он не дал мне открыть рот. — Я уже говорил, что не собираюсь причинять вред тебе и твоим друзьям. Единственным в моем перечне остался тот, кого ты не знаешь и кто не имеет к тебе никакого отношения. Вот и все. Конец истории.

— Да? И что же будет потом? После того как ты убьешь Картера?

Роман пожал плечами.

— Я уеду. Найду себе место и проживу там какое-то время. Возможно, снова стану

преподавать. — Он наклонился и посмотрел мне в глаза. — Знаешь, ты могла бы поехать со мной.

— Что?

— Подумай об этом. — Роман говорил с жаром, с каждой секундой его слова становились все более страстными. — Ты и я. Ты могла бы устроиться на новом месте и делать все, что тебе нравится, — продавать книги, давать уроки танцев, — не боясь, что кто-нибудь из бессмертных испортит тебе жизнь.

Я нахмурилась.

— Вряд ли. Я не смогу перестать быть суккубом. Для выживания мне понадобится секс.

— Да-да. Я знаю, что время от времени тебе придется находить жертву, но подумай о том, что будет в промежутках. Ты и я. Вместе. Возможность быть с тем, кому ты не причинишь вреда. Просто для удовольствия, а не для выживания. И никакого начальства, которое будет заставлять тебя выполнять твои обязанности.

Тут я невольно подумала о Сете и представила, как жила бы с ним просто для удовольствия.

Потом я заставила себя вернуться к реальности и сказала Роману:

— Я не могу просто взять и убежать. Сиэтл — место моего назначения. У меня есть старшие, и они от меня не отстанут.

Роман взял мое лицо в ладони и прошептал:

— Джорджина, я могу защитить тебя от них. Могу спрятать тебя. Ты сможешь жить собственной жизнью, не отчитываясь перед бюрократами. Мы станем свободными.

Его глаза гипнотизировали и держали меня, как рыбу на крючке. Я веками жила одна, ограничиваясь случайными встречами и прерывая каждую связь, которая грозила перерасти во что-то серьезное. А теперь появился Роман. Меня влекло к нему, и я могла не отталкивать его, потому что наш физический контакт не причинил бы ему вреда. Мы могли бы быть вместе. Могли бы прожить друг с другом целую вечность. Я бы больше никогда не чувствовала себя одинокой.

Меня охватило желание. Я хотела этого. Хотела больше всего на свете. Мне надоели выговоры Джерома за то, что я всегда обольщаю только нищих духом. Мне хотелось приходить домой и кому-то рассказывать, как прошел день. Хотелось по уик-эндам ходить на танцы. Вместе проводить отпуска. Хотелось, чтобы кто-то обнимал меня, когда я расстраивалась и переживала из-за обычных житейских трудностей и невзгод.

Хотелось, чтобы меня любили.

Его слова проникли мне прямо в душу. Но я знала, что это всего лишь слова. Вечность долгий срок, мы не сможем скрываться до бесконечности. В конце концов, нас найдут. Или Роман погибнет во время одной из своих акций протеста, а я буду схвачена, после чего куча злобных демонов призовет меня к ответу. Он предлагал мне детскую мечту с неизменным плохим концом.

Кроме того, побег с Романом означал бы, что я согласна с его безумным планом. Я могла понять его гнев и желание отомстить. Я хорошо понимала его сестру, которая хотела всего-навсего жить обычной жизнью. За долгие века я видела море крови, как уничтожали целые народы, культуры которых уже никто не помнил. Существовать так долгие тысячелетия, всегда быть в бегах, скрываться просто потому, что ты родился по ошибке... да, на месте нефилимов я бы тоже возненавидела весь мир.

И все же я не понимала, зачем время от времени убивать бессмертных только для того,

чтобы доказать свою точку зрения. То, что я знала этих бессмертных, только подливало масла в огонь. Конечно, иногда Картер раздражал меня, но он спас мне жизнь, да и сосуществовали мы с ним вполне мирно. Вообще-то Роману следовало благодарить этого ангела. Больше всего нефилим жаловался на то, что бессмертные придерживаются устаревших моральных норм и правил, но обвинить в этом Картера было нельзя: он дружил со своими гипотетическими противниками. Они с Джеромом являлись представителями того самого мятежного, нонконформистского образа жизни, который так защищал Роман.

Увы, чтобы переубедить нефилима, этого недостаточно. Может быть, все же попробовать?

— Нет, — сказала я. — Я не могу сделать это. А ты не должен.

— Что не должен?

— Осуществлять свой план. Убивать Картера. Оставь его в покое. Откажись от своей затеи. Насилие вызывает только насилие. Оно не приносит мира.

— Извини, радость моя, не могу. Для таких, как я, мира не существует.

Я протянула руку и дотронулась до его лица.

— Ты уже говорил мне, но я не знаю, правда ли это. Ты любишь меня?

Роман перевел дух, и я внезапно поняла, что гипнотизирую его так же, как он меня.

— Да. Люблю.

— Если любишь, то сделай это ради меня. Уезжай. Уезжай из Сиэтла. Если ты это сделаешь, я уеду с тобой.

Я не понимала, что говорю серьезно, пока эти слова не сорвались с моих губ. Да, побег был детской фантазией, но если бы я смогла предотвратить надвигавшееся несчастье, то сдержала бы обещание.

— Ты серьезно?

— Да. Если ты сможешь обеспечить мне безопасность.

— Смогу, но...

Роман отошел от меня и стал расхаживать по комнате, время от времени взволнованно приглаживая волосы.

— Я не могу уехать, — наконец, сказал он. — Я сделал бы для тебя все на свете, но только не это. Ты не представляешь себе, что это такое. Думаешь, бессмертные жестоки к тебе? Представь себе, что значит вечно скрываться и быть настороже. Мне так же трудно осесть на одном месте, как и тебе. Слава богу, у меня есть сестра. Она все, что связывает меня с жизнью. Она единственная, кого я любил. Пока не появилась ты.

— Мы можем взять ее с собой...

Он закрыл глаза.

— Джорджина, тысячи лет назад, когда еще была жива моя мать, мы жили в таборе с другими нефилимами и их матерями. Мы всегда бежали, всегда пытались опередить тех, кто преследовал нас. Однажды ночью... Я никогда этого не забуду. Они нашли нас и устроили такую бойню, по сравнению с которой Армагеддон — цветочки. Я толком не знаю, кто это сделал, ангелы или демоны, но теперь это неважно. Они одинаковые. Прекрасные и ужасные.

— Да, — прошептала я. — Я видела их.

— Тогда ты знаешь, на что они способны. Они налетели и уничтожили всех. Без разбора. Детей. Людей. Всех, кто был в родстве с нефилимами.

— А ты сумел спастись?

— Да. Нам повезло. В отличие от остальных. — Роман повернулся и посмотрел на меня. На его лице была написана такая боль, что у меня на глаза навернулись слезы. — Теперь ты понимаешь? Понимаешь, почему я должен делать это?

— Ты только продляешь кровопролитие.

— Знаю, Джорджина. Конечно, знаю. Но у меня нет выбора.

Я видела, что ему смертельно надоело проливать кровь, участвовать в том, что наложило страшный отпечаток на его детство. Но понимала, что по-другому Роман не может. Спасения нет. Он живет на свете давно, намного дольше, чем я. Тысячелетия страха и гнева подействовали на него. Он обязан увидеть финал этой игры.

«Я сражаюсь с прошлым каждый день. Иногда побеждаю я, иногда оно».

— У меня нет выбора, — с отчаянием повторил он, — Но у тебя он есть. Я хочу, чтобы ты уехала со мной, когда все кончится.

Выбор... Да, выбор у меня был. Между ним и Картером. Впрочем, а был ли? Могла ли я что-то предпринять, чтобы спасти Картера? Хотела ли я его спасти? Насколько я знала, за многие годы Картер во имя добра убил бесчисленное множество детей нефилимов. Может быть, он заслуживал наказания, которое готовил ему Роман? В конце концов, добро и зло — дурацкие понятия. Понятия, которые мешают людям. Понятия, на основании которых людей наказывают или награждают за то, что они следуют своей природе. Природе, против которой они бессильны.

Роман прав. Эта система порочна. Вот только как ее изменить?

Мне требовалось время. Время осмыслить происходящее и придумать, как спасти и ангела, и нефилима, если такое возможно. Но этого времени не было. Роман стоял и смотрел на меня, воодушевленный своим романтическим предложением убежать вместе.

Время. Мне требовалось время, однако я понятия не имела, как его получить. У меня не было сил, которыми я могла бы воспользоваться в такой ситуации. Если бы Роман решил, что я представляю собой угрозу, я бы не сумела бороться с ним. «Нефилим способен прибить каждого из вас». Я не могла уговаривать людей продавать души, как Хью, и не обладала сверхъестественными рефлексами и силой Коди и Питера. Я была суккубом. Умела менять внешность и заниматься сексом с мужчинами. Только и всего.

Только и всего...

Глава двадцать четвертая

— Ну? — мягко спросил Роман. — Что скажешь? Ты поедешь со мной?

— Не знаю, — ответила я, уставившись в пол. — Я боюсь. — Мой голос дрожал.

Обеспокоенный Роман повернул мое лицо к себе.

— Боишься? Чего?

Я посмотрела на него сквозь слезы. Вид у меня был застенчивый. Даже беззащитный. Во всяком случае, я на это надеялась.

— Их... Я хочу... хочу... но не думаю... не думаю, что нам удастся обрести свободу. Мы не сможем скрываться от них вечно.

— Сможем. — Роман, тронутый моим страхом, обнял меня и привлек к себе. Я не сопротивлялась и позволила ему прижаться ко мне всем телом. — Я уже сказал. Я смогу защитить тебя. Завтра я найду ангела, а на следующий день мы уедем. Это легко.

— Роман... — Я посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

С видом человека, обуреваемого каким-то чувством. Надеждой. Страстью. Ожиданием чуда. То же самое выражение было написано на его лице. Он наклонился, чтобы поцеловать меня, и на сей раз я не стала его останавливать. Наоборот, ответила на его поцелуй. Я уже много лет не целовалась просто ради того, чтобы ощутить поцелуй, почувствовать, как мужские руки крепко прижимают меня к сильному телу.

Я могла бы целоваться так целую вечность, наслаждаясь физическими ощущениями, в которых не было ничего от жажды суккуба. Это казалось чудесно. Даже опьяняюще. Места для страха не осталось. Но Роман хотел большего. Когда он увлек меня на ковер, я и тут не стала его останавливать.

Нефилима переполняли страсть и желание, но он двигался медленно и осторожно, проявляя удивительную сдержанность. Это произвело на меня сильное впечатление. Почти все мужчины, с которыми мне приходилось спать, горели желанием поскорее перейти к делу, поэтому такая забота о моем наслаждении поразила меня.

Но я не жаловалась.

Он лежал сверху, прижавшись ко мне так, что между нашими телами не осталось зазора, и продолжал целовать меня. Потом перешел от губ к уху, провел по нему языком и коснулся губами шеи. Шея всегда была моей эрогенной зоной, когда его умелый язык прошелся по моей чувствительной коже, она покрылась мурашками, и я с трудом втянула в себя воздух. Выгнувшись всем телом, я дала ему знать, что готова к продолжению, но Роман не торопился.

Он двигался все ниже и ниже, целуя мои груди сквозь тонкую ткань, пока та не увлажнилась и не прилипла к соскам. Я села, чтобы дать ему возможность снять с меня блузку. Заодно он стащил с меня и юбку, и я осталась в одних трусиках. Но Роман, сосредоточенный на моих грудях, продолжил ласкать их, чередуя нежные поцелуи с жадными и страстными, грозившими оставить после себя кровоподтеки. Наконец он опустил ниже, провел языком по моему гладкому животу и остановился.

К тому времени я уже сгорала от желания. Мне не терпелось прикоснуться к нему, но, когда я протянула руки, Роман бережно прижал их к полу.

— Еще рано, — прошептал он.

Я была рада этому, потому что все дело заключалось во времени. Я покупала его. Да,

покупала. Выигрывала время, чтобы успеть придумать план. План, который... Ладно, потом.

— Цвет фуксии, — заметил он, проведя пальцами по моим трусикам, представлявшим собой лоскутки кружев. — Кто это придумал?

— Я редко надеваю розовое и красное, — призналась я, — но белье этих цветов почему-то люблю. И, конечно, черное.

— Тебе идет. Ты сможешь трансформировать их когда угодно, верно?

— Да, а что?

Роман протянул руку и одним движением стащил с меня трусики.

— Они мне мешают.

Я застонала и выгнулась ему навстречу, стремясь удовлетворить терзавшее меня желание. Но Роман снова уложил меня на пол. Его язык продолжал дразнить меня, усиливая наслаждение.

Наконец, я достигла пика наслаждения и громко вскрикнула. Он стиснул мое трепетавшее тело и продолжил свои жгучие ласки. Однако это уже было выше моих сил. Достигнув наслаждения еще раз, я стала умолять его остановиться.

Роман отпустил меня, отстранился и стал наблюдать за судорогами, сотрясавшими мое тело. Когда они утихли, я за две секунды стащила с него одежду, и он лег на меня.

— О боже, Джорджина, — прошептал он, глядя мне в глаза. — Ты даже не представляешь себе, как я тебя хочу.

Но я представляла.

Как только наши тела слились, я ликовала так, словно вернула себе недостающую часть. Его движения были неторопливыми и точно рассчитанными. Роман следил за выражением моего лица и выяснял, как на меня действует изменение направления.

«Я выигрываю время», — твердила я, но, когда он прижал мои запястья к полу и стал вонзаться в меня все глубже и глубже, стало ясно, что я себе лгу. Дело было не в желании предупредить Джерома и Картера, а во мне самой. Мое желание было эгоистичным. Я изнывала по Роману последние две недели и теперь получила то, чего хотела. Он оказался совершенно прав. Инстинкт суккуба был тут ни при чем. Одно чистое сладострастие. Мне приходилось заниматься сексом с бессмертными, но с тех пор прошло много времени. Я уже забыла, что можно, помимо своей воли, не читать чужие мысли и просто наслаждаться собственными ощущениями.

Мы двигались в одном ритме, как будто занимались этим много веков. Постепенно наши движения становились более порывистыми и менее точными. Он вонзался в меня так яростно, словно хотел пригвоздить к полу. Откуда-то доносились громкие крики, и я с трудом поняла, что они принадлежат мне. Я потеряла представление об окружающем и способность связно мыслить. Существовало только мое тело и пожиравшее его желание. Оно сжигало меня, но продолжало требовать большего. Стремясь как можно скорее достичь пика наслаждения, я подалась навстречу Роману.

Поняв это, Роман ахнул. В его глазах горела первобытная страсть.

— Я хочу видеть, как ты кончишь еще раз, — прошептал он. — Сделай это для меня.

Этих слов оказалось достаточно. Я тут же достигла головокружительного экстаза, и из моего давно охрипшего горла вырвался громкий крик. Не знаю, каким было выражение моего лица, однако оно заставило Романа достигнуть оргазма почти одновременно со мной. Он не издал ни звука. Только закрыл глаза и после заключительного рывка остался во мне, дрожа от наслаждения. Потом он перекатился на спину и лег рядом со мной. Я повернулась,

положила ладонь на грудь Романа и стала поглаживать его загорелую кожу.

— Ты очень красивый, — сказала я и обхватила губами его сосок.

— Ты тоже ничего, — пробормотал он, глядя меня по голове. Я была покрыта испариной, от которой мои волосы увлажнились и завились сильнее обычного. — Это твое настоящее тело?

Я покачала головой, удивленная вопросом, и провела губами по его шее.

— Я получила это тело, когда стала суккубом. Давным-давно. — А потом спросила в промежутке между двумя поцелуями: — Оно тебе не нравится? Знаешь, я могу стать такой, какой ты захочешь.

Роман улыбнулся, блеснув белыми зубами.

— Именно поэтому и следует заниматься любовью только с суккубом. — Он сел, обнял меня, а потом, покачиваясь, встал. — Нет. Если ты спросишь меня об этом лет через сто, может быть, я отвечу по-другому. Но сейчас мне хочется как следует изучить это тело.

Он отнес меня в спальню, где мы занялись любовью немного более цивилизованно, наши тела льнули друг к другу, как языки жидкого пламени. Теперь, когда животное начало было удовлетворено, мы не торопились и изучали реакции собственных тел. Любовь неторопливая и нежная сменялась бурной и страстной, затем следовал отдых, и все начиналось сначала. Часа в три ночи я окончательно выдохлась и, наконец, уснула, положив голову ему на грудь и забыв о тревогах, копошившихся в дальнем углу сознания.

Я проснулась через несколько часов и рывком села, с ужасающей ясностью вспомнив события прошедшей ночи. Я уснула в объятиях нефилима. Говорила о собственной уязвимости. И, тем не менее, осталась целой и невредимой. Роман лежал рядом со мной, теплый и довольный, Обри дремала в ногах. Оба неохотно открыли глаза, потревоженные моим резким движением.

— Что случилось? — подавив зевок, спросил Роман.

— Н-ничего. — Когда приступ страсти прошел, я обнаружила, что могу мыслить ясно.

Чего я добилась, переспав с Романом? Выиграть время мне удалось, но выхода из этой сумасшедшей ситуации я так и не нашла.

Затем я увидела нарциссы Картера, и они подсказали мне решение. Сами цветы были тут ни при чем, но я поняла, что не могу позволить Роману убить Картера. Нужно действовать рискованно, не боясь провала. «У каждого из нас бывают минуты слабости. Имеет значение только то, как мы их преодолеваем».

То, что я любила нефилима и ненавидела ангела, значения не имело. Тем более что и то и другое было правдой лишь наполовину. Дело заключалось во мне. В том, кем я себя считала. Я провела целые века, причиняя вред людям, чтобы выжить самой, но я никогда не участвовала в заранее обдуманном убийстве, какой бы уважительной ни была его причина. До этого я еще не дошла. Пока.

Я смахнула слезы, вызванные сложностью задачи, которую мне предстояло решить. Ах, Роман, Роман...

— Тогда спи, — пробормотал он и провел ладонью по моему бедру.

Да, теперь я знала, что нужно сделать. Это нельзя было назвать настоящим планом, но ничто другое мне в голову не приходило: мне нужно воспользоваться его нынешней беспечностью.

— Не могу, — объяснила я, вылезая из кровати. — Мне пора на работу.

Он широко раскрыл глаза.

— Что? Когда?

— Я открываю магазин. Мне надо быть там через полчаса.

Огорченный Роман сел.

— Ты работаешь весь день?

— Угу.

— А я-то надеялся показать тебе еще кое-что... — пробормотал он, обвив рукой мою талию и взяв в ладонь грудь.

Я прижалась к нему, притворяясь охваченной страстью. Впрочем, притворства тут было очень мало.

— М-мм... — Я повернулась к нему лицом, и наши губы слились. — Я могу позвонить и сказать, что заболела... Но они не поверят. Я никогда не болею, это все знают.

— Пошли их к чертовой матери! — Роман опрокинул меня на кровать. Его руки становились все более дерзкими. — Я просто обязан это сделать!

— Тогда отпусти меня, — засмеялась я. — Иначе я не смогу позвонить.

Нефилим неохотно разомкнул объятия, и я ушла, напоследок улыбнувшись ему. Он жадно смотрел на меня, как кот на мышку. Честно говоря, мне это нравилось.

Когда я прошла в гостиную и взяла телефон, желание тут же сменилось плохим предчувствием. Я притворилась спокойной, беспечной и нарочно оставила все двери открытыми, чтобы не дать Роману оснований для тревоги. Понимая, что он наверняка услышит мой разговор, я мысленно прорепетировала свои слова и набрала номер Джерома.

В том, что демон не ответил, ничего удивительного не было. Проклятие! Зачем мне связь, которой нельзя воспользоваться в крайнем случае? Поскольку именно этого я и ждала, пришлось перейти к следующему варианту. Хью. Если откликнется автоответчик, это будет означать, что мне крупно не повезло. Я не смогу выполнить свой план, если придется звонить ему на работу и пробиваться через дюжину секретарш.

— Хью Митчелл слушает.

— Привет, Даг. Это Джорджина.

Последовала пауза.

— Почему ты называешь меня Дагом?

— Слушай, я сегодня не смогу прийти. Похоже, подхватила грипп.

Роман выбрался из спальни, и я улынулась, увидев, что он бредет к холодильнику. Тем временем Хью пытался разобраться в чепухе, которую я несла.

— Э-э... Джорджина... наверное, ты набрала не тот номер.

— Нет, Даг, я говорю серьезно. Не строй из себя умника, понял? Я не могу прийти О'кей?

Наступила мертвая тишина. Наконец, Хью выдавил:

— Джорджина, с тобой все в порядке?

— Я уже сказала, что нет. Неужели не ясно?

— Джорджина, что происходит?

— Конечно, ты что-нибудь придумаешь, — продолжила я, — но сегодня тебе придется крутиться одному. Постараюсь завтра выйти.

Я дала отбой, посмотрела на Романа и покачала головой.

— Надо же, напоролась на Дага. А он мне не поверил.

— Он слишком хорошо тебя знает, верно? — спросил Роман и начал пить апельсиновый сок.

— Да. Поругается, но прикроет. На это он мастер.

Я бросила телефон на диван и пошла к Роману.

Нужно было отвлечь его еще раз. Я сомневалась, что Хью сумеет полностью уяснить ситуацию. Но понять, что что-то не так, он сможет. Я уже говорила, что нельзя жить вечно и при этом не поумнеть. Если он заподозрит неладное, то попытается найти Джерома. Моя задача заключалась в том, чтобы чем-то занять нефилима до прибытия кавалерии.

— Так что ты там хотел мне показать? — промурлыкала я.

Как выяснилось, многое. Мы вернулись в спальню, и стало ясно, что ожидание действий Хью окажется не таким трудным, как я боялась. Наслаждение было велико, но ему мешали легкие угрызения совести, возникшие после того, как я приняла решение и позвала на помощь. Роман убил множество бессмертных, а теперь собирался напасть на того, кого я почти могла считать своим близким другом. И все же я не могла справиться со своими чувствами. Меня влекло к нефилиму, влекло уже давно, а он действительно оказался очень хорош в постели.

— Я мог бы держать тебя в объятиях целую вечность, — пробормотал Роман позже, когда я прильнула к нему.

Он гладил мои волосы, но его взгляд был озабоченным.

— Что-то не так?

— Джорджина... ты... ты действительно хочешь, чтобы я оставил этого ангела в покое?

— Да! — после недолгой паузы, вызванной удивлением, выпалила я. — Я не хочу, чтобы ты причинил кому-нибудь вред.

Он долго смотрел на меня, прежде чем заговорить.

— Когда вчера вечером ты попросила меня об этом, я не думал, что смогу... смогу решиться на такое. Но теперь... после того, как мы были вместе... это кажется мелочью. Хотя нет... то, что они делали с нами, было ужасно... но если бы я продолжал мстить им, они бы только оказались в выигрыше. Я стал бы именно таким, каким они меня считали. Позволил бы им определять, как мне жить. Превратился бы в конформиста нонконформизма и упустил самое главное. Возможность любить и быть любимым.

— Ч-что ты говоришь?

Он коснулся моей щеки.

— Милая, я говорю, что согласен. Прошлое не будет править моим настоящим. Ради тебя я откажусь от своего замысла и уеду. Мы уедем вместе. Уедем сегодня же и оставим все позади. Найдем себе дом и начнем жить вместе. Мы можем отправиться в Лас-Вегас.

Я застыла в его объятиях и широко раскрыла глаза. О боже...

Когда в дверь постучали, я чуть не подпрыгнула. Прошло около сорока минут. «Нет, нет», — подумала я. Это слишком быстро. Особенно в свете внезапного поворота событий. Хью не мог действовать столь молниеносно. Я не знала, что делать.

Роман поднял бровь, скорее удивленный, чем встревоженный.

— Ты кого-нибудь ждешь?

Я покачала головой, пытаюсь справиться с сердцебиением, и пошутила:

— Даг всегда грозился прийти и украсть меня. Но надеюсь, это не тот случай.

Я вылезла из кровати, достала из стенного шкафа темно-красное кимоно, пригладила растрепавшиеся волосы и пошла в гостиную, стараясь выглядеть непринужденно. «О боже, — думала я, подходя к двери, — что я делаю? Что я делаю?»

— Сет?

На пороге стоял писатель с коробкой в руке. Его ошеломление не уступало моему. Я видела, как он обвел меня глазами, и внезапно почувствовала, насколько короток мой халатик и как много обнажает обтягивающий тело шелк. Потом он увидел мое лицо и с трудом проглотил слюну.

— Привет. Я...

Тут на площадку вышел один из моих соседей, увидел меня в халате и застыл на месте.

— Проходите, — скорчив гримасу, сказала я и закрыла за Сетом дверь.

Появление Мортенсена вместо кавалькады бессмертных окончательно выбило меня из колеи.

— Прошу прощения, — наконец выдавил Сет, пытаясь отвести глаза. — Надеюсь, я не разбудил вас...

— Нет... нет... это неважно...

Конечно, Роман выбрал именно этот момент, чтобы выйти из моей спальни в одних трусах.

— Эй, что тут... Ага. Вы Сет, верно?

— Верно, — лаконично ответил Сет, глядя то на меня, то на Романа.

Этот взгляд заставил меня забыть о нефилеме, бессмертных и спасении Картера. Меня заботило только то, о чем подумал Сет. Бедный Сет, который за все время нашего знакомства не сделал мне ничего плохого, но был вынужден снова и снова страдать от моей бесчувственности. Господи, ну что за несчастье! Я не знала, что сказать. Вся моя ложь, ветреность, легкомыслие и кокетство выплыли наружу.

— Это завтрак? — весело спросил нефилем.

Он был единственным, кто чувствовал себя непринужденно.

— Что? — с трудом обретая дар речи, спросил Сет. — Ах, да. — Он поставил коробку на столик. — Вот. Это кофейный торт. С орехами. Знаете, я лучше пойду... Прошу прощения, что побеспокоил. Я знал, что у вас выходной, и подумал, что мы могли бы... Не знаю. Вчера вы сказали... Ну... Это было глупо. Мне следовало позвонить. Извините.

Он повернулся к двери, но это уже ничего не могло изменить. Сет сказал именно то, чего не следовало говорить ни в коем случае. «Я знал, что у вас выходной». Дерьмо. Роман повернулся ко мне. Изумление на его лице тут же сменилось лютым гневом.

— Кому... — с трудом выдавил он. — Кому ты звонила? Кому ты звонила, мать твою?

Я сделала шаг назад.

— Сет, скорее уходите...

Поздно. Сила, не уступавшая моще Джерома, прижала нас с Сетом к стене гостиной.

Роман подошел к нам. В его глазах полыхало синее пламя.

— Кому ты звонила? — рявкнул он. Я не ответила. — Ты представляешь себе, что наделала?

Он отвернулся от нас, схватил мой телефон и набрал номер.

— Приезжай немедленно... Да, да, черт побери, мне нет до этого дела. Бросай все. — Он продиктовал мой адрес и дал отбой.

Спрашивать, кому он звонил, не имело смысла. Я и так это знала. Второму нефилему. Своей сестре.

Роман провел рукой по волосам и начал беспокойно расхаживать по гостиной.

— Дерьмо. Дерьмо! Ты испортила все! — крикнул он. — Ты понимаешь это? Понимаешь, лживая сучка? Как ты могла?

Я не отвечала. Потому что язык не двигался. Психическая сеть, в которой я запуталась, не давала пошевелиться. Я даже не могла посмотреть на Сета. Что он подумал? Одному богу известно.

Через десять минут в дверь постучали снова. Если наверху еще не полностью отказались от меня, это должны были быть Джером и Картер, поторопившиеся мне на выручку. «Даже суккуб время от времени может рассчитывать на благоволение небес», — думала я, следя за тем, как Роман открывает дверь.

В прихожую вошла Елена. О господи...

— Почти вовремя, — бросил Роман, хлопнув за ней дверь.

— Что... — Она осеклась, увидев нас с Сетом, и широко открыла глаза. Потом повернулась к Роману и посмотрела на его трусы. — Ну, выкладывай, что ты натворил на этот раз!

— Сюда кто-то едет, — прошипел он, не обращая внимания на ее вопрос. — И будет здесь с минуты на минуту.

— Кто? — подбоченившись, спросила Елена.

Теперь в ее голосе не чувствовалось хрипотцы, она полностью владела собой. Если бы я уже не лишилась дара речи, то при виде ее потеряла бы его снова.

— Понятия не имею, — признался Роман. — Скорее всего, наш высокопоставленный родитель. Она кому-то позвонила.

Елена шагнула ко мне, и я похолодела от страха, поняв, какая мне грозит опасность. Вторым нефилимом была безумная Елена. Мошенница, морочившая людям голову. Женщина, которую я оскорбляла и высмеивала. У которой украли сотрудников. Выражение лица Елены говорило, что она об этом не забыла. — Сними поле, — велела она Роману. Через секунду сила исчезла, мы с Сетом качнулись вперед и стали хватать ртами воздух. — Он прав? Ты звонила нашему отцу?

— Я... никому... не звонила...

— Она лжет, — спокойно заметил Роман. — Джорджина, кому ты звонила?

Не услышав ответа, Елена подошла и вlepила мне звонкую пощечину. В этом было что-то смутно знакомое. Впрочем, почему смутно? Именно Елена избивала меня тогда в темном переулке. Я поняла, что она узнала меня в «Хрустальном пинцете», несмотря на то, что я сменила внешность. Ощувив мою ауру, она решила поиграть со мной. Напророчить мне великое будущее, а потом рассчитаться за все.

— Ты давно мешала мне! — крикнула она. — Много лет! Я мирилась с тобой и тебе подобными. С теми, кто высмеивал мой образ жизни и мое учение. Мне следовало удавить тебя давным-давно!

— Зачем? — громко спросила я, снова восстановив контроль над своим голосом. — Зачем ты это делала? Ты, знающая об ангелах и демонах... Зачем тебе понадобилось распространять всю эту новоэровскую чушь?

Она смерила меня уничтожающим взглядом.

— Да неужели? Ты называешь чушью стремление научить людей самостоятельно управлять собственной жизнью, считать себя источником силы и не верить в первородный грех и навязанные сверху понятия о добре и зле? — Когда я не ответила, Елена продолжила: — Я учу людей тому, что они должны реализовать свои способности, отказаться от концепции греха и спасения и искать счастье на этом свете. Правда, кое-что приходится слегка преувеличивать и приукрашивать, но главное — это результат. После моих лекций

люди начинают чувствовать себя богами и богинями. Искать спасение в самих себе, а не в каких-то холодных и лицемерных институтах.

У меня не было ни секунды, чтобы вставить слово. Я поняла, что Елена и Роман мыслили одинаково: оба были не удовлетворены системой, которая их породила, но каждый воевал с ней по-своему.

— Я знаю, что ты обо мне думаешь. Слышала, что ты обо мне говорила. Видела, как ты выбросила брошюры, которые я дала тебе в тот вечер, посчитав меня выжившей из ума пропагандисткой движения «Новая эра». И все же... Ты наглая, самоуверенная и в то же время самая несчастная из всех, кого мне доводилось видеть. Ты ненавидишь эту игру, но все же участвуешь в ней. И защищаешь ее, потому что тебе не хватает смелости делать что-то другое. — Она покачала головой и иронически хмыкнула. — Чтобы предсказать твое будущее, вовсе не обязательно быть экстрасенсом. У тебя есть дар, но ты им пренебрегаешь. Понапрасну тратишь свою жизнь и проведешь ее в одиночестве и забвении.

— Я не могу стать другой! — запальчиво ответила я, задетая ее словами.

— Ты говоришь как покорная рабыня существующей системы.

— Да пошла ты! — крикнула я в ответ. Оскорбленные гордость и самоуважение заставили меня броситься вперед очертя голову. — Покорная рабыня лучше самовлюбленного мстительного ублюдка божества. Теперь я понимаю, почему вас хотят уничтожить!

Она ударила меня снова, на этот раз вложив в удар силу нефилима. Так больно мне было только однажды в жизни — тогда, в переулке.

— Молчи, потаскушка! Ты понятия не имеешь, о чем говоришь!

Елена хотела нанести еще один удар, но внезапно Сет закрыл меня собой.

— Прекратите! — воскликнул он. — Прекратите все...

Неожиданный выброс энергии — то ли Романа, то ли Елены — швырнул Сета к противоположной стене. Я зажмурилась.

— Как ты смеешь! — сверкая глазами, крикнула Елена. — Ты, смертный, не имеющий представления...

Но закончить она не успела. Физическое насилие по отношению к Сету привело меня в ярость. Я знала, что это безнадежно, но ничего не могла с собой поделать. Я прыгнула на Елену, приняв первое же обличье, которое пришло мне в голову. Несомненно, оно было подсказано Обри: я стала тигром.

Превращение оказалось молниеносным, но успешным. Мое туловище вытянулось, руки и ноги превратились в тяжелые когтистые лапы. Я застала Елену врасплох, врезалась в нее и опрокинула на пол.

Но моя победа оказалась кратковременной. Не успела я вонзить зубы в шею Елены, как получила удар, заставивший меня влететь в горку с посудой. Он был в десять раз сильнее удара, который мы с Сетом получили раньше. Боль заставила меня принять свой прежний облик. За спиной послышался звон и треск бьющегося хрусталя и фарфора. Осколки сыпались во все стороны, рая кожу.

Я снова остервенело бросилась вперед, зная тщетность своих усилий, но испытывая потребность что-то сделать. Горячка боя захватила меня. Теперь я прыгнула на Романа, заставив свое тело принять форму... сама не знаю кого. Ничего конкретного у меня в голове не было. Только когти, зубы, чешуя, мышцы. Быстрота. Размер. Опасность. Порождение кошмара. Настоящий дьявол из ада.

Однако добраться до нефилима я не успела. Либо один из них, либо оба ударили меня еще в полете, и я очутилась рядом с Сетом. Его широко раскрытые глаза следили за мной с ужасом и восхищением. Огненные стрелы вонзались в меня, заставляли кричать от боли и выворачивали наружу каждый нерв. Какое-то время меня защищала новообретенная чешуя, но затем от боли и изнеможения я потеряла контроль над трансформацией. Едва я опять очутилась в хрупком человеческом теле, как новое силовое поле прижало меня к месту, не давая возможности пошевелиться.

Моя атака продолжалась не дольше минуты, но оставила меня без сил, энергия, полученная от Мартина Миллера, наконец истощилась. Ее хватило ненадолго. «Нефилим способен прибить каждого из вас»...

— Очень доблестно, Джорджина, — хмыкнул Роман, вытирая пот со лба. Он тоже потратил немало сил, но их у него с самого начала было намного больше, чем у меня. — Доблестно, но глупо. — Он подошел, посмотрел на меня сверху вниз и с насмешливой горечью покачал головой. — Ты не знаешь, как пользоваться собственной энергией. Ты сожгла себя.

— Роман... мне очень жаль...

Про энергию он мог и не говорить. Ее во мне почти не осталось. Я была опустошена. Сгорела, если можно так выразиться. Я смотрела на свои руки и видела, что они мигают и подрагивают, как мираж в пустыне. Знак был недобрый. Если ты давно пользуешься одним и тем же телом — даже если оно не принадлежало тебе с самого начала, — то через несколько лет привыкаешь к нему. Я находилась в этом теле давно, и лет через пятнадцать оно стало моей второй натурой. Я считала его своим собственным и всегда возвращалась в него после трансформации. Сейчас я отчаянно пыталась сохранить его и не вернуться в тело, которое принадлежало мне от рождения. Это было бы еще хуже.

— Очень жаль? — переспросил Роман. Увидев его лицо, я поняла, какую страшную боль ему причинила. — Ты даже не можешь представить...

Мы все почувствовали это одновременно. Роман и Елена повернулись, обменялись тревожными взглядами, и тут входная дверь распахнулась настежь. Сеть, прижимавшая меня к полу, распалась, когда нефилимы сконцентрировали свою энергию, готовясь к приближавшемуся апокалипсису.

Вспыхнул свет, такой яркий, что глазам стало больно. Знакомый свет. Снова появилась та внушавшая сверхъестественный страх фигура, которую я видела в переулке. Но на сей раз их было две. Похожих, как отражения в зеркале. Неразличимых. Я не знала, кто из них кто, но вспомнила фразу Картера, небрежно брошенную им неделю назад: «Ангел во славе может напугать большинство бессмертных, а смертного это зрелище просто убьет...»

— Сет, — прошептала я, отвернувшись от величественного зрелища, чтобы посмотреть на Мортенсена. В его широко раскрытых карих глазах стоял священный ужас. — Сет, не смотри на них. — Я из последних сил подняла мерцавшую руку и повернула к себе его лицо. — Сет, не смотри на них. Смотри на меня. Только на меня.

Позади кто-то пронзительно вскрикнул. Мир разлетелся на куски.

— Джорджина, — выдохнул Сет, бережно прикоснувшись к моему лицу. — Джорджина, что с тобой?

Я собрала всю свою волю, чтобы остаться в том теле, в котором он меня видел. Но борьба оказалась тщетной. Я умирала. Сет нагнулся ко мне. Я заставила себя забыть о раздававшихся вокруг звуках хаоса и разрушения и сосредоточилась только на его лице.

Я уже говорила, что Роман был очень красив, но по сравнению с лицом Сета его красота ничего не стоила. По крайней мере, в этот момент. Длинные ресницы, лукавые карие глаза, доброта, проявляющаяся во всех его поступках... Плохо выбритая щетина, растрепанные волосы, обрамлявшие лицо, на котором отражалась его природа, сила характера и душа, сиявшая, как маяк в туманную ночь...

— Сет, — прошептала я. — Сет...

Он наклонился ко мне. Я привлекала его к себе все ближе и ближе. А потом поцеловала, не обращая внимания на сражавшиеся между собой силы ада и рая.

Глава двадцать пятая

Иногда человек просыпается и перестает видеть сон. Иногда продолжает жить в нем. А иногда — правда, очень редко — просыпается в чужом сне.

«Если он захочет забрать меня и сделать своей наложницей, я соглашусь, с условием получать взамен сигнальные экземпляры его книг».

Мои первые слова, сказанные Сету, когда я страстно обсуждала его книги. Первое впечатление Сета обо мне. Голова высоко поднята, волосы падают через плечо. Всегда наготове дерзкая реплика. Холодная уверенность в себе, которой так завидовал интроверт Сет. «Как ей это удается? Никогда не лезть за словом в карман?» Мое сбивчивое объяснение правила пяти страниц, дурацкая привычка, которая показалась ему обворожительной. Тот, кто ценит литературу по-настоящему, должен смаковать ее, как хорошее вино. «Умная, живая и красивая».

Да, красивая. Теперь я видела себя такой, какой меня в тот вечер встретил Сет: короткая юбка, пикантный фиолетовый топ, сверкающий, как птичье оперение. Экзотическое создание, кажущееся безнадежно чужеродным на фоне скучного интерьера книжного магазина.

Все это сидело в сознании Сета. Прошое его возраставшего чувства ко мне смешивалось с настоящим, и я пила и то и другое.

Не просто красивая. Сексуальная. Чувственная. Богиня, каждое движение которой вызывает желание. Крохотные капельки пота на ложбинке между моими грудями. Я стою на его кухне в одной майке с надписью «Блэк Саббат». «Под майкой ни намек на нижнее белье. Интересно, что чувствует мужчина, просыпаясь рядом с такой женщиной, вольной и не знающей преград?»

В меня вливались его мысли. Их становилось все больше и больше.

Он следил за мной в магазине. Ему нравилось, как я разговаривала с покупателями. Нравилось, что я знала понемногу обо всем. Остроумные реплики, которые он придумывал для своих персонажей, срывались с моих губ без всякого труда. «Поразительно. Никогда не встречал человека, который бы говорил так в обычной жизни». Моя торговля с владельцем букинистического магазина. Харизма, возвышавшая меня в глазах тихого, стеснительного Сета. Добавлявшая и ему уверенности в себе.

Его эмоции стремительно просачивались в меня. Мне еще не доводилось ощущать ничего подобного. Конечно, я чувствовала симпатию и влечение, которое вызывала у своих жертв, но никогда не сталкивалась с такой любовью.

Да, Сет считал меня сексуальной. Ощущал желание. Однако к физическому влечению примешивались доброта и нежность. Маленькая Кейла сидит у меня на коленях, ее белокурая головка прижимается к моей груди, а я заплетаю ей косу. Мгновенная смена образа: Сет представляет себе, что у меня на коленях сидит его дочь. «Сильная и решительная с одной стороны, нежная и беззащитная — с другой». Я пьяная в его квартире. Стремление защитить меня. Он укладывает меня в кровать и несколько часов следит, как я сплю. Мои несовершенства, слабости и недостатки, не меняют его мнения обо мне. Только приближают меня к нему и усиливают его любовь...

Я пила все больше и больше и не могла остановиться.

«Почему она ни с кем не встречается?» — спрашивает Сет Коди. Коди? Да, он тоже там,

на задворках сознания Сета. Воспоминание. Коды тайком учит Сета свингу. Мне они ничего не говорят, только туманно ссылаются на необходимость с кем-то встретиться. Сет, отчаянно пытающийся заставить свои ноги слушаться, чтобы получить возможность потанцевать со мной и ощутить мою близость. «Она боится, — говорит вампир. — Думает, что любовь причиняет боль».

Любовь причиняет боль.

Да, Сет любил меня. Был не просто влюблен, как думала я. Испытывал ко мне не чисто физическое влечение, которое я внушала. Это являлось чем-то большим, намного большим. Я была олицетворением всего, что он искал в женщине: чувства юмора, красоты, ума, доброты, силы, харизмы, сексуальности, сострадания... Казалось, его душа узнала мою и неосознанно потянулась к ней. Он любил меня с силой, которой я не осознавала, хотя, видит бог, старалась осознать. Я хотела этого. Хотела почувствовать, всосать в себя все, что горело у него внутри. Съесть его. Ощутить то же пламя самой.

— Джорджина!

Кто-то издали звал меня, но я не могла оторваться от Сета. Не могла перестать впитывать его силу, силу его чувства ко мне. От поцелуя это чувство становилось еще сильнее. Его губы были нежными и жадными, голодными и требовательными. — Джорджина!

Я хотела стать с Сетом единым целым. Нуждалась в этом. Нуждалась в том, чтобы он наполнил меня... физически, умственно, духовно. Там было что-то... в нем скрывалось то, до чего я не могла дотянуться. Прятавшееся в подсознании. Что-то, что мне давно следовало понять. «Ты моя жизнь». Мне нужно было проникнуть еще глубже, докопаться до большего. Найти то, что пряталось от меня. Этот поцелуй казался спасательным тросом, соединявшим меня с чем-то большим, чем я сама, с чем-то, по чему я всегда тосковала, но никогда не знала. Я не могла остановиться. Не могла перестать целовать Сета. Не могла...

— Джорджина! Отпусти его!

Чьи-то руки грубо оттащили меня от Сета. Казалось, с моего тела сорвали кожу. Я громко вскрикнула от боли и стала бороться с тем, кто удерживал меня. Мне было необходимо узнать тайну, маячившую за этим поцелуем, полностью завершить соединение с Сетом...

Сет.

Я опустила руки и заморгала, пытаясь сконцентрироваться на окружающем. Это был реальный мир, а не сознание Сета. Я по-прежнему находилась в своей квартире. И мое тело тоже было реальным, оно перестало меняться. Я оказалась маленькой стройной женщиной с медового цвета волосами. Та девушка, которой я когда-то была, снова появилась. Будь моя воля, я никогда бы не выпустила ее наружу. Жизненная сила Сета переполняла меня.

— Джорджина, — пробормотал Хью, отпустив мои руки. — О боже, ты напугала меня.

Посмотрев в другой конец комнаты, я увидела неряшливо одетого Картера, склонившегося над Сетом.

— Господи! — Я вскочила, побежала к ним и опустилась на колени рядом с ангелом. Сет лежал на полу, его кожа была бледной, холодной и влажной. — О боже. О боже. О боже. Он?..

— Жив, — ответил мне Картер. — Но жизнь в нём еле-еле теплится.

Я погладила Сета по щеке, заросшей золотисто-рыжей щетиной, и почувствовала, что на мои глаза навернулись слезы. Его дыхание было неглубоким и прерывистым.

— Я не хотела... не хотела брать так много...

— Ты сделала то, что должна была сделать. Ты была совсем плоха и могла умереть.

— А сейчас может умереть Сет...

Картер покачал головой.

— Нет. Он не умрет. На выздоровление понадобится какое-то время, но он справится.

Я отдернула руку, испугавшись, что мое прикосновение повредит Сету. Потом обвела глазами квартиру и поняла, что она разгромлена куда сильнее, чем апартаменты Джерома. Фарфор и хрусталь разбиты вдребезги. Столы сломаны. Кресла и диван перевернуты. Покосившийся шкаф, наконец, рухнул. Обри забилась под кухонный стол и пыталась понять, что происходит. Я задумалась. Нефилимы куда-то исчезли. Что случилось? Неужели я все пропустила? Рядом разыгралась крупнейшая за последнее столетие битва сил добра и зла, а я ее даже не заметила? Да, поцелуй был хорош, но все же...

— Где... все остальные?

— Джером у твоих соседей. Пошел... э-э... компенсировать ущерб.

— Да вы что?

— Самое обычное дело. Понимаешь, битвы сверхъестественных существ тихими не бывают. Приходится кое-что стирать в памяти. Чтобы не тревожить власти.

Я проглотила слюну и неохотно задала следующий вопрос:

— А что... что стало с нефилимами?

Серые глаза Картера смотрели на меня долго и пристально.

— Знаю, знаю, — наконец, пробормотала я, уставившись в пол. — Припать им десять лет с правом досрочного освобождения за примерное поведение нельзя. Вы их уничтожили.

— Мы уничтожили... одного из них.

Я резко подняла глаза и посмотрела на него.

— Что? А как же второй?

— Он сбежал.

Он. Слезы, которые мне до сих пор удавалось сдерживать, хлынули ручьем. Я не смогла с ними справиться. «Ради тебя я уеду».

— Как?..

Картер положил ладонь на лоб Сета, словно проверяя температуру, а потом повернулся ко мне.

— Все произошло очень быстро. Он воспользовался сумятицей, замаскировался, стал невидимым и удрал, пока мы занимались другим. Но, честно говоря... — Ангел посмотрел на плотно закрытую входную дверь, а потом на нас с Хью.

— Что? — прошептала я.

— Я не... не вполне уверен, что Джером не дал ему сбежать. Двоих он не ждал. И я тоже, хотя теперь понимаю, что должен был. После убийства первого... — Картер пожал плечами. — Не знаю. Трудно сказать, что случилось.

— Тогда он вернется, — догадалась я. Как ни странно, мысль о бегстве Романа вызывала у меня страх и облегчение одновременно. — Он вернется... и расправится со мной.

— Не думаю, — ответил ангел, поднял Сета и понес его к перевернутому дивану. Спустя мгновение диван, целый и невредимый, чинно стоял у стены. Картер положил на него Сета и продолжил рассказ: — Второму нефилиму тоже сильно досталось. Не могу понять, как ему еще хватает сил скрываться от нас. Думаю, с минуты на минуту я почувствую его ауру. Если у этого типа сохранилась хоть капля ума, сейчас он удирает и

пытается оказаться от нас как можно дальше. От нас и остальных бессмертных. Сейчас он безоружен.

— А что будет потом? — спросил Хью.

— Он сильно пострадал и оправится не скоро. А когда оправится, поймет, что в Сиэтле у него больше поддержки нет, поэтому возвращаться сюда не имеет смысла.

— И все же он вернется за мной, — возразила я и задрожала от страха, вспомнив, с какой яростью он смотрел на меня перед появлением Джерома и Картера.

С трудом верилось, что с того момента, как мы страстно сжимали друг друга в объятиях, прошло всего несколько часов.

— Может, — согласился Картер. — Но со мной ему не справиться. И с Джеромом тоже. А с нами обоими — тем более. В конце концов, именно это все и решило. Они не ожидали, что мы будем действовать заодно. Как одна команда. Теперь он двадцать раз подумает, прежде чем сунется сюда. Даже с учетом того, что в одиночку ты для него угрозы не представляешь.

Но это меня несколько не утешило. Я думала о страстном и мятежном Романе, всегда готовом выступить против существующей системы. Такие личности склонны к мести. Я обольстила его, занималась с ним любовью, а потом предала. Результатом этого предательства стал крах его планов... и гибель сестры. «Слава богу, у меня есть сестра. Это единственное, что связывает меня с жизнью».

Он может на время затаиться, как предполагает Картер, но не надолго. В этом я не сомневалась.

— Он вернется, — прошептала я скорее себе, чем кому-то другому. — Однажды вернется.

Картер смерил меня пристальным взглядом.

— Вот тогда мы им и займемся.

Тут входная дверь распахнулась, и вошел Джером, как всегда, аккуратный и подтянутый. Неужели совсем недавно он участвовал в священной битве с собственным отпрыском?

— Ну что, с домашним хозяйством покончено? — спросил Картер.

— Да. — Взгляд демона устремился на Сета. — Он жив?

— Да.

Ангел и демон посмотрели друг на друга, после чего настала гнетущая тишина.

— Очень неожиданно, — наконец, пробормотал Джером. — Я готов был поклясться, что он умер. Ну что ж. Такие чудеса случаются каждый день. Думаю, нам придется стереть его.

Я встала.

— О чем вы говорите?

— Джорджи, я рад, что ты снова с нами. Кстати, ты чудесно выглядишь.

Его шутка меня разозлила. Я знала, что энергия Сета пошла мне на пользу.

— Что вы имеете в виду, говоря, что сотрете его?

— А ты как думаешь? Нельзя позволить ему уйти после того, что он здесь видел. Заодно я немного уменьшу его чувство. Он слишком привязан к тебе.

— Что? Нет. Вы этого не сделаете.

Джером вздохнул и напустил на себя вид великомученика.

— Джорджина, ты понимаешь, что ему открылось? Его необходимо стереть. Нельзя позволить ему знать о нас.

— И какую часть любви ко мне вы у него отнимете? — Воспоминания Сета, сейчас ставшие моими собственными, сверкали в моем мозгу, как драгоценные камни.

— Он будет с трудом вспоминать, что когда-то вы были знакомы. В последние недели ты относилась к своей работе еще небрежнее, чем обычно. — Но вряд ли в этом можно было винить Сета, главная роль принадлежала Роману. — Вы оба будете работать лучше, если вместо тебя он влюбится в какую-нибудь смертную женщину.

«А тебе никогда не хочется взбунтоваться?» — услышала я лукавый вопрос Картера, заданный мне целую вечность назад.

— Вы не должны делать это. Не должны забирать его любовь ко мне вместе со всем остальным.

— Раз уж я буду там, то заодно сотру и его воспоминания о тебе. Все равно он не сможет жить как прежде, зная о существовании сил добра и зла. Даже ты согласишься с этим.

— Некоторые смертные знают о нас, — возразила я. — Например, Эрик. Эрик знает, не хранит секрет.

Внезапно я поняла, что Эрик хранил секрет и Елены. Он понял это, проработав с ней много лет, но не раскрыл мне правды, ограничившись осторожными полунамекками.

— Эрик особый случай. У него дар. А простой смертный с этим не справится. — Джером подошел к дивану и бесстрастно посмотрел на Сета. — Так будет лучше.

— Нет! Пожалуйста! — крикнула я, подбежала к Джерому и схватила его за рукав. — Пожалуйста, не надо!

Архидемон повернулся ко мне. В его темных глазах читалось изумление. Как я посмела прикоснуться к нему? Сморщившись от этого взгляда, я поняла, что от его снисходительного отношения ко мне не осталось и следа. Что-то изменилось. Но это было важно. Я не знала, чем это вызвано. Возможно, появлением Сета. Или Романа. Может быть, чем-то другим. Ясно было одно: все изменилось.

— Пожалуйста! — умоляла я. — Пожалуйста, не надо. Не отнимайте меня у него... в смысле из его мозга. Я сделаю все, что вы хотите. Все. — Я вытерла лоб, стараясь выглядеть спокойной и владеющей собой, но поняла, что это не получишь.

Джером слегка приподнял бровь, похоже, мне удалось вызвать его интерес. Выражение вступать в сделку с дьяволом возникло не случайно. Мало кто из демонов мог противиться такому соблазну.

— Что ты можешь мне предложить? Секс подействовал на моего сына, но со мной этот номер не пройдет.

— Да, — согласилась я и бросилась напролом. — На него это подействовало. И на большинство мужчин действует тоже. Джером, я знаю свое дело. Лучше, чем вы думаете. Как, по-вашему, почему я единственный суккуб в этом городе? Потому что я лучшая. Пока у меня не началась эта хандра, ну, та депрессия, в которой я нахожусь сейчас... я могла соблазнить любого. И не просто ради их жизненной силы. Я могла командовать ими. Заставлять их делать все, что мне хотелось, вынуждать совершать грехи, на которые до встречи со мной они были не способны. И они совершали их, причем совершали с удовольствием.

— Продолжай.

Я сделала глубокий вдох.

— Вам надоело, что я все время имею дело только с нищими духом, верно? Что я

пренебрегаю своими обязанностями? Так вот, я могу измениться. Могу набить ваш склад душ доверху. Я уже делала это раньше. А от вас требуется только одно. Отпустить Сета. Пусть он сохранит память. Все свои воспоминания.

На какое-то время взгляд Джерома стал задумчивым.

— Все души в мире не принесут мне никакой пользы, если он выболтает то, что видел.

— Сначала посмотрим, сумеет ли он с этим справиться. Когда он оживет и придет в себя, мы поговорим с ним. Если выяснится, что он не сможет держать язык за зубами, тогда... ну, тогда вы сотрете его память.

— А кто будет решать, сможет он держать язык за зубами или нет?

Я замешкалась. Мне не хотелось, чтобы окончательное решение принимал демон.

— Картер. Картер может сказать, лжет человек или нет. — Я посмотрела на ангела. — Вы поймете, можно ему верить или нет, правда? Можно ли ему позволить... знать о нас?

Картер посмотрел на меня взглядом, смысла которого я не поняла.

— Да, — в конце концов, подтвердил он.

— А что будешь делать ты? — спросил Джером. — Ты сдержишь обещание, если Картер решит, что ему доверять нельзя?

Вопрос прозвучал слишком жестко. Мне казалось, что в этом случае Джером будет не вправе требовать выполнения условий сделки. Но я была готова рискнуть. В том, что Сет никому не расскажет о делах бессмертных, сомневаться не приходилось. Я открыла рот, чтобы дать согласие, но краем глаза увидела, что Хью покачал головой. Бес нахмурился, постучал пальцем по часам и произнес одними губами слово, которого я не поняла.

Но затем меня осенило. Время. Я слышала рассказы Хью и знала правило торговли: сделка с бесом должна иметь свой срок.

— Если Сет сохранит память, я буду добросовестно выполнять обязанности суккуба целый век. Если ее сотрут, я буду делать это... тридцать лет.

— Пятьдесят, — возразил Джером. — Мы не смертные. Даже век ничего не значит перед лицом вечности.

— Пятьдесят, — равнодушно согласилась я, — но не больше, чем требуется для выживания. Что бы вы ни думали, я не собираюсь заниматься этим каждый день. Я стану вступать в связи с мужчинами только при необходимости, но эти связи будут бурными. Очень бурными и греховными. С достойными мужчинами. Я буду делать это... раз в месяц-полтора.

— Этого мало. Каждые две недели, нуждаешься ты в этом или нет.

Я закрыла глаза. Торговаться дальше не было сил.

— Каждые две недели.

— Очень хорошо, — сказал Джером, но тут же предупредил: — Ты будешь выполнять условия сделки до тех пор, пока я по каким-либо причинам не решу ее аннулировать. Я, а не ты, ясно? Так что увильнуть тебе не удастся.

— Знаю. Я согласна.

— Тогда по рукам?

Он протянул руку. Я без колебания приняла ее, и между нами проскочила искра. Демон еле заметно улыбнулся.

— Договорились.

Глава двадцать шестая

— Все хандришь, Кинкейд?

Я оторвалась от компьютера и увидела Дага, лениво присевшего на край стола.

— С чего ты взял?

— Я еще никогда не видел у тебя такого грустного лица. Просто душа разрывается.

— Извини. Наверное, просто устала.

— Тогда иди домой. Твоя смена закончилась.

Опустив взгляд, я увидела в правом нижнем углу монитора цифры «5:07».

— Да, правда.

Даг искоса следил за тем, как я безропотно поднялась и вышла из-за стола.

— Слушай, ты уверена, что все в порядке?

— Да. Говорят тебе, я просто устала. До завтра.

Я повернулась и пошла.

— Эй, Кинкейд, ты ведь дружишь с Мортенсенем, верно?

— Типа того, — осторожно ответила я.

— Не знаешь, что с ним случилось? Раньше он торчал здесь каждый день, но прошла уже неделя, а о нем ни слуху ни духу. Пейдж волнуется. Думает, что мы его чем-то обидели.

— Не знаю. Мы с ним не такие уж близкие друзья. Извини. — Я пожала плечами. — Может, он заболел. Или уехал куда-нибудь.

— Может быть.

Я вышла из магазина. Стоял темный осенний вечер. По пятницам на бульваре Королевы Анны было тесно: людей привлекали сюда многочисленные развлечения и возможность отлично провести время. Погруженная в свои мысли, я шла сквозь толпу к своей машине, припаркованной в квартале от магазина. Поняв, что место вот-вот освободится, какой-то стервятник на красной «хонде» замедлил скорость и даже посигналил.

— Ну что, готова? — спросил Картер, материализовавшись на пассажирском сиденье.

Я пристегнула ремень безопасности.

— Всегда готова.

Мы доехали до района университета молча, хотя в мозгу у меня роились сотни вопросов. Когда неделю назад ангел увозил Сета, то просил меня не беспокоиться и обещал, что присмотрит за ним. Но, конечно, я беспокоилась. И из-за Сета, и из-за сделки, заключенной с Джеромом. Мне предстояло стать главной причиной хаоса и падения нравов в Сиэтле и затмить подвиги... точнее, злодеяния Хью. Предсказание Елены сбудется: отныне мое рабство только укрепится. От одной мысли об этом меня начинало тошнить.

— Я буду рядом, — успокоил меня Картер, когда через несколько минут мы остановились у двери Сета.

Образ ангела на мгновение замигал, и я поняла, что Картер стал невидимым. Для смертных, но не для меня.

— Что он знает?

— Не слишком много. В последние два дня он спал все меньше. Я кое-что сообщил ему, но думаю, что настоящего рассказа он ждет от тебя.

Я вздохнула, кивнула, посмотрела на дверь и почувствовала, что не могу сделать ни шагу.

— Можешь, — мягко сказал мне Картер.

Я снова кивнула, повернула ручку и вошла. Квартира Сета выглядела почти так же, как в прошлый раз. Кухня была такой же светлой и жизнерадостной, в гостиной стояли нераспакованные коробки с книгами. Из спальни доносилась негромкая музыка. Я поняла, что это «Ю-Ту», но песню не узнала. Я пошла на звук, добралась до спальни Сета и остановилась в дверях, не смея переступить порог.

Он сидел в кровати, опершись на подушки, и читал «Зеленую книгу сказок», казалось, позади осталась треть книги. Мое появление заставило Сета поднять глаза, и я с облегчением перевела дух, увидев, что ему полегчало. Лицо порозовело, глаза казались живыми и яркими. Но щетина стала гуще, было видно, что он неделю не брился. Наверное, решил отращивать бороду.

Он взял с тумбочки пульт и выключил музыку.

— Привет.

— Привет.

Я сделала несколько робких шагов и остановилась, боясь подойти ближе.

— Садитесь, — пригласил он.

— Спасибо. — Я принесла стул и поставила его рядом с кроватью.

С доски объявлений на меня пристально смотрели Кейди и О'Нил. Я села, взглянула на него, а потом отвернулась. Видеть эти янтарно-карие глаза после того, как я заглянула в его сознание, оказалось выше моих сил.

Мы сидели и молчали, о прежних непринужденных беседах можно было забыть. На сей раз Сет не торопился проявлять инициативу. Картер прав: писатель ждал рассказа от меня. Я подняла взгляд и заставила себя посмотреть ему в глаза. Я должна была сделать это. Должна была объяснить случившееся, но не могла открыть рот. Ирония судьбы. Это я-то, никогда не умевшая вовремя остановиться. Славившаяся тем, что не лезла за словом в карман.

Но делать было нечего. Я глубоко вдохнула, чувствуя на своих плечах всю тяжесть мира и понимая продолжительность адских мук, на которые дала согласие.

— Честно говоря... честно говоря, на самом деле я работаю вовсе не в книжном магазине. То есть я там работаю, но мое главное занятие здесь заключается совсем не в этом. Дело в том, что я суккуб. Знаю, что вам уже доводилось слышать о нас. Точнее, думаю, что доводилось, но сомневаюсь, что эти сведения были правильными...

Начало положено. Постепенно я рассказала ему все. О правилах, установленных для суккубов, о моем недовольстве ими, о том, почему я не могу встречаться с мужчинами, которые мне нравятся. Рассказала о других бессмертных, ангелах и демонах в человеческом обличье. Даже о нефилимах, намекнув на то, что присутствие Романа в моей квартире было вызвано желанием заманить его в ловушку, но приход Сета сорвал весь замысел. Я говорила сбивчиво и половину времени несла чушь. Я знала только одно: нужно продолжать рассказывать, продолжать объяснять Сету то, что объяснить невозможно.

Наконец, я остановилась, поток слов иссяк.

— Вот и все. Хотите верьте, хотите нет, но силы добра и зла... во всяком случае, люди считают их такими... действительно существуют в этом мире, и я одна из них. Сиэтл битком набит представителями сверхъестественных сил, просто люди не понимают этого. Возможно, оно и к лучшему. Если бы они знали о нас, то поняли бы, насколько жалкая и паршивая у нас жизнь...

Я умолкла и подумала, что если бы Сет не видел произошедшего в моей квартире, то

принял бы меня за сумасшедшую. Черт побери, он мог думать так даже после увиденного. И оказался бы прав. Его карие глаза были задумчивыми. Он молча взвешивал мои слова. Почувствовав, что вот-вот расплачусь, я отвернулась и часто заморгала. Суккубов можно было обвинить во множестве грехов, на плач в их число не входил.

— Вы сказали... сказали, что были человеком, — неловко начал он, пытаясь переварить концепцию существования смертных и бессмертных. — Как же тогда... как же вы стали суккубом?

Я снова посмотрела на Сета. В этот момент я не могла отказать ему ни в чем. Даже в том, что причиняло мне смертельную боль.

— Я заключила сделку. Я уже говорила вам, что была замужем... и изменила мужу. Последствия этого оказались... не слишком приятными. Я продала свою душу и стала суккубом, чтобы возместить причиненную мной боль.

— Вы обрекли себя на вечные муки за одну-единственную ошибку? — Сет нахмурился. — Обмен неравноценный.

Я пожалала плечами, чувствуя себя неуютно. Тема была скользкой. Раньше я никому об этом не рассказывала.

— Не знаю. Что сделано, то сделано.

— О'кей. — Он слегка пошевелился, и тишину нарушил шорох ткани. — Ну что ж. Спасибо за рассказ.

Меня выставляли. Мысль об этом вонзилась в меня как нож. Вот и все. Сет больше не хочет меня видеть. Между нами все кончено. После того, что я ему рассказала, наши отношения уже не могли стать прежними. Может быть, оно и к лучшему?

Я торопливо встала, мечтая убраться отсюда как можно скорее.

— Да. О'кей. — Я пошла к двери, но на пороге обернулась. — Сет...

— Да?

— Вы понимаете? Понимаете, почему я это делаю? Почему мы не можем... почему мы должны... — Я не могла закончить мысль. — Это невозможно. Мне хотелось бы, чтобы все было по-другому...

— Да, — тихо ответил он.

Я повернулась, пулей вылетела из квартиры и побежала к своей машине. Очутившись в салоне, я уткнулась лицом в руль и горько заплакала. Через пару минут меня кто-то нежно обнял. Я повернулась к Картеру и прижалась к его груди. Я слышала рассказы смертных, которым доводилось встречаться с ангелами. Люди говорили, что в это время они ощущали покой и блаженство. Раньше я над этим не задумывалась, но постепенно страшная боль в груди стала терпимой. Я слегка успокоилась, подняла голову и посмотрела на ангела.

— Он ненавидит меня, — выдавила я. — Теперь Сет меня ненавидит.

— Почему ты так говоришь?

— После всего, что я ему рассказала...

— Да, Сет озабочен и сбит с толку, но я сомневаюсь, что он тебя ненавидит. Такая любовь редко превращается в ненависть, хотя должен признать, что иногда они переплетаются.

Я шмыгнула носом.

— Вы ее чувствовали? Его любовь?

— Не так, как ты. Но чувствовал.

— Я никогда не ощущала ничего подобного. Я не могу на нее ответить. Он мне

нравится... очень нравится. Может быть, я тоже люблю его, но не так, как он меня. Я не стою такой любви.

Картер недовольно щелкнул языком.

— Любви заслуживает каждый.

— Только не тот, кто согласился прожить следующее столетие, причиняя людям вред, развращая их, соблазняя и сея отчаяние. Вы должны ненавидеть меня за это. Да я сама себя ненавижу!

Взгляд ангела остался спокойным и невозмутимым.

— Если так, то почему ты согласилась на это?

Я откинула голову на спинку сиденья.

— Потому что не вынесла бы, если бы мысли обо мне... любовь ко мне... стерли из его сознания... и он бы больше никогда не вспомнил меня.

— Ирония судьбы, верно?

Я повернулась к нему, больше ничему не удивляясь.

— Что вы обо мне знаете?

— Кое-что знаю. Например, что тебе пришлось отдать за право стать суккубом.

— Тогда это казалось мне правильным, — пробормотала я, представив себе другое время, другое место и другого человека. — Он был таким грустным и так сердился на меня... Он не мог жить, зная, что я сделала. Я только хотела, чтобы меня навсегда вычеркнули из его памяти. Думала, будет лучше, если он... если все... забудут обо мне. Забудут о том, что я существовала.

— А теперь передумала?

— Я видела его... через много лет, когда он состарился. Я вернула себе прежнее обличье — кстати говоря, в последний раз. Я стала такой, какой он меня помнил, и подошла к нему. Но он даже не посмотрел на меня. Как будто не знал вовсе. Время, которое мы провели вместе... Любовь, которую он питал ко мне... Все ушло. Ушло навсегда. Это убило меня. Я стала ходячим мертвецом.

Я покачала головой.

— Я не могла позволить, чтобы это повторилось с Сетом. После того как узнала силу его чувства ко мне. Даже если теперь эта любовь погибла... если после моего рассказа от нее не осталось камня на камне. Даже если он больше никогда не заговорит со мной. Это лучше, чем мысль о том, что эта любовь не существовала.

— Любовь редко бывает идеальной, — напомнил Картер. — Люди обманывают себя, думая, что она возможна. Именно несовершенство делает любовь совершенной.

— Хватит с меня ваших парадоксов, — сказала я, внезапно почувствовав усталость, — Я только что потеряла человека, которого смогла полюбить после стольких лет. Полюбить по-настоящему. Не ради чистого наслаждения, как с Романом. Сет... У него было все. Страсть. Понимание. Дружба.

Я закрыла глаза и проглотила комок в горле.

— Мало того, я согласилась продолжить активное исполнение обязанностей суккуба. — Мне не давали покоя мысли о хороших парнях типа Дага и Брюса. Я не хотела их губить. — Картер, если бы вы знали, как я это ненавижу... Вы понятия не имеете, как мне не хочется этим заниматься. Но дело того стоит. Стоит, если Сет сможет сохранить свои воспоминания.

Я неуверенно посмотрела на ангела.

— Он сможет, правда? — Картер кивнул, и я облегченно вздохнула. — Вот и хорошо.

По крайней мере, во всей этой истории будет луч надежды.

— Конечно, будет. Надежда есть всегда.

— Только не для меня.

— Надежда есть всегда, — решительно повторил он. Командная нотка, прозвучавшая в его голосе, напугала меня. — Надежды заслуживает каждый.

На мои глаза вновь навернулись слезы. О боже. Казалось, в последнее время я только и делала, что плакала.

— Даже суккуб?

— А суккуб особенно.

Он снова обнял меня, и я опять дала волю слезам. Проклятая душа получила недолгую передышку в объятиях небесного создания. Неужели Картер сказал правду? Неужели у меня еще есть надежда? И тут я вспомнила то, что заставило меня сначала задохнуться, а потом засмеяться.

Ангелы никогда не лгут.

— Кейси заболела, — бодро сказала мне Пейдж, надевая пальто. — Тебе придется заменить ее за кассой.

— Нет проблемы. — Я прислонилась к стене ее кабинета. — Здесь интереснее, чем дома.

Пейдж широко улыбнулась.

— Спасибо, что пришла. Да еще после неожиданного звонка. — Она рассеянно похлопала себя по животу. — Надеюсь, обойдется, но боль не отпускает целый день...

— Все в порядке. Ступай. Ты должна заботиться о себе. Точнее, о вас двоих.

Она еще раз улыбнулась мне, взяла сумочку и пошла к двери.

— Где-то здесь бродит Даг. Если понадобится помощь, привлеки его. Что-то я должна была тебе сказать... Ах, да, тебе кое-что просили передать. Оно в твоём кабинете. Я положила его в кресло.

От ее слов у меня засосало под ложечкой.

— Ч-что это?

— Сама увидишь. Все, я ушла.

Я вышла следом за Пейдж и поплелась в свой кабинет. В прошлый раз в моем кресле лежал конверт от Романа, еще один кусочек извращенной игры в любовь и ненависть. «О боже, — подумала я. — Я знала, что это будет совсем не так легко, как говорил Картер. Роман вернулся, и все началось сначала. Он ждет, что...»

Тут я задохнулась и потеряла дар речи. В кресле лежал «Пакт Глазго».

Я осторожно подняла книгу, держа ее, как драгоценную фарфоровую чашку. Это был мой экземпляр, тот самый, который я просила Сета подписать месяц назад. Я совсем о нем забыла. Когда я открыла обложку, из книги посыпались лепестки лаванды. Их оказалось всего горстка, но эти лепестки были мне дороже всех букетов на свете. Я собрала их, а потом прочитала:

Фетиде.

Я понимаю, что сделал это с большим опозданием, но очень часто то, чего мы желаем больше всего, приходит только в результате терпения и после долгой борьбы. Думаю, такова человеческая природа. Это знал еще Пелей.

Сет.

— Знаешь, он вернулся.

— Что? — Я отвлеклась от загадочной надписи и увидела Дага, остановившегося в дверном проеме.

Он кивнул на мою книгу.

— Мортенсен. Снова сидит в кафе и строчит, как обычно.

Я закрыла книгу и вцепилась в нее обеими руками.

— Даг... ты еще не забыл греческие мифы?

Он фыркнул.

— Обижает, Кинкейд.

— Фетида и Пелей... это ведь родители Ахилла, верно?

— Верно, — ответил он.

Даг считался у нас экспертом в области классической филологии.

Я была совершенно сбита с толку. Не понимала смысла надписи и не могла взять в толк, почему Сету понадобилось намекать на великого героя времен Троянской войны.

— А остальное ты помнишь? — с любопытством спросил меня Даг.

— Что именно? Что Ахилл был бездельником и психопатом? Да, это я помню.

— Ну, это знают все. А я имею в виду самое интересное. Про Фетиду и Пелея.

Я покачала головой, и он продолжил тоном профессора:

— Фетида была морской нимфой, а Пелей — любившим ее смертным. Но когда он решил за ней поухаживать, Фетида повела себя как последняя сука.

— Как это?

— Она умела превращаться.

Я чуть не уронила книгу.

— Что?

Даг кивнул.

— Когда Пелей подошел к ней, она начала превращаться во всякое дерьмо, чтобы его отпугнуть. Становилась дикими животными, силами природы, чудовищами и так далее.

— А он... что он делал?

— Держал ее. Схватил и не отпускал во время всех этих жутких метаморфоз. В кого она только не превращалась, он все равно держал.

— И что было потом? — еле слышно спросила я.

— Наконец, Фетида превратилась в женщину и осталась ею. А потом они поженились.

Когда прозвучало слово «превращаться», я затаила дыхание. Теперь я держала книгу, смотрела в пространство и ощущала себя так, словно у меня в душе выросли крылья. Душа взмахнула ими, я воспарила к небесам и снова начала дышать.

— Кинкейд, ты здорова? В последнее время ты какая-то странная.

Я заморгала и заставила себя вернуться к действительности.

— Да. Извини. Я просто задумалась. — Борясь с невесомостью, я добавила: — Отныне я приложу все силы, чтобы больше не быть странной.

У Дага отлегло от сердца.

— Конечно, соврать тебе ничего не стоит, но будем надеяться, что это правда.

— Да, — с улыбкой подтвердила я. — Будем надеяться.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

Благодарности

Во-первых, хочу поблагодарить друзей и родных, которые своей любовью поддерживали меня во время написания этой книги. Этот роман никогда бы не увидел свет без моего мужа Майкла. Мы так часто говорили дома о Джорджине и ее неврозах, что ты вполне мог считать ее своей второй женой. Я люблю тебя.

Я должна выразить признательность клубу моих первых поклонников: Майклу, Дэвиду, Кристине и Марси. Вы послушно читали каждую страницу, которую я вам вручала, и с пониманием относились к моим требованиям дать ей немедленную оценку. Ваш энтузиазм и одобрение неизменно поддерживали меня. Не волнуйтесь, в один прекрасный день «Вестник» будет опубликован. Честное слово. Можете не сомневаться.

И наконец, спасибо редакторам и сотрудникам издательства, которые не давали мне сбиться с пути истинного: Кейту Маккину, Джиму Маккарти и Джону Сконьямильо. Благодарю за руководство и ценные советы.

notes

Номеру один (*ит.*). — *Здесь и далее примеч. ред.*

Обувная компания, основанная потомственными итальянскими обувщиками Марией Мариино и Бруно Мальи, которая до сих пор использует в работе ручной труд.

Торо, Генри Дэвид (1817–1862) — американский писатель и философ. Его книга «Уолден, или Жизнь в лесу», изданная в 1854 году, стала самым читаемым произведением американской классической литературы и оказала влияние на таких писателей, как Л.Толстой, У. Йейтс, Э. Хемингуэй.

Мейнстрим (*англ.* mainstream — основное течение) — то есть то, что интересно читать.

Трансценденталист — участник американского литературно-философского движения XIX века, главой которого был Р.У.Эмерсен. Наиболее яркие представители: Г.Торо, Дж. Рипли, Т.Паркер.

Дьявол в женском обличье, соблазняющий мужчин.

Экшен, или боевик — фильм в котором особое внимание уделяется перестрелкам, дракам, погоням и т. п.

Изысканный итальянский десерт, приготавливаемый на основе сыра маскарпоне.

Неофициальное название Сиэтла.

Конец XVIII-начало XIX вв.

Миссула — город в штате Монтана в США.

Понюшка — маленькая щепотка нюхательного табаку, достаточная для одного приема.

«Сиэтл есть полуостров» (*лат.*).

Широко распространенные путеводители по различным странам. Название получили по имени немецкого книготорговца и издателя К. Бедекера (1801–1859), первоначально составившего свои путеводители на основе данных, полученных им в результате путешествий и поездок.

Пригород Сиэтла.

Площадь названа в честь основателей Сиэтла.

Пайк-плейс, или щучий рынок — исторический рыбный рынок.

В квартале Фримонт под сизтловским мостом есть статуя бетонного тролля.

Космическая игла — обзорная площадка, один из главных символов Америки.

Ланг, Эндрю (1844–1912) — шотландский поэт, писатель и литературный критик, больше известный как собиратель народных сказок.

Движение, сформировавшееся во второй половине 60-х гг. в Калифорнии и представляющее собой конгломерат различных, спиритических и оккультных групп, культов, сект и учений с довольно свободно сформулированной идеологией.

Аркан (*лат.*) — тайна, тайный комплекс сведений или наставлений, содержащихся в картах Таро.

Пентаграмма — правильный пятиугольник, на сторонах которого находятся равнобедренные треугольники.

Адепт — посвященный в тайны какого-либо учения, секты; ревностный приверженец какой-либо идеи.

Клеврет — приспешник, приверженец, не брезгающий ничем, чтобы угодить своему покровителю.

Здесь: местность, протянувшаяся от Техаса до Айовы, где бушует большинство торнадо.

Белая Тара в буддизме: женщина — Бодхисаттва, достигшая совершенства и освобождения, но отказавшаяся от ухода в нирвану из сострадания к людям.

Древнеегипетский иероглиф, означающий «жизнь» и имеющий форму креста, увенчанного петлей.

То есть перемещение электрического заряда по воздуху, светящаяся дуга между двумя углями, через которые пропущен электрический ток.

Афронт — неожиданная неприятность, неудача, оскорбление, резкий отпор.

Сосиска в кукурузном хлебе, обычно подается на деревянной палочке.

Известный американский дизайнер.

Чипсы, содержащие микроколичество алкоголя.

Название хлопьев.

Танец в афро-американской народной танцевальной традиции.

Направление в хард-роке, оформившееся в конце 1980-х и достигшее своего апогея в 90-х годах, синтезировавшее элементы металлического рока и эстетику панк-рока. Наиболее яркий представитель — группа «Нирвана».

Игра слов. По-английски «bails» — это и шары, и мужские половые железы в разговорной лексике.

Самая распространенная версия Библии. Она признана классическим религиозным и литературным произведением. Писалась 7 лет с 1603 по 1611 г.г. Стала первой Библией, которую в церквях читали на английском языке.

(Быт., гл. 6, ст. 1–4).

Желтый колобок, персонаж компьютерной игры.

Прана — жизненный ветер, связанный с сердечным центром и сердечным сплетением и, следовательно, со здоровьем и силой сердца и его деятельности.

Сексизм — одна из форм психического насилия над личностью, суженное восприятие людей по признаку пола, проявляющееся в сексуальной дискриминации.

Изменение своим убеждениям, отступничество.

Ска — музыкальный стиль, появившийся на Ямайке в конце 1950-х гг. Его возникновение связано с появлением звуковых установок, позволявших танцевать прямо на улице.

Река в Северной Америке, по которой проходит граница между США и Мексикой.

Слабоалкогольный коктейль на основе белого рома и листьев мяты.

Конформист — приспособленец, пассивно принимающий существующий порядок вещей, господствующих мнений.

Майкл Корса (р. 1959) — американский дизайнер одежды. С 2000 года начал выпускать духи под собственным именем.

Здесь: закономерность поведения изучаемого предмета на будущее.

Здесь: легкая форма гипноза, применяемая для погружения в состоянии релаксации.

«Числа» — четвертая книга Моисеева; «Второзаконие» — пятая и последняя книга «Пятикнижия»; «Книга Иисуса Навина» — шестая книга в Ветхом Завете. Находится в теснейшей связи с «Пятикнижием» и составляет как бы его продолжение.

«Рыцарь плаща и кинжала» — метафора; т. е. разведчик в стане врага невидимый и смертоносный.

Портленд — важный экономический центр северо-запада США.

Инкуб — в средневековых легендах распутный демон, ищущий сексуальных связей с женщинами.

Здесь: положил на лопатки.

Фильм, в англоязычном мире считающийся одним из лучших фильмов всех времен и народов, с участием Кэтрин Хэпберн (1907–2003), американской актрисы, выдвигавшейся на премию «Оскар» двенадцать раз и удостоенной этой премии четырежды — больше, чем любой другой актер или актриса в истории.

Город в штате Вашингтон, США.

Вуайерист — человек, подглядывающий за половым актом или обнаженными представителями избранного пола.

Экспозиционист — человек, достигающий сексуального удовлетворения путем демонстрации голого тела, ягодиц или половых органов другим лицам.

Игра, участники которой должны найти и собрать определенные предметы (не покупая их) за ограниченное количество времени. — Примеч. пер.

Алки — самая западная точка Сиэтла.

Здесь: шоссе, соединяющее эти два штата.

Мадрона — жилой район в восточной части Сиэтла.